

ISSN 0131-7377

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

45 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Ежемесячный журнал
для родителей
Издаётся с мая 1946 года

В НОМЕРЕ

Главный редактор
В. Ф. СМЕРНОВ

Редакционная коллегия:
М. В. АНТРОПОВА,
Т. М. АФАНАСЬЕВА,
И. В. ДУБРОВИНА,
Ю. И. ЕРМОЛАЕВ,
И. Д. ЗВЕРЕВ,
В. А. КАРАКОВСКИЙ,
Г. А. КОВАЛЕВ,
Р. А. КУРБАТОВА,
В. Л. ЛЕВИ,
О. Н. МАМОНТОВА
(зам. главного редактора),
Ф. М. МОРОЗОВ,
В. А. ПОЛЯКОВ,
В. А. РЫБАКОВ
(редактор отдела психологии),
Г. Н. СЕРДЮКОВСКАЯ,
Л. Н. ТИМОФЕЕВА,
В. И. ЧЕРЕДНИЧЕНКО,
Б. Т. ШУМИЛИН

Редакторы отделов:
Н. АВТАМОНОВА
(семейного воспитания),
С. ВОЛЫШОК
(писем),
Л. ОСИПОВА
(эстетического воспитания),
С. ПАРСАДАНИН
(семейного быта и досуга),
С. СИВОКОНЬ
(литературы и критики),
Е. СМОЛКО (школ).

Редакторы:
Г. БЕЛИКОВА,
Т. БУКАШКИНА,
Ж. БЫКОВА,

Зав. редакцией
Т. ПЕТРОВСКАЯ

Художественный редактор
В. МУСИЕНКО

Технический редактор
Л. РОЗАНОВА

Макет и оформление
художника В. БЕЛАН

✉ Адрес редакции:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7
☎ Телефоны редакции:
283-86-14, 283-80-09

К 45-летию Победы

	1	С. Кун. Сила духа
НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	3	М. Минин. Знаменосцы Победы
ВОЙНА И ДЕТИ	15	С. Ачильдиев. «Я из блокадного кольца...»
	18	М. Савин. Фотографии военного времени
ВОЙНА И СЕМЬЯ	20	Б. Худолеев. «Так и не дождалась сыновей...»
РАССКАЗ	44	Р. Грачёв. Победа
ПЕСНИ ВОЙНЫ	46	Л. Чубаров. Прикосновение к истории
ПОЧТА	8	
«СЕМЬИ И ШКОЛЫ»		
ШКОЛА ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ	22	А. Артамонов. Некомпьютерные игры
ПОДРОСТОК И ОБЩЕСТВО	24	В. Чередниченко. За закатом — рассвет
СЕГОДНЯ И ВСЕГДА	28	Т. Афанасьева. Кто скачет впереди?
КЛУБ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ	31	И. Баркова. Помощь, поддержка, понимание
СТОП-СИГНАЛ	34	В. Москаленко. Является ли алкоголизм следственным?
ЗА РУБЕЖОМ	36	В. Козюлин. Почему «они» не спиваются?
«МОЕ МЕСТО В МОЕМ ДОМЕ»	38	Итоги конкурса
МУЖЧИНА И РЕБЕНОК	39	Б. Кочубей. Осень патриарха
КНИГИ	42	
ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ	47	М. Романушко. Наши зимы и лета, весны и осени
МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛУБ	50	
СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ	58	
ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ	64	В. Алексеев. О картине Михаила Ларионова «Цирковая танцовщица»
ДЛЯ МАЛЫШЕЙ		

Сдано в набор 07.03.90. Подписано в печать 30.03.90 А 06348. Формат 84×108 1/16. Бумага «Котлас». Печать глубокая. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт 12,6. Уч.-изд. л. 12,43 Тираж 3095 785 экз. Заказ 499 Цена 30 коп.

Издательство «Педагогика» Академия педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати. 107847, Москва, Лефортовский пер., 8.

Ордена Трудового Красного знамени Чеховский комбинат Государственного комитета СССР по печати 142300, г. Чехов Московской области.

Фото Л. Матковской

Фото С. Куна

45 ЛЕТ ПОБЕДЫ

СИЛА ДУХА

Как мы победили, чем задавили врага? Танками, пушками, самолетами? Наверное, и этим. Но прежде всего, пожалуй, тем, что не поддается никакому количественному измерению — силой духа: стойкостью, терпением и самоотреченностью, мужеством и всеобщим устремлением к одной цели. Одной — для всех.

Война оставила нам в память тысячи героических страниц. Мы перелистываем их с замиранием сердца. Еще и еще раз с радостью переживаем успехи. Еще и еще раз вспоминаем погибших, чьи трагические судьбы стали символом мужества, несгибаемости, беспредельной веры в то, что наш народ должен быть свободен и это зависит от усилий каждого на войне.

Но, неся в себе эту святую боль, эту светлую память, не забываем ли мы порой о героях живых? Они уже немолоды, эти воевавшие мужчины и женщины. Многие изранены, нездоровы, устали, страдают от неудобств нашей жизни, ведь мы, признаемся, плохо заботимся о ветеранах. А они заслужили лучших условий, более устроенной судьбы. Это — упрек всем нам. А им не в чем упрекнуть себя. Они и сейчас несут свою долю достойно и оптимистично — дай бог всем бы нам так!

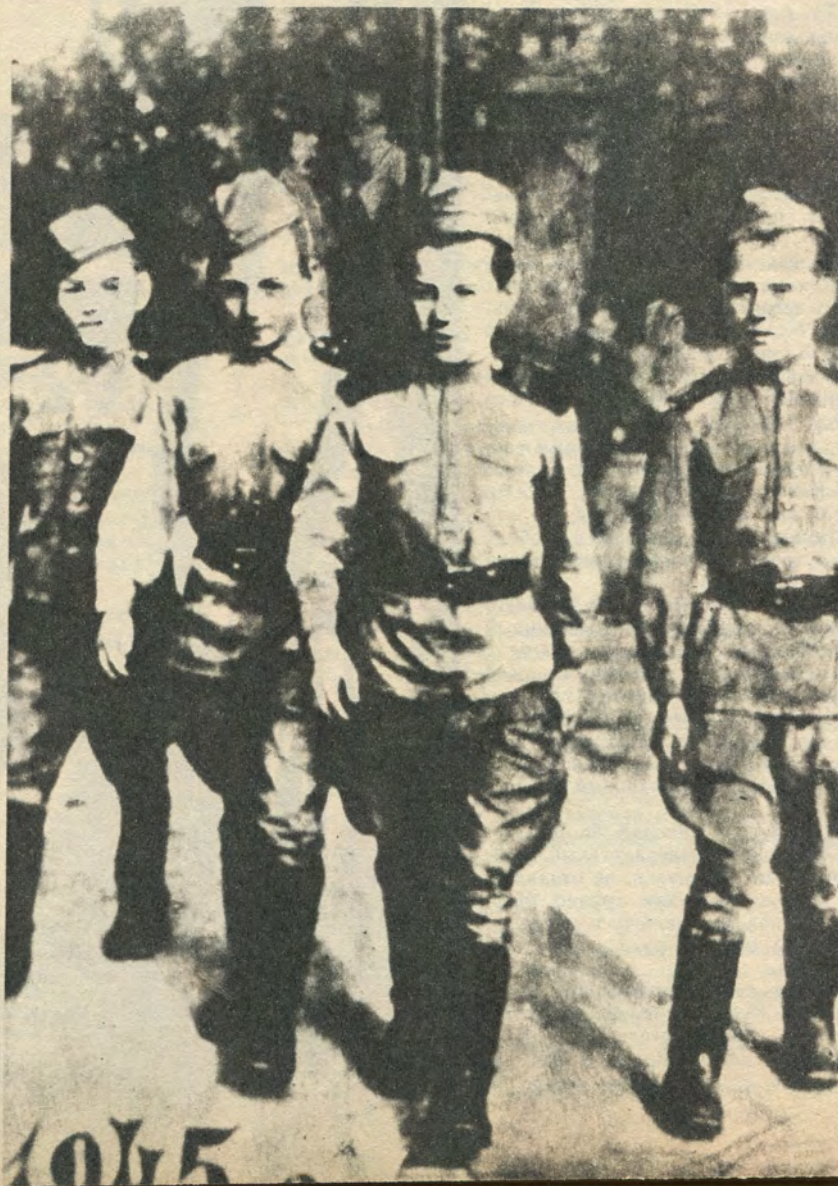
В Курске, городе, который после войны знает весь мир, — битва на Курской дуге! — живет Клара Александровна Рябова, ветеран Великой Отечественной. Всю войну на фронте, все тяготы, ужасы, тревоги пережила и осталась истинной женщиной, человечной, чуткой, доброй. На фронтовых дорогах она часто встречала ребятшек, детство у которых отняла война. Сердце сжималось от боли... А некоторые вызвали изумление и восхищение: мальчишки становились солдатами. Смешные и трогательные солдатики — сыновья полков, юные партизаны.

Что стало с ними, как сложилась их жизнь, если смерть пощадила? За долгие годы многих сынов полка разыскала Клара Александровна, теперь они изредка навещают ее. В музее боевой славы в родном Курске она устраивает встречи бывших малолеток-солдат ежегодно. На них собирается немало людей: школьники, студенты, взрослые. А бывшие

сыны полка, сами ставшие уже дедушками, называют Клару Александровну «мама»... Нам же впору низко поклониться доброй женщине, помогающей нам хранить память о том, что нельзя забыть.

На одной из таких встреч Клара Александровна познакомила меня с удивительным человеком — Николаем Фомичем Печененко.

В кресле сидел худощавый седой чело-

век, кавалер ордена Красной Звезды, многих медалей. Крупным, размашистым почерком он подписывал книгу для окруживших его пионеров. Казалось бы, все обычно, но... Ручку он держал в зубах. С 1971 года он пленник этого кресла — паралич. Эхо войны.

...Ему было десять лет, когда началась война. Фашисты наступали стремительно, и 22 пионера из лагеря (14 мальчиков и 8 девочек) оказались за линией фронта. В поле группу беззащитных детей расстрелял из пулемета фашистский стервятник, бросив напоследок две бомбы. В живых осталось двое... Тринадцать суток они скитались по лесам. Товарищ Коля Печененко умер от голода, Коля шел еще двенадцать суток. В августе 1943 года он стал партизаном.

Осенью трое двенадцатилетних паренков решили взорвать немецкий склад. Толя Ткачук был убит часовым сразу после взрыва, Колю и Васю Хильченко схватили фашисты. Васе удалось бежать, а Колю... Не всякий взрослый мог вынести то, что выпало на долю этого мальчика. Ему загоняли под ногти заостренные спички, пальцы его рук зажимали в дверях, нещадно били, ставили к стенке и из пистолета обстреливали очертания его фигуры. Трижды его вешали, но снимали, не дав задохнуться, и вновь подвергали пыткам. Фашисты не верили, не могли подумать, что склад взорвали дети, и хотели выведать у мальчишки, где взрослые партизаны. Маленький человек был беспомощен, но силен духом; он ничего не сказал.

Потом Колю выкрали партизаны. Мальчик не мог двигаться, мучения сделали свое дело — полный паралич. Партизанский врач вылечил обмороженные ноги, но с параличом ничего поделать не мог. Около двух месяцев парализованный мальчик лежал без движения в партизанской землянке. 5 января 1944 года лагерь окружили фашисты. Все в лагере были поставлены под ружье. И тут случилось чудо: Коля как бы встряхнулся, смог выползти, взять гранату. Он зубами сорвал чеку и бросил ее в фашистов. С этого момента Коля встал в строй. Руки и ноги его были еще очень слабы, но молодой организм покорил недуг, и Победу Николай встретил в составе регулярной армии в Чехословакии.

После войны Николай Фомич Печененко закончил Харьковский автодорожный институт. Женится и вырастил вместе с женой пятерых детей — четверых сыновей и дочь. До 1971 года работал главным инженером Артемовского (в Полтавской области) авторемзавода. Но болезнь настигла его снова: полная неподвижность, инвалид I группы, персональный пенсионер.

Что за человек — Николай Фомич Печененко? Веселый, жизнерадостный, добродушный. Он не замкнулся, не отчаялся, не упал духом, хотя так трудно было осознать, что нельзя вскочить и пойти на работу, нельзя взять в руки книгу, теплую руку жены.

А она была всегда рядом, его Евгения Федотовна. Когда случилось несчастье, старшие дети уже вылетели из гнезда, но оставались еще младшие, и все заботы о них, о доме, о муже легли на

ее плечи. Ее терпение, любовь, доброта и милосердие помогли Николаю Фомичу пересилить несчастье.

Что пришлось пережить Николаю Фомичу и Евгении Федотовне, пожалуй, и не описать. Стало немного легче, когда по его задумке сделали специальное приспособление, которое давало возможность зубами включать телевизор, свет, магнитофон, перелистывать страницы книг и... писать. Так он написал повесть «Судьба генерала», пишет роман «Опаленный судьбой», пишет стихи, письма... Писем ему приходится писать очень много. Корреспондентов у Николая Фомича великое множество во всех концах страны. С кем-то

его свела работа, с кем-то — трудные дороги войны или больничная палата, кто-то узнал о нем через знакомых. Николай Фомич многим становится необходимым в трудный час. Его мужество жить полной жизнью, быть по-прежнему в строю учит людей не падать духом, бороться и побеждать. Всем он старается сказать доброе слово, дать совет, поддержать...

Когда я узнал Николая Фомича, я очень хорошо понял, почему мы победили врага.

С. КУН
Фото автора

ЗНАМЕНОСЦЫ ПОБЕДЫ

Михаил МИНИН

Автор этих воспоминаний — ветеран Великой Отечественной войны, майор-инженер в отставке Михаил Петрович Минин свой первый бой с гитлеровцами принял на подступах к Ленинграду, недалеко от Среднего села. И с честью прошёл всю войну. В 1942 году Михаил Минин стал коммунистом. С 1944 года — парторг артиллерийской батареи. Никого не удивило, когда сержант Минин добровольно вызвался штурмовать рейхстаг. Он был одним из тех, кто первыми водрузили красный флаг над рейхстагом. Имена добровольцев долгие годы замалчивались. Все знали только о Знамени Победы, которое водрузили разведчики М. Егоров и М. Кантария.

Немало горького и несправедливого выпало на долю М. П. Минина. Но не потерял отважный воин веру в справедливость, в то, что сможет донести до людей правду о героизме и мужестве советских солдат в конце войны с фашизмом. Полностью воспоминания М. П. Минина будут опубликованы в сборнике «Война. Народ. Победа», который выйдет в 1991 году в Политиздате.

Берлинской операции — и штурму рейхстага — посвящено немало книг. И все-таки сегодня, 45 лет спустя, еще не все факты тех героических дней достаточно известны.

Мне выпала судьба быть непосредственным участником завершающих боев в фашистской столице. Об основных моментах боя за овладение рейхстагом могу свидетельствовать с предельной достоверностью, потому что не только сам участвовал в нем, но и возглавлял рзведгруппу, а после войны все факты тех дней тщательно сопоставил и уточнил по архивным документам.

В середине дня 27 апреля по батареям нашей артбригады неожиданно разнеслась весть: командование и политотдел 79-го стрелкового корпуса формируют из коммунистов и комсомольцев добровольческую штурмовую группу для водрузения Красного Знамени над рейхстагом.

Желающих записаться в штурмовую группу было так много, что командиры и политработники дивизионов испытывали немалое затруднение при отборе добровольцев: кому же из них отдать предпочтение?

Всего в 136-й артиллерийской бригаде было отобрано 11 добровольцев; четыре из разведдивизиона — старшие сержанты А. П. Бобров, Г. К. Загитов, А. Ф. Лисименко и я, в то время сержант, и семеро из трех огневых дивизионов — младшие сержанты Д. И. Никитин, И. А. Егоров, ефрейтор Г. Н. Валеев, рядовые воины В. В. Добросоцкий, М. М. Евтушенко, Н. Т. Сидоренко и И. Ф. Ульяненко. Старшим нашей группы назначили Г. К. Загитова, которому командир бригады полковник А. П. Писарев от имени командования и политотдела бригады вручил Красное Знамя, выразив надежду, что мы сумеем водрузить его на здании рейхстага.

В тот же вечер мы прибыли в штаб 79-го корпуса, где собралось немало воинов-добровольцев. Начальник политотдела корпуса И. С. Крылов разделил всех на две группы. В первую вошли в основном добровольцы 136-й и 86-й артиллерийских бригад, во вторую — воины из 40-й истребительной противотанковой артиллерийской и других частей. Командиром первой штурмовой группы был назначен капитан В. Н. Ма-

ков, а второй — майор М. М. Бондарь. Численность каждой группы была не менее 25 человек.

Полковник И. С. Крылов также дал по куску красной материи капитану В. Н. Макову и майору М. М. Бондарю, заметив при этом, что Знаменем Победы будет именоваться то Красное Знамя, которое будет первым водружено на верху рейхстага.

То была для нас святыня, которую доверили нам, горстке воинов Красной Армии, коммунистов, водрузить над столицей поверженного врага — от имени всех советских людей, живых и мертвых. Так понимали мы свою задачу.

Внешне рейхстаг выглядел как крепость. Все его окна и часть дверей были замурованы кирпичом, в кладке которого виднелись небольшие отверстия, использовавшиеся как бойницы.

Рано утром 30 апреля подразделения 756-го и 674-го стрелкового полков из помещения министерства внутренних дел и 380-й стрелковый полк из швейцарского посольства при участии добровольческих штурмовых групп начали непрерывные атаки вражеских траншей, отрытых примерно в 200 метрах западнее и севернее рейхстага. Противник вел по атакующим шквальный пулеметный и автоматный огонь из рейхстага и окружавших его траншей, а также артиллерийский обстрел из Тиргартена. Все атаки штурмовавших были отбиты. Мелкие подразделения, в том числе и наша добровольческая группа, стремившиеся под прикрытием артиллерийского огня и минометов просочиться к рейхстагу, цели своей не достигли...

Дом министерства внутренних дел по сравнению с другими зданиями, расположенными на подступах к рейхстагу, был менее разрушен. В большинстве помещений второго, третьего и четвертого этажей сохранились полы и потолки. Это позволило артиллеристам и минометчикам с помощью пехотинцев затащить на верхние этажи для стрельбы прямой наводкой несколько 45-миллиметровых пушек и мощных реактивных снарядов.

Просторные подвальные помещения здания были удобным

местом для сосредоточения стрелковых подразделений перед решающим штурмом рейхстага. Сюда в течение дня поступали боеприпасы, подтягивались резервные подразделения.

В течение всего дня командование 150-й и 171-й стрелковых дивизий и 79-го корпуса настоятельно требовало от штурмовавших подразделений подниматься в атаку и штурмом овладеть рейхстагом. Поле сражения находилось в постоянном движении. То и дело короткими перебежками устремлялись штурмующие в сторону рейхстага, но снова и снова залегали на западном берегу канала или откатывались в подвал.

Под прикрытием мощного артиллерийско-минометного налета старший сержант Г. Загитов вместе с тремя добровольцами сумел все-таки достигнуть канала и тщательно разведать место переправы, которое было в створе между юго-восточным углом «дома Гимmlера» и триумфальным входом в рейхстаг, над которым возвышалась массивная скульптурная группа.

Было около 15 часов 30 апреля, когда командир 79-го стрелкового корпуса генерал-майор Переверткин для уточнения обстановки связался по радию с командиром нашей штурмовой группы капитаном Маковым и спросил, действительно ли взят рейхстаг? Когда Маков доложил, что рейхстаг не только не взят — там нет ни одного советского воина, ибо самые передовые наши подразделения прижаты к земле на расстоянии более 300 метров от рейхстага, генерал Переверткин с раздражением заметил: «Плохо следите за обстановкой!» И добавил, что уже якобы есть сведения о взятии рейхстага. На этом генерал закончил разговор.

Это сообщение вызвало у нас замешательство. Тогда мы посчитали, что произошло недоразумение, которое будет исправлено в ближайшее время. Но, к сожалению, уточнение этого факта затянулось на многие годы и даже десятилетия.

Нельзя было не восхищаться мужеством всех участников боя за рейхстаг. Каждый воин хотел сделать все от него зависящее, чтобы приблизить час победы. Чтобы по узким лестницам протиснуться на верхние этажи «дома Гимmlера» 45-миллиметровые пушки, артиллеристы сначала разбирали их, а затем, на втором или третьем этажах, монтировали вновь. За сотни метров гвардейцы-минометчики подносили тяжелые реактивные снаряды, на веревках и ремнях затаскивали их на верхние этажи, в комнатах из столов делали приспособления для запуска, и оттуда прямой наводкой стреляли по противнику.

К 18 часам 30 апреля огонь с обеих сторон стал заметно ослабевать, а к 19 часам почти совсем прекратился. Командир нашей группы капитан Маков сообщил, что командование 79-го корпуса приняло решение произвести решающий штурм рейхстага под покровом темноты, 30-минутная артподготовка начнется в 21 час 30 минут, а в 22.00 по сигналу «зеленая ракета» — начало штурма.

Примерно к 20 часам 30 апреля в ползал дома министерства внутренних дел прибыло пополнение свыше 80 человек. То была рота автоматчиков И. Я. Съянова.

Перед решающим штурмом на исходном рубеже — в подвале «дома Гимmlера» сосредоточились в основном подразделения двух частей. На правом фланге находился батальон майора В. И. Давыдова из 674-го стрелкового полка, на левом — батальон капитана С. А. Неустроева из 756-го полка. В стыке между ними — наша малочисленная штурмовая группа под командованием капитана Макова. Немного левее батальона Неустроева готовился к наступлению батальон К. Я. Самсонова, который по замыслу командования 380-го стрелкового полка должен был обойти водоем справа и затем наступать левее батальона С. А. Неустроева. Численный состав каждого из этих батальонов составлял не более 70—80 процентов штатного расписания.

Вот такими незначительными силами, без танков сопровождения предстояло нам штурмом взять рейхстаг.

Ровно в 21 час 30 минут 30 апреля 1945 года началась артиллерийская подготовка. Основную мощь огня обеспечивали брудия и тяжелые минометы, установленные на закрытых позициях.

Минут за пять до окончания артподготовки по приказанию Макова Бобров, Загитов, Лисименко и я с двумя Красными Знаменами за пазухой выпрыгнули из углового оконного проема и побежали к каналу. Загитов прекрасно ориентировался на местности и безошибочно вывел нас к переправе.

В 22 часа 00 минут, когда огонь артиллерии и минометов перенесли в глубину Тиргартена, в воздух взметнулась серия зеленых ракет — сигнал начала штурма. Наша четверка к этому времени была уже на другом берегу канала. Перебежали мы его цепочкой по толстой трубе: первый Загитов, затем я, Лисименко и Бобров. Капитан Маков с остальными бойцами группы прикрывал нас, блокировал подходы к каналу.

Не ожидая подхода основных сил, мы сразу же бросились к парадному входу. Весь этот маршрут Гиза Загитов еще днем хорошо просмотрел в бинокль. Бежали стремительно. Справа и слева заговорили уцелевшие огневые точки врага. Однако от пуль нас хорошо защищали штабеля кирпича, отвалы земли и какие-то временные строения, расположенные возле рейхстага. Невдалеке стояла большая повозка с ремонтными материалами.

Приблизившись к рейхстагу, мы на ходу открыли автоматный огонь по главному входу и, не задерживаясь ни на секунду, сразу же стали подниматься по широкой гранитной лестнице, заваленной обломками кирпича, мелькавшими в луче фонаря.

Единственная массивная двухстворчатая дверь оказалась закрытой. Проемы справа и слева от нее были замурованы кирпичом. Возле нас вскоре скопилось до взвода солдат. Попытались дружно подналечь плечом, били ногами и прикладами, но дверь не поддавалась. У входа образовалась небольшая заминка, во время которой мы с Бобровым успели прикрепить к стене то Красное Знамя, которое вручил нам полковник А. П. Писарев.

Было 22 часа 10 минут 30 апреля 1945 года.

В темноте сделать это было не просто. Ощупывая руками кирпичную кладку левее двери, я обнаружил глубокие щели между кирпичами, в одной из которых решил зашвырнуть угол красного полотнища. Но чем? Пока Леша Бобров разыскивал какой-нибудь предмет, я в темноте обломком карандаша написал на полотнище фамилии Боброва, Загитова, Лисименко и свою. Вскоре Леша Бобров принес трехметровую лестницу, по которой я поднялся метра на два, наматал на деревянный обломок угол полотнища и забил брусочек в щель большим куском кирпича.

В это же время к главному входу стали прибывать знаменосцы от других частей и подразделений и тоже стали прикреплять свои флаги и знамена, добрались и остальные члены нашей группы.

Медлить со взломом двери было нельзя. Гиза Загитов предложил принести бревно, которое мы видели внизу, и ударить им в дверь. Маков одобрил идею. Загитов и Лисименко бегом спустились вниз и вдвоем принесли не очень толстое бревно. Гиза нес комель и поэтому оказался ближе всех к двери при ее взломе. Он-то и направлял удары бревна в створку. После нескольких таранных ударов, которые наносили более десяти человек, дверь распахнулась, и все мы хлынули внутрь здания. Впереди всех был Гиза Загитов, который вместе с бревном так и влетел в вестибюль. Вслед за ним в числе первых, перешагнувших порог рейхстага, были Бобров и Лисименко во главе с капитаном Маковым.

При описании штурма рейхстага авторы обычно упускают весьма существенную особенность начала боя внутри здания. В результате мощной артиллерийской подготовки враг был загнан в подземелье. На первом и втором этажах остались незначительные силы, которые были с ходу опрокинуты нашими передовыми группами. Этим было выиграно время. Когда враг опомнился и пошел в контратаку своими основными силами, в рейхстаг вступили уже батальоны Неустроева, Давыдова и передовые подразделения 380-го стрелкового полка. Несмотря на упорное сопротивление фашистов, мы освободили комнату за комнатой.

Воспользовавшись растерянностью врага и успехом, которо-

го добились атакующие в первые минуты боя, командир нашей группы решил пробиться на верх рейхстага. Среди сплошного шума, автоматных очередей и разрывов гранат я услышал команду Макова:

— Минин, собери всех и с флагом наверх!

Рядом со мной были Загитов, Бобров и Лисименко. По лестнице, которую заметил Загитов, все вчетвером устремляемся наверх. Впереди бежал Гиза Загитов, освещая фонариком полуразрушенную лестницу, вслед за ним — я со Знаменем, а затем — Лисименко и Бобров. Все коридоры, которые

выходили на лестницу, мы забрасывали гранатами и прочесывали автоматными очередями.

Мы были на втором этаже, а снизу на помощь нам шли солдаты из стрелковых подразделений. Часть из них сразу же залегала у входов в коридоры, чтобы не допустить прораскивания противника на лестницу, остальные бежали за нами наверх.

Перед самым чердаком я случайно наткнулся на торчащую из стены полутораметровую трубку толщиной примерно в три сантиметра. На ходу сильно рванул ее, она легко отломилась. «Будет хорошее древко», — мелькнуло в голове.

Достигнув чердака, прочесали его автоматными очередями, бросили в темноту несколько гранат, а потом Загитов, включив фонарик, обнаружил недалеке грузовую лебедку, две массивные цепи которой уходили вверх. Звенья гигантской цепи были такой величины, что в них свободно входила ступня ноги.

Один за другим, вчетвером лезем по цепи наверх. Впереди Гиза, за ним я. Чтобы удобнее было лезть, держу «древко» в зубах, автомат за спиной, а в правой руке пистолет. Метра через четыре мы достигли слухового окна, через которое выбрались на крышу. Вблизи в темноте еле виднелся силуэт небольшой башни, к которой я и Загитов стали прикреплять Красное Знамя. Вдруг на фоне огненного зарева разорвавшегося на крыше снаряда Лисименко заметил наш дневной ориентир — скульптурную группу.

Несмотря на артиллерийский обстрел, решили водрузить Знамя именно на вершину этой скульптуры. Здесь же, на крыше, в темноте, я почти наугад снова написал на полотнище фамилии моих товарищей и свою. Было примерно 22 часа 40 минут 30 апреля.

Чтобы привязать Знамя к металлическому «древку», Загитов разорвал свой носовой платок на тесемки. Этими тесемками мы привязали два угла полотнища к трубке.

Обдирая в кровь руки о зазубрины многочисленных пробоин от осколков снарядов, с помощью товарищей я залез на круп бронзового коня. Ощупью нашел отверстия в короне великанши и установил «древко» в одно из отверстий. Чтобы Знамя не упало, я привязал трубку тесемками к короне.

Только закончив дело, я по-настоящему почувствовал всю опасность положения. На крыше рейхстага то и дело рвались снаряды и мины. От этого громоздкая скульптура качалась, и мне казалось, что вся эта бронзовая громадина вместе со мной вот-вот рухнет вниз.

И тут на помощь нам прибыл капитан Маков с подкреплением. Командир не скрывал своего восторга, каждого из нас обнял и расцеловал. Затем в сопровождении Боброва он спустился вниз и немедленно доложил по радиации командиру корпуса генерал-майору Переверткину о выполнении боевой задачи.

При докладе от избытка чувств Маков кричал в трубку: — Товарищ генерал, мои парни первые водрузили Красное Знамя на вершину рейхстага в корону какой-то голой б...!

Из песни, как говорится, слова не выкинешь. Не стану и я приукрашивать речь моего командира.

Этот доклад слушал и начальник политотдела 3-й ударной армии полковник Ф. Я. Лисицын, который в то время находился на командном пункте 79-го стрелкового корпуса.

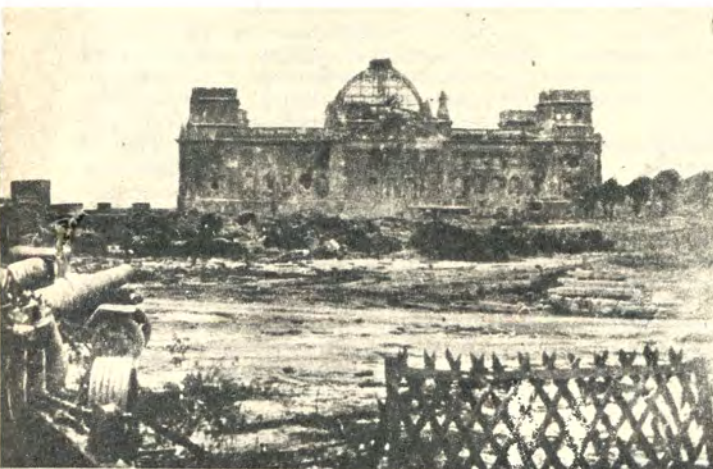
Весть о водружении артиллеристами (как тогда называли нашу группу) Красного Знамени над рейхстагом быстро облетела всех воинов, штурмовавших рейхстаг. Для закрепления достигнутого успеха на верхний этаж вскоре прибыло много воинов из разных подразделений 150-й и 171-й стрелковых дивизий и других частей.

Бои внутри рейхстага продолжались. В одном из них был тяжело ранен в грудь наш бесстрашный разведчик Гизий

Рейхстаг.

1 мая 1945 года.

Фотографировал В. Минин.

Утро 1 мая 1945 года, сразу после штурма.
Слева направо: сержант М. П. Минин,
старшие сержанты Г. К. Загитов,
А. П. Бобров и А. Ф. Лисименко.

Казыханович Загитов. Пуля, как потом установили врачи, прошла навылет в одном сантиметре от сердца, пробив партийный билет и колодочку медали «За отвагу». Но герой не покинул боя. Загитову оказали первую медицинскую помощь, но он категорически отказался идти в полковую санчасть и еще трижды поднимался на чердак для охранения водруженного нами Знамени. Подступы к нему и лестницу мы по очереди охраняли до 5 часов утра 1 мая 1945 года. В течение этого времени поддерживали устойчивую связь с командиром группы, который вместе с радистами находился в одной из комнат на первом этаже рейхстага и участвовал в отражении нескольких контратак противника.

Уже перевалило за полночь, когда в рейхстаг прибыл командир 756-го стрелкового полка полковник Ф. М. Зинченко. Он вошел в здание в сопровождении большой группы автоматчиков и сразу же обратился к капитану С. А. Неустрову с вопросом: «Где находятся знаменосцы со знаменем «5»?». Товарищ Неустров совершенно ничего не знал о наличии в полку этого Знамени и сообщил, что на рейхстаге уже водружено много Красных Знамен от разных частей и подразделений. Присутствовавшие при этом разговоре солдаты и сержанты сказали, что полковые разведчики со своим знаменем еще сидят в бункере возле министерства внутренних дел. Ф. М. Зинченко приказал немедленно их привести в рейхстаг, а сам тотчас же удалился обратно в «дом Гиммлера». Все это происходило в присутствии нашего Саши Лисименко.

В начале третьего часа ночи 1 мая 1945 года, когда я и Лисименко спустились вниз для очередной связи с командиром группы капитаном Маковым, мы увидели, как с главного входа внесли внутрь здания знамя № 5. Впереди шел лейтенант А. П. Берест, одетый в короткую кожаную куртку, а за ним знаменосцы М. Егоров и М. Кантария и два автоматчика. С зачехленным знаменем они прошли в глубь коридорного зала. Дальнейшие их действия мне неизвестны, но достоверно знаю, что до 5 часов утра 1 мая 1945 года М. Егоров и М. Кантария не было на крыше рейхстага возле скульптурной группы и на ведущей туда лестнице, которую мы контролировали.

Примерно через два-три часа после того, как наша группа водрузила Красное Знамя на крыше рейхстага, я встретил на лестничной площадке первого этажа командира второй штурмовой группы майора М. М. Бондаря. С ним было два знаменосца, один из которых держал в руках древко с Красным Знаменем.

Как офицера штаба 79-го стрелкового корпуса я пригласил майора Бондаря подняться наверх, чтобы лично засвидетельствовать факт нашего первенства в водружении Знамени на рейхстаге. Бондарь на это охотно согласился, но на всем пути следования до самой крыши он не вымолвил ни одного одобрительного слова в наш адрес.

Вслед за мной майор Бондарь и два его знаменосца залезли на крышу по той же гигантской цепи и через то же слуховое окно. Большую часть времени пребывания на крыше майор Бондарь молчал, а перед самым уходом вниз приказал своим знаменосцам установить принесенное Знамя возле правой задней ноги бронзового коня. Что они и сделали.

По приказу генерал-майора С. Н. Переверткина вся группа В. Н. Макова утром 1 мая была отправлена в штаб 79-го стрелкового корпуса.

По пути домой мы зашли в подвал «дома Гиммлера» и захватили с собой Г. К. Загитова, который часа полтора назад по приказу Макова был доставлен туда из рейхстага в бессознательном состоянии. После короткого отдыха наш герой чувствовал себя бодро. Я взял его автомат, а Саша Лисименко повел его под руку. Мы благополучно прошли мост Мольтке. Возле командного пункта 79-го стрелкового корпуса мы сделали небольшую остановку. После доклада генералу Переверткину о выполнении боевой задачи к нам пришел капитан Маков и сообщил, что за проявленный при водружении Знамени на рейхстаге героизм командир корпуса приказал представить к званию Героя Советского Союза капитана

В. Н. Макова, А. П. Боброва, Г. К. Загитова, А. Ф. Лисименко и меня, М. П. Минина, а всех остальных участников штурмовой группы — к ордену Ленина.

Часам к 8 утра 1 Мая 1945 года мы прибыли в штаб 136-й бригады, где по-отечески встретил нас начальник штаба бригады подполковник Бумагин. По его приказанию нас четверых сразу сфотографировали. Затем меня и Загитова представили корреспонденту «Правды» подполковнику Борису Горбатову, который ожидал нас в штабе разведдивизиона. Мы рассказали ему подробности о штурме рейхстага, об истинном времени боевых действий и о том, как мы водрузили первое Красное Знамя на скульптурной группе.

После завтрака нас четверых вызвал к себе начальник штаба разведдивизиона капитан Владимир Анатольевич Абрамов и на каждого написал наградные листы для представления к званию Героя Советского Союза.

Прошло много лет. Лежат в Центральном архиве Министерства обороны СССР наградные листы, подготовленные В. А. Абрамовым — ныне он ученый секретарь мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». Трудятся в меру своих сил В. Н. Маков, С. А. Неустров, другие ветераны Великой Отечественной. А верных и надежных товарищей моих Г. К. Загитова, А. Ф. Лисименко и А. П. Боброва уже нет в живых.

И горько сознавать, что все истекшие после той победной весны годы кочуют из книги в книгу неточные, а порой и сознательно искаженные сведения о ходе штурма рейхстага и водружении на нем Красных Знамен.

При подготовке к изданию 5-го тома истории Великой Отечественной войны Советского Союза для более полного и всестороннего освещения штурма рейхстага Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС провел в ноябре 1961 года представительное совещание с участниками того штурма, на котором состоялся принципиальный и открытый разговор о причинах проникновения на страницы печати необъективных сведений о ходе штурма рейхстага и водружении стягов Победы.

В своих выступлениях В. Н. Маков, А. Ф. Лисименко и я подробно рассказали о ходе боев за рейхстаг.

Высказанная нами оценка обстановки боя за рейхстаг нашла полную поддержку в выступлениях командира 1-го батальона 756-го стрелкового полка, Героя Советского Союза, С. А. Неустрова, командира 26-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й ударной армии, Героя Советского Союза генерал-лейтенанта П. А. Фирсова, командира 380-го стрелкового полка В. Д. Шаталина, агитатора политотдела 150-й стрелковой дивизии И. У. Матвеева.

Материалы ноябрьского совещания участников штурма рейхстага и результаты исследования архивных документов нашли свое отражение в 5-м томе шеститомной истории Великой Отечественной войны Советского Союза. В главе, посвященной взятию Берлина, впервые в нашей исторической литературе был сделан столь заметный шаг на пути восстановления реальной картины последнего штурма в священной войне против фашизма.

Но выход в свет 5-го тома, к сожалению, не был по достоинству оценен прежде всего теми людьми, которые несут моральную ответственность за необъективную информацию о ходе боя за рейхстаг.

Вопреки истине и тем сведениям о ходе штурма рейхстага, которые отражены в фундаментальных изданиях по истории Великой Отечественной войны Советского Союза, и в наши дни на страницах печати появляются выступления отдельных авторов с утверждениями, будто первые подразделения советских воинов ворвались в рейхстаг и водрузили на его крыше красный флаг 30.04.45 года в 14.25.

И дело здесь заключается не в безобидном переносе одних и тех же событий с вечернего времени на дневное. В том-то и беда, что нереальному времени вступления в рейхстаг приписываются нереальные эпизоды, которые полностью перечеркивают истинные подвиги советских воинов, вступивших в рейхстаг и водрузивших первые Красные Знамена.

Публикацию подготовила Л. БЕЛЯЕВА

Мнение историка

В освещении хода боевых действий при штурме рейхстага допускались, а по некоторым моментам и сейчас продолжают иметь место некоторые неточности. Как могло такое случиться, пытается объяснить в своих воспоминаниях командир 756-го стрелкового полка полковник Ф. М. Зинченко. «Всею виной поспешные, непроверенные донесения. Возможность их появления была не исключена. Бойцы подразделений, залегших перед рейхстагом, несколько раз поднимались в атаку, пробивались вперед в одиночку и группами. Вокруг все ревели и грохотало. Кому-то из командиров и могло показаться, что его бойцы если еще не достигли, то вот-вот достигнут заветной цели... Вот и полетели по команде донесения. Ведь всем так хотелось быть первыми!.. Именно такое донесение дошло до штаба корпуса и сразу же без проверки было передано выше — в штаб фронта. Маршал Жуков прислал в ответ телеграмму, в которой объявлял благодарность всем участникам штурма» (Герои штурма рейхстага. Воениздат. М., 1983). Однако здесь тов. Зинченко говорит не всю правду, следовало бы сказать, что именно он и его командир батальона С. А. Неустров причастны к преждевременному докладу. В этом признался сам С. А. Неустров на встрече участников штурма рейхстага в присутствии Зинченко, Шатилова, Кузнецова и других участников совещания, организованного в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 15—16 ноября 1961 г.

Последствия преждевременного доклада были следующие: издается приказ командующего 1-м Белорусским фронтом № 06, в котором отмечалось: «Войска 3-й ударной армии сломали сопротивление врага, заняли главное здание рейхстага и сегодня, 30.4.45 г., в 14.25 подняли на нем наш Советский флаг». Аналогичное сообщение прозвучало по радио не только в Советском Союзе, но и за рубежом. К рейхстагу потянулись кинооператоры, корреспонденты газет, писатели и др. Но подойти к нему не было ни малейшей возможности, так как вражеский гарнизон прочно удерживал здание в своих руках и простреливал все подступы к нему, а над самим зданием не было никакого красного знамени. Виновные в преждевременном докладе командиры и политработники вынуждены были как-то объяснить это положение. И тогда родилась новая ложь: небольшая группа советских воинов, ворвавшаяся в рейхстаг, отсечена от главных сил и ведет ожесточенный бой с тысячным гарнизоном рейхстага. Этой версии многие мемуаристы придерживаются и по сей день, хотя нет никаких сомнений в том, что небольшая группа не могла противостоять сильному гарнизону. Состав группы меняется от отделения, взвода до роты и даже батальона из различных частей 150-й стрелковой дивизии, но, как правило, она остается безликой. Иногда называются фамилии отдельных офицеров и солдат, входивших в состав этой группы. Но достоверность подобных свидетельств легко проверяется, а иногда опровергается и самими участниками событий.

Тем не менее многие архивные документы, особенно в 150-й стрелковой дивизии, подогнаны таким образом, что, исходя из них, Знамя над рейхстагом якобы водружено в 14.25, а в отдельных случаях, например в донесении командира 150-й стрелковой дивизии, и того раньше — 13.45. При этом место водружения меняется: то у входа, то у стены, то

на фронтоне и даже на куполе рейхстага, куда в действительности Знамя было перенесено только 2 мая 1945 г.

Второй момент, который продолжает вызывать споры и жары, касается непосредственных участников водружения Знамени над рейхстагом. В 5-м томе капитального труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» (М.: Воениздат, 1963) о подвиге группы В. Н. Макова говорится так: «Бойцы группы старшие сержанты Г. К. Загитов, А. Ф. Лисименко и сержант М. П. Минин с красным флагом бросились наверх. Прокладывая себе путь гранатами и огнем из автоматов, они вырвались на крышу и здесь укрепили флаг. Командир группы немедленно доложил о выполнении задания командиру корпуса генерал-майору С. Н. Переверткину. В ночь на 1 мая по приказанию командира 756-го полка полковника Ф. М. Зинченко были приняты меры по водружению на здании рейхстага знамени, врученного полку Военным советом 3-й ударной армии. Выполнение этой задачи было возложено на группу бойцов, которую возглавил лейтенант А. П. Берест. Ранним утром 1 мая на скульптурной группе, венчающей фронтон здания, уже развевалось Знамя Победы: его водрузили разведчики сержанты М. А. Егоров и М. В. Кантария».

В своей книге «Знамя Победы» (М., Молодая гвардия, 1975) М. Егоров и М. Кантария также признают, что первыми сумели прорваться на крышу и укрепить там свой флаг добровольцы старшие сержанты Г. Загитов, А. Лисименко и сержант М. Минин во главе с капитаном В. Маковым.

Подвиг группы В. Н. Макова признан во многих трудах: «История второй мировой войны 1939—1945», т. 10 (М., Воениздат, 1979); Воробьев Ф. Д. и другие. «Последний штурм» (М., Воениздат, 1970 и 1975); «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне» (М., Политиздат, 1974) и др. Постепенно правда проникает на страницы книг и тех авторов, которые долго придерживались не совсем объективной точки зрения. К сожалению, некоторые из них слепо и упорно придерживаются тех положений, ошибочность которых уже давно очевидна. В ряде случаев им удается даже протаскивать свою точку зрения в печать, радио- и телепередачи, что, кроме вреда, ничего не приносит.

Итак, первыми водрузили Красное Знамя 79-го стрелкового корпуса на крыше рейхстага воины группы капитана В. Н. Макова, которые действовали вместе с батальоном капитана С. А. Неустрова. Это было, ориентировочно, в 22 часа 30 минут — 22 часа 45 минут. Значительно позднее, через 2—3 часа в ночь на 1 мая, было установлено на крыше Знамя Военного совета 3-й ударной армии (№ 5) при прямом вмешательстве командира полка Ф. М. Зинченко. Знамя водрузили М. А. Егоров и М. В. Кантария в сопровождении лейтенанта А. Береста (заместителя командира батальона по политической части) и группы автоматчиков роты И. Сянова. Утром 1 мая над рейхстагом развевалось именно это знамя, ставшее впоследствии Знаменем Победы. На купол рейхстага оно было перенесено позднее — во второй половине дня 2 мая.

*В. СЕОЕВ, кандидат исторических наук,
начальник отдела Института военной истории
Министерства обороны СССР*

письма

Не имеем права забывать

Помню, в сороковую годовщину Победы мы решили организовать встречу родственников по линии моего отца. Составили родословную, начиная с деда, 1846 года рождения. Фотографии пяти поколений, включая праправнуков, собранные в Москве, Харькове, Омске и других городах, пересняли, вклеили в генеалогическую таблицу и разослали в каждую родственную семью на память. Специальными приглашениями билетами известили о дне встречи. Участников войны в нашей семье оказалось немало: три моих родных брата, четыре двоюродных — трое из них погибли, мужья сестер. Всех, кто выжил, попросили написать воспоминания.

Собралось нас тридцать человек. Мемуары, которые привезли бывшие фронтовики, прочитали и передали на хранение одному из младших родственников, который носит ту же фамилию, что и прадед. Потом одна группа родственников навестила воинскую братскую могилу в деревне Буконь Калужской области, где похоронен в числе других солдат мой двоюродный брат, политрук И. Прейсман. Другая наша группа отправилась под Ленинград. На доске мемориала «Борки» летчикам и штурманам, погибшим при прорыве блокады, значится фамилия моего родного брата Исаака Друбецкого.

Каждый год в день рождения брата, погибшего под Ленинградом, мы, москвичи, идем на Красную площадь, возлагаем цветы к могиле Неизвестного солдата, потом собираемся за семейным столом, вспоминаем брата. Все,

что хранится в нашем семейном архиве: фотографии, письма, документы, переписку с однополчанами — показываем внукам и правнукам. Сколько бы лет ни отделяло нас от той страшной войны, мы не имеем права забывать тех, кто отстоял мир и свободу на нашей земле. Каждая семья должна хранить эту память и передавать из поколения в поколение.

Р. БУТАЕВА
Москва

Куда пропала азбука?

Хотелось бы через журнал сказать большое спасибо от своего имени — простого старшего человека, а также от имени моей маленькой внучки Можгинскому объединению «Красная Звезда» Удмуртской АССР за изготовление деревянной азбуки.

Неброская маленькая коробочка оказалась чудом! Я просто не ожидала такого. Когда внучке исполнилось четыре годика, я попыталась с ней поиграть в буквы. Достала и показала аккуратные, ровненькие, гладенькие квадратик-картинки. На каждом выжжен рисунок. Например, ведро с цветочком, а рядом буква «В» и так далее. Ксюше очень понравилась азбука: рисунки с буквами и то, что деревянные квадратик можно складывать рядочками в коробочку.

Эта деревянная азбука прочная, не бьется, не мнется и не рвется. В случае загрязнения можно помыть буквы. По такой азбуке можно учиться не один год, что удобно для семьи, где есть несколько детей. Я, например, когда внучка вырастет, пошлю азбуку подрастающим внукам на Кубань.

Еще раз спасибо Можгинскому объединению «Красная Звезда»! Четырехлетний ребенок освоил азбуку за два месяца. Занимались мы не ежедневно, а от случая к случаю.

Но вот беда, нет теперь в наших магазинах такой удобной, красивой, дешевой (стоит всего 45 копеек) азбуки. Я купила ее два года назад. Куда она пропала?

Н. ЗАХАРОВА,
пенсионерка
г. Петропавловск-Камчатский

Меньше громких слов

Сейчас происходит много национальных конфликтов. И мы стали задумываться о природе этих явлений. Свои мысли по этому поводу тоже хочу высказать.

Мне тридцать четыре года, замужем, двое сыновей. Живем мы в Казахстане, а раньше жили в Узбекистане, куда переехали из Восточной Сибири.

Сама я родилась в Сибири, в возрасте девяти лет меня увезли в Ташкент. Но до сих пор я помню название нашего сибирского поселка. Если поеду с детьми в те места, все им покажу и расскажу.

Сыновья мои — уроженцы двух союзных республик, «русские азиаты». В школах они пользуются учебниками, которые едины для всех русских, независимо от места проживания. О земле, где родились и растут, мои сыновья толком ничего не знают. И мы, русские родители, со своей стороны не можем дополнить, расширить их представление. Что такое сугроб, какие они бывают в снежной Сибири, я им объяснила, а вот про особенности природы узбекского края сама мало что знаю. Когда выезжаем за город, на природу, не можем назвать цветок, траву, что стелется под ногами.

Отчужденность от местного быта, нравов тоже дает о себе знать, поэтому многие русские чувствуют себя неуютно на незнакомой земле. Нет, я вовсе не считаю, что мы и наши дети должны отделиться от всего русского. Россия у нас в крови, в генах. Я и внукам буду рассказывать про Сибирь. Но мне кажется, надо воспитывать понятие Родина, как принято во всем мире, — через свой поселок, город, улицу. Надо научить детей, живущих вне России, любить землю, которая их приняла, чтобы чувствовали они себя коренными жителями, а не пришлыми инородцами.

И второе. Кажется, мы уже согласились с тем, что чем лучше народ знает свой язык, свою культуру, тем терпимее и уважительнее он относится к чужой. А что происходит в нашей действительности? В классе, где учится сын, кро-

ме русских есть казахи, немцы, греки, корейцы, курды, татары. Таков многонациональный Казахстан. И все учат по учебникам одно и то же, все шесть дней в неделю. А потом те же немцы уезжают в ФРГ, греки — в Грецию. Да и русские подумывают о том, чтобы вернуться в Россию. Почему? Потому что чувствуют себя оторванными от своего народа. А разве нельзя, чтобы пять дней дети осваивали единую программу, а на шестой изучали родной язык, литературу? Пусть общаются друг с другом на своем языке, поют свои песни.

Посмотрите на детей в детском саду. Они тянутся к добру, за улыбку прощают все. А в семнадцать лет способны стрелять в человека, говорящего на другом языке. Причину этой злобы надо искать в издержках не только семейного, но и школьного воспитания.

Если меньше произносить громких слов о дружбе народов, а учить детей любви к ближнему, терпимости, может, тогда между армянами и азербайджанцами, латышами и русскими возникнет доверие и понимание. Многого придется менять в школе, начиная с учебников, на что потребуются дополнительные расходы. Но это не должно никого останавливать. Пожар вражды между народами, который охватывает все новые и новые территории нашей страны, обходится намного дороже.

А. СОСНОВА
г. Джамбул

Дарите цветы и улыбки!

Много раз читала в вашем журнале статьи и письма о подарках учителям. Сама я — воспитатель детского сада и тоже получаю подарки, хотя уже много лет воюю из-за них с родителями. Сначала просто отказывалась, это не полагалось — оставляли в группе. Пробовала прятаться в праздничные дни от родителей, но действовало, доходило до того, что приносили подарки домой. Несколько раз разговаривала с родителями на собраниях, объясняла, что мне все это не по душе. Но меня не понимали, обижались:

«Ей не понравилось, что купили».

Как обидно, как горько, что люди привыкли строить отношения по принципу: «Ты — мне, я — тебе!» Вот совсем свежий случай. Приносит папа деньги на новогодний подарок своему ребенку — даю рубль сдачи, а родитель не берет, говорит, что сдачи не надо. Получается, он мне чаевые дает? Больно, когда так поступают. Неужели родители не понимают, что мне от них нужно только одно — поддержка, понимание в вопросах воспитания детей. А в праздничный день лучше дарить цветы и улыбки. Пусть видят это дети и учатся проявлять внимание к людям!

В. КУМНЕВА
Тамбовская область

Три заветных слова

Мне тридцать лет. У меня растут две дочки. Наташе — шесть лет, Любаше — почти пять. Еще до того, как мои девочки появились на свет, для себя твердо решила, что основой их воспитания будет труд. Не игра в полезные дела, а самый настоящий труд, ответственность за свои поступки. Дело в том, что сама я росла довольно избалованной. Воспитывалась у бабушки, с нами жили еще две прабабушки. Все дела по дому лежали на их плечах. Хотя я умела и стряпать, и шить, и вязать, но... зачем этим заниматься, если старшие все сделают сами?

В общем, когда я вышла замуж, то жизнь мне показалась сплошным адом. Тем более что вышла за деревенского парня и жить мы стали в

деревне. Привычки, а главное, потребности в каждодневной работе у меня не было. А делать ведь надо! И вот, помню, слезы, неудовольствие. Каждый обед — проблема, каждая стирка — подвиг. И я все ждала, когда же мной начнут восхищаться.

Глупо, но так все и было. И вот, только когда поняла, что из этих мелочей и забот складывается семейная жизнь, все у меня потихоньку и налажилось. И именно тогда я дала себе слово: появляться детишки, постараюсь сделать все, чтобы им не пришлось потом так страдать и мучиться, как мне.

С малых лет я приучаю дочек трудиться. Все дела по дому, по хозяйству (у нас корова, теленок, поросенок, куры, утки, кролики, большой огород и сад) всегда делаю вместе. Конечно, бывает (и нередко!), что хочется девочкам заняться чем-то другим, но я всегда их учу, что есть три слова у человека: «надо», «могу» и «хочу». И только в этой последовательности и надо поступать. По-всякому стараюсь девочек привлечь к труду. Иногда говорю, что я устала после работы или плохо себя чувствую. С радостью девочки откликаются, ведь я обращаюсь к ним за помощью, как к взрослым. И делают все на совесть. А во время работы мы поем. Очень любим русские народные песни. Девочки знают их много и хорошо поют.

Когда идем управляться со скотиной, вопросов много. «Мама, почему теленок плохо ест, ведро толкает?» Объясняю: «Ты, наверное, забыла ведерко сполоснуть и подстилку сменить? Вот ему и не хочется есть. Разве я вас с Любашей за грязный стол сажую?» Через минуту все прибирают. Когда работаем в огороде или в саду, разговариваем про то, как что растет, почему надо пропалывать грядки. И девочки убеждаются в пользе своего труда.

Конечно, я хвалю дочек за хорошую работу, но стараюсь слишком не восхищаться, ведь трудиться человеку так же необходимо, как дышать. Если поощряю своих дочек, то никогда к деньгам или подаркам не прибегаю. Подарки — это на праздник, а за старание — хорошая сказка, прогулка в лес или на речку, поездка в кино или просто

вкусный обед или ужин с любимыми блюдами. И говорю дочкам: «Вот видите, пока вы в огороде помогали, я успела пирог испечь». Радости нет предела.

Е. ЧЕРНЯВСКИХ
Челябинская область

Потеряла надежду

Второй год читаю ваш журнал. И многому учусь на ошибках других. Мне всего лишь пятнадцать лет, а я уже потеряла надежду на все. Я ненавижу себя, ненавижу мир, в котором живу. С каждым днем жизнь мне кажется все бессмысленней и трудней.

Все началось зимой в лагере. Тогда мне показалось, что если меня будут бояться все, если я начну курить и пить, — это и будет радость в жизни. Я хотела быть не такой, как все. Меня тянуло на приключения. И я попала в компанию, где все были намного старше меня. Появились новые друзья, новые интересы. Мне было весело, каждый день был не такой, как предыдущий. От поклонников не было отбоя. Школа отошла на последнее место. По вечерам меня дома не бывало. Приходила домой поздно. Мать этого не знала, потому что отдыхала в это время с младшими в Кисловодске. Отец целыми вечерами пропадал в гараже и тоже ни о чем не догадывался. В школе ничего не замечали. Училась неплохо, была председателем совета дружины школы. Многие считались с моим мнением. И тут-то я поняла, что живу какой-то двойной жизнью. Но с компанией не расставалась. Потом меня наградили за активную пионерскую работу путевкой в республиканский пионерлагерь «Молодая гвардия» в Одессе. Месяц пролетел незаметно, я вернулась в свою компанию. Остановиться я уже не могла, да и не хотела.

И вдруг появился Он. Парень, которого я полюбила. Полюбила всей душой. Познакомилась я с ним в лагере под Москвой. Весь месяц мы с ним провели вместе. Он говорил, что любит меня, что я у него единственная. И, кроме меня, ему не нужен

Фото В. Щеколдина

никто. Незаметно пролетел август, и нам пришлось расстаться. Я уехала в Киев, он остался под Москвой, в Балашихе. Всю дорогу в поезде я думала о нем. И тогда поняла, что, кроме него, мне никто не нужен, никто, даже компания. И когда приехала в Киев, я ушла из компании, бросила курить. И все ради него. Первый месяц он мне писал целые послания. И мне казалось, что я самая счастливая в мире. Но все было недолго. Мои бывшие друзья узнали, что я дружу с мальчиком из Московской области и сказали об этом парню, который безумно был влюблен в меня.

Я знала, что меня ждет, но не боялась. Ради вынесшего согласна была вынести все. И получила, как говорится, по морде. Домой пришла избитая до крови с фигалом под глазом. Но не жалела ни о чем. Моему другу я написала о случившемся, меня волновало, что они узнали его адрес, вытаскивая письмо из почтового ящика. Но он успокоил меня. И вдруг письма от него перестали приходить. Сколько я ему ни писала, ответа не было. Его друг сказал, что он порвал мое последнее письмо, не читая. Я ради него сделала все, а он...

Сейчас я так одинока. Для меня пропал смысл жизни. Я больше не могу. Пыталась покончить жизнь самоубийством, но не хватает силы воли, руки дрожат, слезы льются, и ничего не могу с собой сделать. Я стала злой. Ненавижу всех и себя тоже. Но до сих пор жду. Чего? Неизвестно.

Что мне делать? Может, вернуться в компанию? Забыть и забыться? Помогите! Посоветуйте!

Алла П.
г. Киев

Где же кружка?

Мой сын учится во втором классе. В Книге для чтения на странице 190 я обнаружила, что в стихотворении А. С. Пушкина «Зимний вечер» отсутствуют строчки: «Выпьем, добрая подружка Бедной юности моей, Выпьем с горя; где же кружка? Сердцу будет веселей».

Интересно, это сделано в целях борьбы с пьянством? Или авторы учебника решили отредактировать Пушкина на свой лад? Или редакция решила придержать эти строчки «до шестнадцати»?

Учебник утвержден Министерством. Издание третье. Общая литературная редакция действительного члена АПН СССР С. В. Михалкова, обща педагогическая редакция члена-корреспондента АПН СССР М. Р. Львова. Составители: В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова, Л. К. Пискунова, Л. С. Геллерштейн. Издательство «Просвещение», 1987.

Мне бы хотелось, чтобы эти титулованные и, вероятно, считающие себя образованными люди публично ответили, кто дал им право так вольно обращаться со стихотворением А. С. Пушкина?

И. НИКОВСКАЯ
г. Днепрпетровск

ОТКЛИКИ

А болезнь обостряется «С тоской о котлете, или Цена детского гастрита» (№ 3 за 1989 год)

Вы затронули очень важную тему относительно питания в школьных столовых. Моя дочь учится в седьмом классе черкасской средней школы № 23. У нее дискинезия желчных путей. Вы понимаете, как важно для нее регулярное питание. Врачи разрешают есть всухомятку, но мы вынуждены это делать. Из двух зол мы выбрали наименьшее. Раньше я насильно заставляла дочку питаться в школе. Она сопротивлялась, плакала. И вот я стала в кармане фартука находить котлеты, пирожки. С виду бы они вроде ничего, но когда я сама попробовала, то проглотить не смогла: булочки как дубовые, котлеты пережаренные. Как можно так готовить для детей?!

Однажды дочка поела в столовой салат из несвежих

зеленых огурцов и молочную кашу. А дома началась рвота, поднялась температура, стали холодеть и отниматься ноги. Дочка кричала: «Мама! Я умираю, я жить хочу!» Я горько пожалела, что столько времени подвергала дочку риску. С этих пор она не ходит в школьную столовую. Даю с собой бутерброды и яблоко. Но школа настроена против домашних завтраков. На перемене в классе есть не разрешают, в коридоре ругаются дежурные, которые следят за чистотой. А в столовую со своей едой не пускают, потому что для всех еда должна быть одинаковая. Дочка питается нелегально: украдкой, торопясь, где придется. Вот так и мучаемся. А болезнь прогрессирует...

С уважением
Анна Ивановна ШУЛЬКЕР
г. Черкассы

Учителя в стороне

Автор статьи правильно подметил: «Пищеблок — территория, которая свободна от влияния школьной администрации».

Я работаю в начальных классах СШ № 9 г. Тынды. Качество питания здесь, я бы сказала, неплохое. Но меня беспокоит другое. За десять минут до конца урока мы направляем дежурных помочь работникам столовой. Часто бывает, что семи-восьмилетние дети разливают чай-кипяток и горячий суп. Запросто можно получить травму. А кто знает, моют ли дежурные руки перед тем, как раздавать пищу? Мыло в умывальной комнате отсутствует. Все это имеет прямое отношение к здоровью, а вернее, к нездоровью наших воспитанников.

Я лично считаю, что учитель должен питаться вместе с детьми, показывать пример, как нужно вести себя за столом, приучать бережно относиться к продуктам питания. На словах мы учим детей бережливости, а на практике все обстоит из рук вон плохо. Обычно учителя смотрят сквозь пальцы на то, что ученики выбрасывают в отходы хлеб, оладьи, овощи, даже если все это хорошего качества. Получается, что с таким поведением ребят педагоги

согласны... А этого быть не должно.

С. КЕЛЬИНА,
учитель,
стаж работы 29 лет
г. Тынды

Разошлись во мнениях

Как далеко Ленинград от Донбасса, а в нашей школе с питанием творится то же самое. На обед дают «резиную» котлету и черную картошку-пюре. Порции — мизерные.

У нас в столовой висит книга жалоб и предложений. Мы как-то раз не вытерпели и написали про все, что наболело. И подписались. И что же вы думали? Через дня два появилась новая, чистенькая книжка, на первой странице которой благодарность от учителей. После этого мы решили не сдавать деньги на обед, а питаться своими бутербродами. Но учителя нам устроили скандал!.. Что же можно изменить в школьной столовой, если учителя этих перемен не хотят.

Наташа Я.,
восьмиклассница
г. Константиновка
Донецкой области

Детям не достается

В отличие от Ленинграда в школы Днепрпетровска поступают высококалорийные продукты: масло, сыр, мясо, сосиски, яйца. Только до детей они не доходят. Если в садике, куда ходила моя дочка, дети иногда ели творог в виде сырников и запеканок, то в школе, за все время учебы моей дочери в первом классе, творога не было в меню ни в каком виде. Зато почти каждый день его продавали учителям и друзьям работников столовой. Детям дают отвратительные омлеты из яичного порошка на воде, которые никто, естественно, не ест. Зато в конце месяца работники столовой выносят на продажу на людную останковку яички яиц и масла. Товар сбывают на выгодных условиях — с наценкой.

Придя как-то за дочкой в школу, я встретила учитель-

ницу, которая возвращалась с продленной группы и несла большой пакет сосисок. Я обрадовалась, — значит, на обед давали детям сосиски. Дочка так их любит, а в магазине купить невозможно. Но оказалось, что сосиски детям не достались, все разобрали учителя.

Я понимаю, учителя целый день в школе, продукты — дефицит, но нельзя же решать свои проблемы за счет детей! Как совместить полные сумки с продуктами, которые выносятся из школьной столовой учителя, и сухие макароны с несъедобными котлетами, которыми давятся ученики?

Получается, чем меньше дети получают, тем больше учителям достается. Навероятно, но факт.

Вот и ответ на вопрос, почему педагоги в дела пищеблока не вмешиваются. Директор школы не заинтересован что-либо менять, поскольку учителя в школьном буфете отовариваются. А работники столовой, в свою очередь, получают прибыль. Все довольны. Кроме детей.

Е. ЛЕВИНА
г. Днепрпетровск

За бедного повара замолвите слово

К школьному питанию я имею непосредственное отношение и хочу включиться в разговор.

Я — повар четвертого ряда, тринадцать лет работаю в одной из школьных столовых районного городка. Дел у нас хоть отбавляй, каждую перемену обслуживаем по 80 человек. Оборудование допотопное. Сто потов сойдет, пока все переделаешь. В субботу — рабочий день. Да еще сами стираем спецодежду. А платят за наш труд 100 рублей с мелочью в месяц, еще вычитают подоходный и профсоюзный налоги. Вот и бегут из школы хорошие работники. Остаются либо неумелые, либо нечестные.

Обвинять работников пищеблока легко. Но ведь наше положение никого не волнует. Спасение утопающих стало делом самих утопающих. И доходы свои каждый пополняет как может. Одни — за счет того, что продают с наценкой продукты, другие — компенсируют маленькую зарплату бесплатными натуральными продуктами. Сейчас везде внедряют принципы экономического стимулирования. Только у нас ничего не меняется. Может быть, Сове-

ты по народному образованию своим вмешательством что-то изменят?

А. АНТОНОВА
г. Ромны
Сумской области

Проблему нужно решать масштабно

«Шифр 317»
(№ 9 за 1989 год)

Прочитал «Шифр 317». Волнуюсь. У меня почти то же самое, только в отличие от героини сам не сдавал, а, поверив врачам, туда отвез ребенка.

Все болячки Сочинского интерната имеются и в Правдинской школе-интернате, где находится моя дочь. Только пишу я не для того, чтоб принимались меры, уже принимались, спасибо, больше не хочу. Проблему надо решать вообще, ведь везде одно и то же.

Так что же нужно? Нужно, чтоб возмущенные письма не ложились в архивы по ведомствам. Чтоб не стыдились о таких фактах говорить публично. Чтоб не скрывали психиатры от родителей диагнозов под разными шифрами (я узнал о диагнозе через шесть лет, случайно и то неточно). Чтоб медико-педагогическая

комиссия не была одна на всю область. Чтоб можно было при желании пройти обследования за пределами своей области, потому что на месте бояться за честь мундира — не будут же они противоречить сами себе.

Можно было бы детей разделять на две группы в одном и том же классе, чтоб вместе не учились те, кто действительно отстают или болеет, и перспективные. Иначе — уравниловка, деградация будут продолжаться.

Считаю, что эти спецшколы или спецклассы должны быть поближе к месту жительства ребенка, а не так, как у нас, — за 100 километров. Дети оторваны от семьи, это усиливает их отставание. Неплохо бы обратить внимание общественных организаций на то, чтоб выделять средства на строительство спецшкол или передавать какие-то здания под школы. Нашли же у нас средства на новое здание обкома партии...

Очень важно исключить то положение, при котором «проблемного» ребенка могут запросто отправить в спецшколу. Недавно читал, как учительница специально делала ребенка дураком и только мать при поддержке других добилась оправдания. Считаю: если нормального ребенка направили туда и он деградировал, это должно считаться преступлением...

Н. СУЛЯТИЦКИЙ
г. Сумы

Таких историй сколько угодно

Очень взволновала и расстроила меня статья «Шифр 317». И вот почему.

Одиннадцать лет назад у меня умерла тётя, родная сестра отца. Через полгода погиб её муж. Трое детей остались сиротами. Две девочки-школьницы девяти и семи лет и младший Борис пяти лет. Девочки учились в Ошмянской школе-интернате, а Борис жил со старенькой бабушкой.

Когда ему исполнилось семь лет, он тоже начал учиться в Ошмянской школе-интернате. Теперь дети ходят в садики, там их учат читать и писать. А Борис пошел в шко-

Фото В. Щеколдина

лу, ничего не умея. Естественно, он плохо учился, и в школе решили отправить его в спецшколу. Моя мама является опекуном этих детей, но она не могла помочь Борису учиться, потому что у нее начальное образование. Бабушка мальчика уже к этому времени умерла. Учителя маме объяснили, что ребенок сможет учиться только в спецшколе. Его отправили на месяц на обследование в психбольницу в наш областной центр г. Гродно. Врачи вынесли приговор: дебильность легкой степени.

Мальчишка учился в трех спецшколах, везде занимался только на «4» и «5», но с каждым годом мы видели, что он становится как бы менее развитым. Наверное, сыграло свою роль то окружение, в каком он находился. И только в восьмом классе директор спецшколы для сирот, куда наш Борис был переведен, сказал, что тогда, когда он был в младших классах, его надо было просто оставить на второй год, с ним позаниматься, и он бы справился со школьной программой.

Но ведь учителям легче отмахнуться от того, кому нужна помощь, тем более если за ребенка некому заступиться. Может быть, если бы у Бориса были живы родители, то его не отправили бы в спецшколу. И наша семья, и Борис — все мы будем проклинать тех учителей, которые помогли ему приобрести этот страшный шифр 317. А учителя, наверное, очень довольны, что у них в классе хорошая успеваемость, хотя достигается это порой ценою изломанных детских судеб.

Когда мои дети были еще в младших классах, учителя всегда пугали нас спецшколой. Для меня было самым страшным, что меня могут разлучить с детьми. К счастью, мои дети учатся неплохо.

Борис часто бывает у нас в семье. Раньше он был таким же ребенком, как и мои дети, почти ничем от них не отличался. Теперь он стал замкнутым, озлобленным.

Мне кажется, мы очень много говорим, но очень мало делаем для наших детей. Очень болит душа за них.

Т. ЛУКАШЕВИЧ
Гродненская область

ПИСЬМО СТАВИТ ПРОБЛЕМУ

Разбитое стекло

Наш сын разбил в школе большое внутреннее стекло. Мальчика мы наказали. Однако наказанием стекла не заменить. В школе требуют, чтобы мы это стекло вставили. Но таких стекол не бывает в продаже — так нам сказали в магазине.

Мы хотели возместить школе ущерб, причиненный сыном, деньгами. Но выяснилось, что деньги брать школе с родителей не положено. Директор ничего знать не хочет, говорит: «Где хотите, берите стекло!» Как же быть?

Н. СОЛЯНАЯ
г. Нерюнгри
Якутской АССР

К сожалению, случается, что дети портят дефицитную сегодня мебель, разбивают не менее дефицитные стекла, ломают приборы в кабинетах, совершают проступки, из-за чего школа несет материальный ущерб. Такие происшествия случались и случаются во все времена, ибо дети во все времена остаются детьми. Они подвижны, шустры, неумны, не прочь пошалить. Уточним сразу: мы говорим о случаях неумышленных прегрешений, которые совершают ученики по неосторожности, неловкости, неумению предвидеть последствия своих действий.

Но, поскольку очевиден материальный ущерб, закрывать глаза на последствия школа не имеет права, тем более в условиях перехода на хозрасчет. Должна ли школа расплачиваться из своего кармана «за грехи» ребят? Или родители обязаны возместить нанесенный ущерб? И в какой форме они могут это сделать?

На эти вопросы заместитель начальника главного управления органов народного образования Министерства народного образования РСФСР Аркадий Анатольевич Ильин ответил так:

— Никаких инструкций на этот счет не существует. Все проблемы, связанные с возмещением школе ущерба, причиненного детьми, директора решают самостоятельно.

Попытки вызвать Аркадия

Анатольевича на более обстоятельный разговор не увенчались успехом: коль нет инструкции, то не о чем и говорить. Выходит, что инструкции, даже когда их нет, оказываются всеисильными. Без них руководящее лицо не желает вникать в суть дела.

Хорошо, конечно, что директорам школ предоставили самостоятельность, только осуществлять ее хорошо бы в соответствии с определенными юридическими нормами. Пока же директор школы в г. Нерюнгри требует возмещать ущерб натурой. Но, скажите, где могут купить родители, в частности, большое стекло (или физический прибор) взамен разбитого? Школе, даже в условиях нынешнего дефицита, достать нужную вещь все-таки легче. На худой случай и шефы помочь могут. А что прикажете делать родителям? Вступать в сомнительные связи с «теневой экономикой», а проще говоря, со спекулянтами?

Наверное, проще было бы не посылать родителей «туда — не знаю куда», а, скажем, предъявить им денежный счет для оплаты стоимости причиненного ущерба. Но у директора нет законных оснований собирать с родителей деньги на нужды школы. И оприходовать эти родительские рубли директор тоже не имеет права.

Правда, юрисконсульт юридического отдела Госкомитета СССР по народному образованию Зоя Павловна Дашинская придерживается мнения, что родители все же могут перечислить необходимую сумму на расчетный счет школы в централизованную бухгалтерию района. Основанием для такой акции Зоя Павловна считает 41-й пункт Временного положения о средней общеобразовательной школе, где говорится об источниках формирования собственного дохода школы. Один из них — добровольные взносы и пожертвования граждан. Именно так, по мнению Зои Павловны, можно назвать и средства, перечисленные родителями в порядке возмещения ущерба, причиненного детьми. Резон в рассуждениях З. П. Дашинской есть. Однако суждения эти — все же личная точка зрения юрисконсульта, добрый совет, но ни в коей ме-

ре не юридическая норма.

Иной позиции придерживается главный специалист правового отдела Министерства народного образования РСФСР Маргарита Николаевна Мирсагатов:

— Нельзя подобные проступки детей приравнивать к правонарушениям. У проблемы есть и нравственная сторона. Нужно разъяснять и родителям, и детям, как важно беречь школьное имущество...

Эту точку зрения разделяет и директор 1274-й московской школы, заслуженный учитель школы РСФСР Семен Рувимович Богуславский.

— Помимо того, что директор школы — администратор, материально ответственное лицо, он еще и педагог. И, пожалуй, прежде всего педагог. А потому не может строить отношения с родителями и детьми на коммерческой основе. Ситуации могут возникнуть самые разные. К примеру, провинился ребенок из малообеспеченной семьи, где каждая копейка на счету. Такая семья просто не в состоянии выполнить предписание школы. Надо исходить из разумного и не требовать от родителей невозможного — того, что настраивает их против школы, ведь свое недовольство и раздрание школьными «порядками» родители часто вымещают на детях. Мы в своей школе поступаем иначе в таких случаях, предлагаем поработать вместе с ребенком на пользу школы — что-то смастерить, починить, покрасить; хозяйственных хлопот у школы всегда хватает. Прибываясь к школьным работам, ребята становятся более аккуратными и бережливыми. Гораздо важнее для нас не эффект наказания рублем, а воспитательный момент. Если не научить ребят хозяйскому отношению к школьному имуществу, то очередное стекло очень скоро может быть разбито...

Это — один путь к разрешению конфликта. Но вернемся к тому, о чем говорится в письме. Итак, у школы нет никаких юридических прав требовать от родителей возмещения материального ущерба в какой-либо форме. Это — компетенция суда. Школа может только просить

родителей помочь. А они могут отказаться. И ни один здравомыслящий директор не станет судиться из-за пятерки, десятки или двадцатки с родителями своего ученика. Как он поступит? Далеко не все и не всегда, что подтверждает письмо из Якутии, умеют проявить педагогический такт, найти разумный выход.

Так, может быть, не стоит в таких случаях пренебрегать толковой инструкцией? И напрасно ее бояться как огня впавшие в антибюрократический раж министерства и ведомства. Ведь инструкция инструкции — рознь. Среди них есть немало таких, без которых не обойтись. Наверное, к числу таких следует отнести и нормативный документ, четко регулирующий права и обязанности школы и родителей в случае, если ребенок — по неосторожности или шалости — причинил школе незначительный материальный ущерб. Принятие такого документа — вполне в русле процесса формирования правового государства. И школа как неотъемлемая часть общества не может стоять в стороне от этих перемен.

Как видим, вопрос, поставленный в письме Н. Соляной, не такой уж и незначительный. Он ждет своего решения.

Н. МАРТЫНОВА

попробуй меня понять

Спаси и сохрани...

Наверное, в вашу редакцию приходит много таких писем, как мое, и не все вы публикуете. Но я не могу так больше жить и не знаю, что мне делать.

Я встречалась с парнем, мы учились вместе с пятого по восьмой класс. Потом он пошел в техникум, но встречаться мы продолжали. Мне кажется, что я люблю его больше жизни. А мама, когда ей вздумается, начинает насмехаться надо мной: «Кого ты себе выбрала?! От горшка два вершка!» Правда, Игорь ниже меня ростом, но разве это играет какую-то роль в жизни, в любви? А мама смеется и начинает говорить про нас с Игорем такое, чего и в помине нет. Я не могу всего этого слышать. От обиды и боли задыхаюсь. И разгорается ссора.

Вроде бы и живем в достатке, и родители обо мне заботятся, но если я делаю не так, как хочется маме, она способна на все. Да, я понимаю, что мама есть мама, но значит ли это, что ей все позволено? Почему родная мама может кричать, матюкаться, будто я не человек. Получается, что мы, дети, стоим на две ступени ниже мам и пап. По-моему, дети — такие же люди, как родители. Но почему же так с нами обращаются?

Я вижу, мама хочет накормить, одеть меня получше, но зачем меня попрекать: «Я тебе все покупаю, а ты ко мне так относишься...» Я же всего-навсего отвечаю так, как она мне. Я знаю, мама в свое время натерпелась от папы, который в молодости пил, гулял, не ночевал дома. И все это отразилось на ее здоровье, у нее часто поднимается давление, болит голова. Она стала очень нервной, несдержанной. А что делать мне? Иногда я уступаю, ведь мама же, но мне это плохо удается. В любой момент мне могут сказать: «Сегодня ты не пойдешь гулять!» Значит, я не увижу Игоря. Но если я его не увижу, не знаю, что со мной будет. Мама твердит: «Учись и успевай все делать дома!» Но дружба с Игорем мне ни-

сколько не мешает учиться. Только этого не хочет понять мама.

Не спорю, мы многим обязаны родителям, которые нас растят, воспитывают и по своему хотят нам добра. Но почему родители считают, что дети должны всегда поступать и думать так, как они?

От постоянных скандалов и ссор дома жизнь становится невыносимой. Иногда думаю: почему я не родилась пацаном? Может, пацану легче переносить конфликты с родителями, чем девочке?

Я знаю, у нашего общества много проблем, у людей много забот. Но я призываю родителей, чтобы они прежде всего видели и уважали в ребенке человека. Иначе при самом высоком уровне жизни дети будут несчастны. Я на себе испытала.

Извините, что отняла у вас время. Но в письме я отвела душу, хотя бы это мне никто не может запретить.

Ирина Ц.
г. Днепрпетровск

Да что же это с нами происходит? Ведь права девочка Ира, предполагая, что в редакцию приходит много писем, подобных ее исповеди. Их действительно множество, написанных неустоявшимся детским почерком и с кучей ошибок, и абсолютно грамотных, аккуратных, но оттого не менее обескураживающих рядом боли и обиды. И на кого обижаются — на самых родных, самых, казалось бы, близких. На тех, кого во все времена и по праву считаем мы своей защитой и опорой.

Никак не могу и, уверена, не смогу привыкнуть к этой дикой, неестественной ситуации, когда ребенок или подросток видит в родителях обидчиков, недоброжелателей, да что там слова выбирать — врагов видит. И мама, чествующая родного сына или дочку на чем свет стоит прилюдно или наедине, тоже мне непонятна. То есть объяснить ее поведение, в общем-то, можно — принять нельзя. Как бы ни была тяжела наша жизнь, сколько бы ни подкидывала она нам неприятностей и печальных открытий, должно же оставаться что-то вечное и незблемое, иначе как жить дальше?

Но... эмоции эмоциями, а реальность вносит, как гово-

Фото В. Щеколдина

рится, свои коррективы. Конфликт родителей и детей принимает чуть ли не вселенский характер, он давно выплеснулся за семейные рамки, и организовавшиеся в союз московские подростки в манифесте заявляют о своем намерении бороться с «экспансией взрослых». А взрослые возмущаются, гневаются, недоумевают, но в большинстве своем даже и не пытаются хоть как-то разобраться в причинах явления, квалифицируемого как молодежный или подростковый бунт.

С одной стороны, можно бы лишь порадоваться пробуждающейся социальной активности юного поколения. Ведь сколько лет мы хором

обвиняли его в иждивенчестве и лени, а здесь естественная жажда самостоятельности ищет и находит реальный выход. Однако давайте не будем обольщаться — активна только очень маленькая, самая беспокойная и думающая часть подростков. Гораздо больше таких, которые ни в какие союзы не объединяются и страдают, мучаются или бегут из дома, где жизнь становится невыносимой.

Меня не покидает ощущение того, что сегодняшний образец 1990 года, подросток еще более одинок, нежели был. «доперестроечный». Взрослые по горло в своих проблемах: каются, ищут виноватых, сталкиваются в национальных, политических и философских спорах или просто делают деньги да стоят в бесконечных очередях за всем

на свете. А дети сами по себе. Легко ли им?

Мне скажут, грех, мол, обвинять вымотанную заботами, неурядицами и очередями мать, коли не достает у нее ни времени, ни души на то, чтобы разбираться во всяких там дочкиных «капризах». Лучше всего запретить, запретить дома. Так спокойнее... Но каково девочке в этой обстановке?

Человек без материнской любви никак не может. Если во младенчестве дочка слышала перед сном не колыбельную Чайковского, а раздраженное: «Ну когда же ты наконец успокоишься, извела совсем...», стоит ли удивляться, что сегодня она патологически обожает какого-нибудь очередного ласкового майского солиста. Его нехитрыми, сладенькими песенками покрывается дефицит любви, недоданной ей родителями.

Понимаем ли мы, как опасен дефицит духовного общения, заменителей которому, мне кажется, не найти? Ну представьте себе Наташу Ростову, которая, вместо того чтобы поделиться своими переживаниями с мамой, пишет... письма в редакцию. Смешно? Скорее грустно, невероятно грустно. Ведь сколько чудесных стихов, ласковых песен, нежных слов посвящено добрым маминим рукам и ее чуткому сердцу. Неужели отменила их эмансипация? А может, мы просто забыли в каждодневных заботах и хлопотах о дарованном нам природой и судьбой предназначении — хранить домашний очаг? Только ведь очаг — это вовсе не синоним газовой или электрической плиты. Это — душевное тепло и свет мудрости, к которым тянет человека всю жизнь. Семейное будущее наших детей зависит от того, в какой семье они выросли — банальная мысль, но, пожалуй, бесспорная.

Никому еще не удалось придумать полноценный заменитель семьи. Даже в Швеции после пресловутой «сексуальной революции», наделавшей много шума, снова стало модным иметь нормальную, крепкую семью. И мужская, и женская половины человечества стремятся вернуть женщину в дом. Вряд ли эта затея удастся — сегодня уже

не обойтись без женского труда вне дома, хотелось бы, правда, чтобы труд этот соответствовал потребностям и возможностям женщины. Но одного не в силах отменить никакая эмансипация, никакие законы и декларации — мы всегда будем в ответе за наших детей, за их здоровье и счастье, за то, чтобы жила и крепла их душа.

«Спаси и сохрани...» — девочкой я не раз слышала, как молилась моя не шибко-то богомольная бабушка. Пережившая две страшные войны и два голода, терпевшая детей, боровшаяся с постоянной нуждой, она, как мне теперь думается, не высую силу заклинала, а себе приказывала: спаси и сохрани дом от распри, ссор, вражды. И спасала, хранила из последних сил — семейный лад, детей, любовь. Высокая мудрость и нравственность в этих старых полузабытых, увы, словах. Вспомним же их!

И давайте все-таки попробуем понять друг друга. Письма подростков подсказывают, как это наболело. Однако разговор должен бы быть двусторонним — наверняка, у родителей есть что сказать по этому поводу. Тем более что, кроме семей, раздраемых конфликтами, достаточно и других, где контакты не прерываются со вступлением чада в «трудный» возраст.

Пусть наш общий заинтересованный разговор в рубрике «Попробуй меня понять» начнется письмом девочки Иры.

Людмила КОВАЛЕНКО,
ведущая рубрики

Фото В. Щеколдина

Наш адрес:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7

«Я ИЗ БЛОКАДНОГО КОЛЫЩА...»

Сергей АЧИЛЬДИЕВ

Двадцать пять рассказов о военном детстве собраны в книге ленинградского журналиста С. Ачильдиева «Мы родом с войны». Все двадцать пять авторов этой документальной повести — рабочие, инженеры и служащие крупнейшего в Ленинграде такстильного объединения «Возрождение».

Сегодня мы знакомим читателей с воспоминаниями Лидии Яковлевны Степановой.

Еще в начале июля сорок первого всех ребят, несмотря на лето, собрали в школе: кого родители отпустят, тот сможет уехать из Ленинграда. Дома на семейном совете мама сказала:

— Многие женщины оставляют детей. Отправка по желанию. Раз по желанию, значит, ничего серьезного, перестраховка. Поэтому лучше нам всем быть вместе.

И папа согласился.

Даже в сентябре война не казалась смертельно опасной. Во всяком случае помню, как Миша, тринадцатилетний, то есть на два года старше меня, едва начиналась бомбежка, бегом на крышу тушить зажигалки. Я пыталась увязаться следом, но он мне сразу отрезал:

— Ты девчонка, а воевать не девчоночье дело. Мало ли что случится! Мы, мальчишки, прорвемся, а с тобой чего? Возьмись!

От кого прорываться? Куда? Война еще оставляла место романтике...

Прежде мама работала поваром в детском саду. Но в конце августа садик эвакуировали и закрыли, мама перестала работать. А папа осенью еще несколько раз ходил на службу, но вскоре тоже стал целыми днями сидеть дома. Он был контролером ОТК на «Скороходе», страдал чахоткой, так что на фронт его, конечно, не брали.

Но все равно у мамы с папой были рабочие продуктовые карточки. У меня, конечно, детская, а у Миши — иждивенческая, детские выдавали только ребятам

до двенадцати лет. Делили мы паек так: отцу мама давала побольше — он мужчина, да к тому же больной, потом нам с братом, а остальное, что останется, себе.

И тем не менее первым слег именно папа. Тогда нам казалось, что это из-за туберкулеза. Только гораздо позже я увидела, что мужской организм тяжелее переносит голод. Следом за папой слег Миша. После — мама.

Я и прежде всегда была у мамы помощницей. У нас так было заведено в семье. Даже не помню, чтоб когда-нибудь играла в куклы. Но теперь надо было быть не помощницей, а самой все делать. От меня стала зависеть жизнь всей семьи!

Правда, обязанности мои, по сравнению с маминими, сузились. Например, мытье. Еще в октябре и даже, по-моему, в ноябре мама устраивала банный день. Если текло из крана, запасали воду заранее, а нет — приносили с Фонтанки, кто сколько мог. Мама нагревала на печке большую кастрюлю и мыла в тазу сначала меня, потом Мишу, а потом и они с папой мылись. Я никаких банных дней, конечно, устраивать уже не могла. И печку топила всего раз в день, и уборку делала не так тщательно. Каждый шаг теперь давался гораздо трудней — подступал сорок второй год.

Зимой в Ленинграде утра поздние. Поэтому, как ни старались продлить сон, просыпались до свету. Я лежала, ждала, когда развиднеется, чтоб не жечь попусту

коптилку. Но слишком долго валяться тоже нельзя: надо идти за хлебом. Поднималась, укутывалась во что только возможно и уходила. Это был священный ритуал: я уходила за самой жизнью!

На улицах, на набережной Фонтанки лежали трупы, некоторые вмерзли в лед. Мертвецы лежали и на Невском. Периодически их убрали, но голодная смерть косила так скоро, что для уборки не хватало ни сил, ни людей, ни машин. Еще в первый раз, когда я увидела перед собой мертвеца, я старалась не смотреть, обойти как можно дальше. Но вскоре стало все равно.

Вот сидит кто-то, дышит, смотрит, даже оглядывается и пытается подняться. Подойдут, поставят на ноги, насильно — иногда, может, и грубовато — тормошат:

— Ну, пошли, пошли! Давай, шагай!

И человек оживает, идет. Правда, как правило, он вскоре опять садится в сугроб, но кто-то другой его опять поднимает. Так было спасено много ленинградцев.

То, что рассказываю, не про весь Ленинград, а лишь про тот маленький пятачок, на котором мы жили в самом центре города — угол Невского и Рубинштейна. Я так думаю, что очень мало кто мог бы рассказать, какой была блокада во всем городе, только о себе, о близких своих, о своем пятачке, потому что мы нигде не бывали. Все сузилось: заботы, мечты, быт, география...

Последняя моя дальняя вылазка — в самом начале зимы, к бабушке. Она жила недалеко от Московских ворот, на Ломаной улице, рядом с первой и второй обувными фабриками «Пролетарская победа». Комнатка ее находилась в подвале, там и до войны-то всегда было холодно, сыро, а в тот мой последний приход и вовсе хуже, чем на улице. Бабушка уже лежала, не вставала. Подсела я к ней, сказала, что и у нас все слегли и я осталась за главную. Она поохала-поохала, а потом:

— Ах ты, — говорит, — гуттаперочка моя! (Она всегда так ласково называла

меня.) И ничем-то я не могу тебе помочь!

А я сидела рядом, и до меня как-то не доходило, что больше мне бабушку не увидать. Мне казалось, мама, папа, Миша, бабушка... они все не могут подняться только временно, это пройдет, и они снова поправятся. Возможно, это потому, что я прежде не видела, чтоб кто-то из моих близких умер. В детстве ведь все кажется бессмертными.

В начале сорок второго я и вовсе плелась едва-едва. Булочная была рядышком, на другой стороне Невского, почти напротив улицы Рубинштейна, но для меня это был целый поход. Уже после войны я слышала, как женщины вспоминают, что в блокаду приходилось выстаивать в очередях за хлебом чуть не полдня. А я не помню такого. Мне кажется, гораздо меньше, ну час-полтора. Вероятно, я ошибаюсь, просто стояла в каком-то голодном полусне, вне времени. Но разговоры в очередях помню прекрасно: туда-то завезли сегодня хлеб самый настоящий, ну впрямь как довоенный, а вот там-то давали даже крупы, а там-то — жир... Короче, всякие небылицы. Ну как обычно в очередях.

Мама еще приносила иногда крупы, а я уже — ничего, кроме хлеба. Мне отведывали наши четыре пайки, и я несла эту драгоценность домой. Подмывало откусить хоть кусочек, хоть капельку, самую малость! Но я никогда не делала этого. Твердила себе: «Это потом, потом, а то приду — все будут есть, а у меня ничего». Уж и ноги подкашиваются от слабости, и, кажется, отломлю крошечку — станет легче, но все равно не отламывала.

При обстреле или бомбежке дежурные на улицах загоняли в бомбоубежище. Насильно, потому что никто уже не боялся никаких бомб, снарядов. И если я попадала вместе с другими в убежище, то сидела там вся на нервах: мои будут волноваться! Нервничала не из-за того даже, что будут волноваться за меня, а что останутся без хлеба!

Отец свою пайку сразу убирал под подушку. А мама завернет хлебец в тряпочку и потом крошечку — мне, крошечку — Мише... Папе тоже предлагала, но он не брал, говорил:

— Не надо, у меня есть.

И правда, у него всегда был под подушкой хлеб. Он не съедал свой паек. То ли у него пропал аппетит, то ли... Боюсь гадать, не знаю.

Кроме хлеба, всегда старались приготовить что-то горячее. Сперва у нас была в кадушке зеленая квашеная капуста, из которой я варила щи. А когда капуста кончилась, отец сказал мне, чтоб взяла отмокавшие в воде кожи. А когда кончилось и то, и другое, я просто кипятила в буржуйке воду, и мы крошили в кипяток хлеб, и получался тоже какой-никакой супчик.

На улице мне обычно надо было ходить дважды в день: первый раз — за булочную, второй — за водой, на Фонтанку. Належи огромные вокруг лунки и, хоть в свое десятилитровое ведро я набирала совсем немножко, нередко оскальзывалась, без посторонней помощи можно было не выбраться наверх. Поэтому к лунке спускалась, когда кто-то рядом.

Самое тяжелое наступало после обеда. Есть все равно хочется, спасу нет, а осталась всего крошечная краюшка на перед сном. Кроме того, неизвестно, что делать: еще светло, до вечера далеко. Ждали, когда снова стемнеет, а это в Ленинграде зимой, слава богу, рано, и тогда я тоже ложилась. Лежали обычно молча. Говорить не о чем. Лежали, пока не заснем.

Папа умер первым. Еще с вечера он совсем перестал говорить. Мама сразу почувствовала, что с ним что-то не так. Сама подняться не могла, так она мне:

— Пойди, посмотри. Поддай горячей водички попить.

Я подошла, напоила, все равно молчит. Его мучили пролежни, поэтому мама под-сказала:

— Переложить тряпочки.

Я еще несколько раз подходила к папе, спрашивала, не надо ли ему чего. Но он так и не проронил ни слова. А утром проснулись — папа мертв.

Не знаю, как бы я обошлась одна. Вручила соседка. Мы с ней положили на ванну какие-то доски, потом притащили туда папу, взгромодили на доски и зашили в простыню. Ну а потом спустили его вниз с нашего шестого этажа, и дальше я уже повезла на саночках одна.

Мне, не помню кто, назвал адрес. Сначала я плелась по Невскому, потом свернула на какую-то улицу, а там был забор... Я до сих пор не знаю, где это. Ворота в заборе заперты. Я постучала, мне открыли. И только открыли, я увидела весь двор внутри за этим забором: посредине грузовик, а из кузова свисают руки, ноги...

Мужчина, который мне открыл, спросил:

— Тебе что, девочка? — Но тут же заметил за мной саночки. — Заезжай...

Вошла я во двор. Подошли двое мужчин, молча взяли папу, положили на тот грузовик, поверг всех тел.

Я спросила:

— А куда, дяденька, всех свозите?

— Да в разные места. Но в основном на Пискаревку.

Вот так и считаю, что мое — это Пискаревское кладбище.

...Папа умер седьмого марта, мама — одиннадцатого марта, Миша — пятнадцатого марта. Один за другим... Они умерли, а я осталась! Выжила! Выжила, наверное, только благодаря им — меня все время поддерживало, что я последняя им подмога.

И вот их нет. Одна. Никого. Что теперь? Собрала кое-какие свои вещишки, уложила в рюкзачок и отправилась в тот же исполком, куда только на днях сдавала мамин и папин паспорта, Мишино свидетельство. Это ж рядом совсем, на Невском, за углом — у Анникова моста. Вошла, поднялась по парадной лестнице. На площадке за столиком сидела женщина, дежурная.

— Ты, девочка, не волнуйся, — сказала. — Мы тебя сейчас устроим в детский приемник. Одна не останешься...

И точно, вскоре появилась другая женщина и повела меня по Невскому, потом по набережной Мойки... Я даже не запомнила адрес, потому что буквально через дней десять нас вывели на улицу и рассадили в грузовике, покрытом брезентом.

Полный кузов детей. Рассадили лицом назад, и мы увидели наших воспитательниц, нянечек, уборщиц: они стояли и махали нам руками. И вдруг впервые за весь тот блокадный год я увидела улыбки! Впрочем, в блокаду ведь и не плакали тоже. Единственно, когда человек сидит на снегу совершенно без сил, у него текут — немые! — слезы, а лицо будто маска, без всякого выражения.

Везли нас через Ладогу, по ледовой дорожке, которую называли Дорогой жизни. А она на самом деле была дорогой смерти — сколько людей погибло в пути! Задний борт открыт, и нам все было видно: след идущей вереница таких же, как наш грузовиков, автобусы, а по бокам — полыньи, в них плавают доски. И вдруг под нами лед захрустел, захрустел, но шофер резко прибавил газ, и мы проскочили, а следующим грузовиком, тоже с детьми и двумя воспитательницами, осел и — на дно... Уже стояла весна, лед таял вавос.

А потом был другой берег, полная тарелка пшенной каши с настоящим маслом, поезд...

Теплым майским вечером высадились мы в Усть-Лабинске Краснодарского края. Станционные встречали с полными ведрами молока, пирожками с фасолью. Причитали:

— Угощайтесь, деточки! Кушайте пирожки! Пейте молочко!

Долго не могли воспитательницы оторвать нас от этого пиршества. Однако рай наш длился так мало! Началось летнее, сорок второго года, наступление немцев на юге. Снова — эвакуация, через Майкоп на перевал, к Черному морю. А телега всего одна: вещишки на ней ехали, малыши, а все остальные тащились пешком. По южному солнцепеку, по нескончаемой дороге.

Мы уже вышли на станицу Гиатинскую — это чуть больше полпути до Майкопа, — как вдруг показался над дорогой самолет. Мы сразу поняли: немецкий!

— Разбегайтесь! Быстро! Прячьтесь в кукурузу!

А кукуруза в том месте, будто назло, редкая, как в ней спрячься? Когда наверху затихло смотрим: пятеро наших ребят убиты. Пришлось тут же их похоронить. Только двинулись дальше — навстречу мчатся немцы на мотоциклах. Остановились, перекрыли дорогу и, как выяснили, кто мы такие, откуда и куда, завернули обратно в Гиатинскую. Один мотоциклист сопровождал нас, чтобы не разбежались.

Притащились обратно в станицу, стали на площади табором. Немцы согнали станичников и приказали разобрать по домам весь наш детдом. Это походило, наверно, на невольничий рынок в древности: местные к нам приглядывались, уводили за руку одного, другого, шум, галдеж...

И тут... Впервые за всю войну, впервые в жизни столкнулась я с самой низкой подлостью. Воспитательницы — а это были уже не ленинградки, какие-то из местных — подобрали наше барахлишко, что попрличней, кинули на подводу и давай бог ноги...

Я сперва и не заметила этого. Мне кто-то из ребят крикнул:

— Лидка-а! Чего рот раскрыла! Гляди: вон твой мешок шелудят!

Я обернулась, а мой мешок валялся совершенно пустой. Бельишко, платице, туфельки — ничего этого уже не было. Только вдали пыль столбом. Хорошо хоть сохранились теплое одеяло, пальтишко... Стояла, прижав к себе, что осталось. Разобрали уже почти всех, а я не нужна никому. Я была худенькая, слабенькая, никак не могла оправиться от блокады, дистрофия. В конце концов одна женщина взяла меня за руку и повела за собой.

Она была неразговорчивая, немножко сурового склада. Жила вдвоем с сыном. Парень большой, рослый, лет шестнадцати. Жили они довольно бедно: в небольшой мазанке и еще сарайчик на дворе. В мазанке у одной стены лежанка, у другой — лавка. На лежанке спала хозяйка, на лавке — сын. А мне отвели место в сенях, постелили там на полу...

Чем помешали мы, живя у станичников? Кто ж фашистов разберет. В один октябрьский день того же сорок второго года моя хозяйка мне сказала:

— Там собирают всех ваших, детдомовских. Иди к школе.

Закинула я свои пожитки за плечо и отправилась. Но далеко не все ребята пришли, кое-кого станичники не отпустили. У школы собралось нас всего человек пятьдесят, не больше. Немцы показали: будете жить здесь, в школе, одни!

И вот мы превратились... даже не знаю, как это назвать. Вокруг полно людей — немцы, станичники, но они нас как бы не замечали, одни из ненависти, другие из страха, потому что общаться с нами было строго-настрого запрещено. Снова мы оказались в колыбе, в блокаде. И опять самым главным сделалось одно: есть, есть, есть!..

Среди нас были мальчишки лет двенадцати-тринадцати. Они старались раздобыть, что удастся. Бродяжили, просили поаяния.

Закон был: «кто смел, тот и съел». Но в то же время были взаимовыручка, помощь слабому. Старшие девочки ухаживали за малышами, продукты, которые удавалось достать, делились, хоть, наверно, и не в равной мере, но между всеми, независимо от возраста. Мы не переставали сознавать себя ленинградцами.

Спустя месяц — а может, и больше — мальчишки, вернувшиеся из очередной вылазки в станицу, сказали:

— Что-то затевают немцы вокруг нас. Не смыться ли, пока не поздно?

Собрали мы совет, стали решать, что делать. Мальчишки: надо, мол, смыться, не то фашисты нас всех тут ужокошат! Но старшие девочки настаивали на том, чтоб остаться. И верно: куда нам бежать, когда знакомых никого, местность чужая, лесов кругом нет — одни степи да поля. Где укроешься? А с малышами, что делать? Иным по три-пять лет, ослабшие, они и километра не пройдут, а на руках нести их не под силу. В конце концов сошлись на том, чтоб сидеть и ждать.

И все потекло по-прежнему. День за днем, неделя за неделей. Как вдруг уже, по-моему, в первых числах февраля сорок третьего, под утро, еще в темноте, просы-

паемся от торжествующего вопля наших мальчишек:

— Вставайте! Вставайте! Скорей! Наши!!! Наши!!!

Сразу повскакали, конечно, все до единого, даже те, кто и не поднимался почти. И тут услышали в отдалении: тра-та-та-та! Стрельба! Прошло всего несколько минут, и на пороге парень в бурке, в кубанке:

— Привет, ребяташки! Ну как, живы-здоровы?

Мы замерли, боялись шевельнуться.

— Да не бойтесь! Свой я!

Мы как завопили:

— Партизаны! Ура!!!

Первые дни после освобождения мы были пьяны от счастья. Все вызывало восторг. Вот только жить нам пришлось в том же пустом школьном здании, прямо на полу. Но через несколько дней нас перевели в другую станицу, Келермесскую, в хорошо оборудованную под детдом местную школу: с настоящими спальнями, в которых стояли кровати — с матрасами, подушками, одеялами, постельным бельем...

Лежали долгими вечерами без сна, и разговор всегда один — про Ленинград! Рассказывали, кто на какой улице жил, в какой магазин бегал за конфетами, где стоял киоск, в котором покупали после школы ситро... Старались вспомнить мельчайшие подробности довоенного ленинградского быта, и любая деталь оказывалась общей, хорошо знакомой всем. Про блокаду почти ничего, говорили только про то, как было до войны. Мы, конечно, мечтали попасть обратно в родной город и как можно скорей, но непременно еще в тот, довоенный Ленинград.

Поэтому, когда в сорок пятом году пронесся слух, что будут отправлять в Ленинград, наш детский дом стал похож на растревоженный муравейник. Кто поедет? Кто останется? Потом выяснилось: едут лишь те, кому исполнилось пятнадцать, потому что городу требуются рабочие руки.

Мне пятнадцать исполнилось в марте, а уезжали мы в июне. Как раз незадолго до того нас, пятнадцатилетних, приняли в комсомол: вручили билеты — настоящие, отпечатанные в типографии, с печатью райкома, но без фотокарточек. Во всей округе не нашлось ни фотографа, ни пленки. И это был единственный наш документ, кроме бумажки, в которой значилось, что мы направляемся на восстановление ленинградского народного хозяйства.

Слез при расставании, сам собой, пролились слезы. И не только те, кто оставался, но и те, кто уезжал. Мы успели сродниться, стали одной семьей. И никакой другой семьи почти у всех нас не было.

ГОВОРЯТ ДЕТИ

Вероника, 3 года

Вместе с папой у стоматолога (папе лечат зубы)

— Папа, ты не бойся! Я с тобой!

Лидка, 3 года

Брат залез в детский стульчик, а вылезти не может.

— Ну и оставайся в стуле...

Помолчала, подумала:

— На память...

Алеша, 5 лет

— Мама, а змеи полезные?

— Все животные по-своему полезные...

— И Баба-Яга?!

— Кто это тебя по лицу ударил?

— Это я сам!

— Чем?

— Забором.

Ромка, 4 года

— Зачем градусник на улице? Чтобы улица не болела?

Павлик, 5 лет

Увидел на мусорном ящике спящую кошку:

— Зачем годную кошку выбросили?!

Ваня, 4 года

— Ваня, ешь хлеб: в нем все витамины, необходимые человеку...

— Нет, в хлебе не витамины: там крошки...

— Я знаю, почему пища в зубах портится... Потому что там нет холодильника...

Юля, 3 года

— Юля, завтра выходной, в садик не идем.

— Ура!!

— А послезавтра — идем.

— Тогда не ура...

Савва, 4 года

— Бабушка, а на Луне люди живут?

— Нет, там холодно.

— А если батарею поставить?

Ромка, 4 года

— А почему дерево упало? Оно что, без сознания?

Записали наши читатели: Веретенко (Крымская область), Н. Архипова (г. Заполярный), М. Козлова (г. Ульяновск), Л. Горбунова (Донецкая область), М. Штифман (г. Запорожье), Л. Зайцева (г. Черкассы), Поликарпова (г. Запорожье), Л. Петрова (Тульская область).

Вместе с войсками, освобождавшими от фашистских захватчиков Смоленщину, Белоруссию и Литву, прошел военными дорогами и фотокорреспондент фронтовой газеты «Красноармейская правда» Михаил Савин. Он снимал не только боевые эпизоды, но и опаленные огнем войны города и села, обездоленных взрослых и рано повзрослевших детей. Вглядитесь в эти фотографии!

МИХАИЛ САВИН

Село Ульяново, Калужская область. июль 1943 г.

Все наше богатство. Смоленск, 1943 г.

Сын партизана. Белоруссия, июль 1944 г.

Толя Фролов село Ульяново, Калужской области, 1943 г.

Пока взрослые воюют. Калужская область, июль 1943 г.

Где наш дом? Жиздра, август 1943 г.

Рая и Гена Щегловы. Жиздра, август 1943 г.

Пахари, 1942 год.

По дорогам войны. 1943 г.

«ТАК
И НЕ

ДОЖДАЛАСЬ
СЫНОВЕЙ»

«2.10.43 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Вчера прибыл в свою часть... Стоим у Днепра, находимся в сильно разрушенном городе К. (Кременчуге.— Ред.). Немец, отступая, все сжигает на своем пути, уничтожает мирное население, а других уводит с собой. Подробнее напишу потом. Сейчас иду к переправе. Буду работать первым помощником начальника штаба полка. Приказ о моем награждении пришел. На днях получу орден.

С приветом! Сахий».

Получить орден старший лейтенант Ишмаев так и не успел. 12 октября 1943 года он погиб на правом берегу Днепра. И вскоре его мать, колхозница из башкирской деревни Удряк-Башево Благоварского района получила похоронку. Уже пятую за три года войны.

Когда она овдовела, из семерых детей два старших сына были уже взрослыми. Но еще пятеро оставались на руках. Сахия, ставшему старшим мужчиной в семье, исполнилось лишь шесть лет.

Работать ему пришлось наравне со взрослыми.

Тяжелые были годы; небывалая засуха, умер один из братьев Сахия. Сахия, чтобы спасти от голодной смерти, мать отдала в детский дом. Два года прожил мальчишка-башкир на Украине, на земле, где много лет спустя сложил свою голову.

Постепенно налаживалась жизнь. Жила семья Ишмаевых хоть не в большом достатке, но интересной, полнокровной жизнью. Братья и сестры настойчиво учились. Старший из братьев, Гинди, окончив Государственный университет журналистики, работал в Москве. Младший, Абдулла, заканчивал Ташкентский ирригационный институт. Другие молодые Ишмаевы стали учителями в сельской школе. После окончания московского пединститута Сахий преподавал историю, летом 1941 года собирался поступать в аспирантуру. Когда грянула война, уже в августе принял боевое крещение на подступах к Москве.

Ушли на войну братья Кашфи и Абдулла. Проводили на фронт своих мужей сестры Кафия и Мабура. И стала мать ждать весточек сразу от пятерых — трех сыновей и двух зятей.

Каких же горьких весточек она дождалась! В начале 1942 года пришло извещение о гибели Кашфи — учителя и поэт пал смертью храбрых под Калинином. В мае получила сразу две похоронки из-под Харькова: муж Мабуры лейтенант Акрам Мустафин погиб у села Веселого, а самый младший из сыновей лейтенант Абдулла Ишмаев пропал без вести. Весной 1943 года погиб муж Кафии Гариф Зарипов. Не успели его оплатить, пришла похоронка на Сахия. Через некоторое время из военкомата принесли ей документ, в котором говорилось, что ее Сахий награжден орденом Красного Знамени. Эту бумагу она положила в шкатулку, где хранились его письма с фронта. Всего их было двенадцать. Каждый вечер вынимала эти треугольники и гладила. Не разворачивая и не чи-

тая — неграмотна была. Да и зачем, все равно содержание каждого знала наизусть.

«20.02.42 г. Гороховецкие лагеря.

Сегодня или завтра выезжаем на фронт... Настроение бодрое, ибо еду ведь защищать родную землю от фашизма».

«14.03.42 г. Действующая армия. 49-я полевая почта.

Готовимся к решительным боям с немецкими оккупантами... Как видите — моя доля весьма благородная. Заверю вас, родные, что мое поведение на поле брани будет определяться той возвышенной целью и идеалом моим, за которые я жил и работал. Если потребуются отдать самое дорогое, что есть у человека, то, конечно, я это сделаю без колебаний...»

«7.07.42 г. Ждите нас с победой. Как бы Гитлер сейчас ни рвался, конец ему все же будет...»

«29.08.42 г. Привет из Тулы. Пишу из госпитали. В боях участвовал дней 15. 24 августа в 11 часов вечера получил осколочное ранение в области лба с повреждением кости. Но уже чувствую себя хорошо.

Война сейчас жестокая и страшная, но на поле боя об этом меньше всего думаешь, тобой владеет одна мысль — выполнить задачу командования и победить немца на своем участке...»

«21.09.42 г.

Долго читал ваши письма. Мне казалось, что я разговариваю с вами и невольно навертывались слезы на глаза.

Особенно жестокий бой разыгрался в день моего ранения. Почти весь командный состав вышел из строя... На днях получил письмо от начальника политотдела нашей бригады, где он желает мне скорейшего выздоровления и возвращения в часть».

«4.11.42 г. 1443 полевая почта, часть 401.

На днях получил назначение на новую должность. Сейчас работаю помощником начальника штаба полка. Положение пока без перемен. Пишу вам под шум фронтной музыки — совсем недалеко разрываются вражеские снаряды. Но нам уже не привыкать. Пусть от этих разрывов вздрагивает наша землянка, но все же немцу долго устоять здесь не удастся.

В этих краях все населенные пункты сравнены с землей. После войны потребуются много сил, энергии, чтобы восстановить их заново...»

«5.01.43 г. Отвечать на письма совершенно не было времени. Приходилось иногда не спать подряд несколько ночей, совершая большие переходы. Зато новый год мы встретили на отдыхе, в единственном уцелевшем на всю деревню доме. Немцы, отступая из этих земель, превратили ее в пустыню...»

...Теперь инициатива находится в наших руках. Кто останется жив, тот счастливо встретит 44-й год среди своих близких и родных. Чувствую себя прекрасно и доволен судьбой...»

«1.02.43 г. ...Лиля (племянница Ишмаева — Ред.) пишет о своем желании поехать на фронт. Я ей не советовал. Она еще не представляет, что значит война, какие трудности приходится здесь

переносить... До армии у меня тоже было неправильное представление о фронте. До конца понял только сейчас, что значит современная война. Я уже привык и готов к выполнению любого задания. Будем воевать до полной победы. На меня можете положиться. Пусть мама не беспокоится за меня, я обязательно вернусь с победой».

«22.06.43 г.

Сегодня исполнилось ровно два года, как началась война. В связи с этим мы ожидали, что немец что-нибудь предпримет, но он себя ничем не проявил. Можно уверенно заявить, что если он попытается перейти в наступление, то наверняка сломает себе голову. Через линию нашей обороны можно проскочить только на крыльях. Теперь мы на чеку.

У немцев теперь перспективы весьма плачевны, и если наши союзники в этом году выступят в полную силу и решительно, то 1944 год будет годом нашей торжественной встречи...»

«22.07.43 г. Бои идут ожесточенные. В первые дни своего наступления немцы применили бесчисленное количество самолетов и танков. Мне впервые пришлось быть свидетелем такого рода ожесточенных боев. Наши бойцы и командиры сражаются как подлинные герои. В первые дни казалось, что ничто и никакая сила не может устоять против натиска такого количества техники. Правда, в первые дни он нас потеснил, но паники не было. Каждый старался с честью выполнить свой долг. Сейчас наступает не он, а мы. Самому пришлось быть в таких переплетках, в каких еще никогда не приходилось бывать, но пока жив и здоров... Не стало у меня много хороших друзей. Но радуют наши успехи. Пусть это будет началом нашей победы...»

«Август 43-го.

5 июля, находясь на первой линии обороны, приняли невиданный по силе удар отборных частей дивизий «СС». Но мы выстояли, а потом обратили его в бегство.

Я почти все время находился в боевых порядках... подразделений, участвовавших в рукопашном бою. Уничтожил трех немецких пулеметчиков, а пятерых взял в плен, в том числе унтер-офицера. Привел их в штаб полка. Это было 5 августа. За эти бои командир дивизии лично представил меня к награждению орденом Красного Знамени...»

«22.08.43. Неблагоприятный август опять привел меня в госпиталь... В ночь с 8 на 9 мы выбили немцев из д. Черемошного и начали их преследовать. Перед рассветом мы с командиром полка вышли на большую дорогу, ведущую на Харьков, и наравались на колонну гитлеровцев. Еще легко отделался...»

«29.08.43. Рана заживает быстро, пройдет 10—15 дней, и я вновь уеду на фронт. Только бы попасть в свой родной полк. Как жаль, что из-за этой проклятой раны не мог участвовать в боях за Харьков. Наша дивизия шла ведь прямо на него... Вчера передали по радио, что командир нашей дивизии награжден орденом Суворова II степени.

...Таким образом, четвертый раз соби-

раюсь на фронт. Пусть и эта поездка моя будет такой же удачной, как и предыдущие».

«Сентябрь 43-го. Привет из освобожденного Харькова. Из госпиталя выехал 17-го. Познакомился с сильно пострадавшим от оккупантов городом... Знаменитый Дворец пионеров разрушен до основания. Пожалуй, единственным уцелевшим памятником является памятник великому украинскому поэту Тарасу Шевченко. Но жизнь в Харькове постепенно восстанавливается, работают уже кинотеатры, посмотрел кинокартину «Миссия в Москву». Вчера вечером по радио сообщили, наши войска взяли Полтаву, и сегодня выезжаю туда...»

А потом было последнее письмо Саши накануне форсирования Днепра. С правого его берега он написать уже не успел.

Он был храбрым офицером и хорошим учителем, преподавал в школе историю и сам делал ее на полях сражений.

Фронтные письма брата прислала нам солдатская вдова, учительница-пенсионерка из Уфы Мабура Гатаулловна Ишмаева.

«Война буквально разорила нашу семью,— пишет она.— Одна я осталась из семерых детей. И как мама перенесла такое горе. В 1946 году, правда, несколько дней я видела на ее лице улыбку. Это когда она узнала, что самый младшенький ее, Абдулла, оказался жив...»

Он был любимцем в семье, самым, считала мать, добрым и талантливым. Прекрасно рисовал, играл в шахматы. Сохранилась вырезка из газеты за 1936 год, где сообщалось, что башкирский паренек сыграл вничью с самим Капабланкой, когда тот давал в Москве сеанс одновременной игры на тридцати досках. В армию Абдулла ушел с последнего курса института, в котором учился только на отлично. В 1942 году под Харьковом их часть попала в окружение и лейтенант Абдулла Ишмаев оказался в плену. Он выжил.

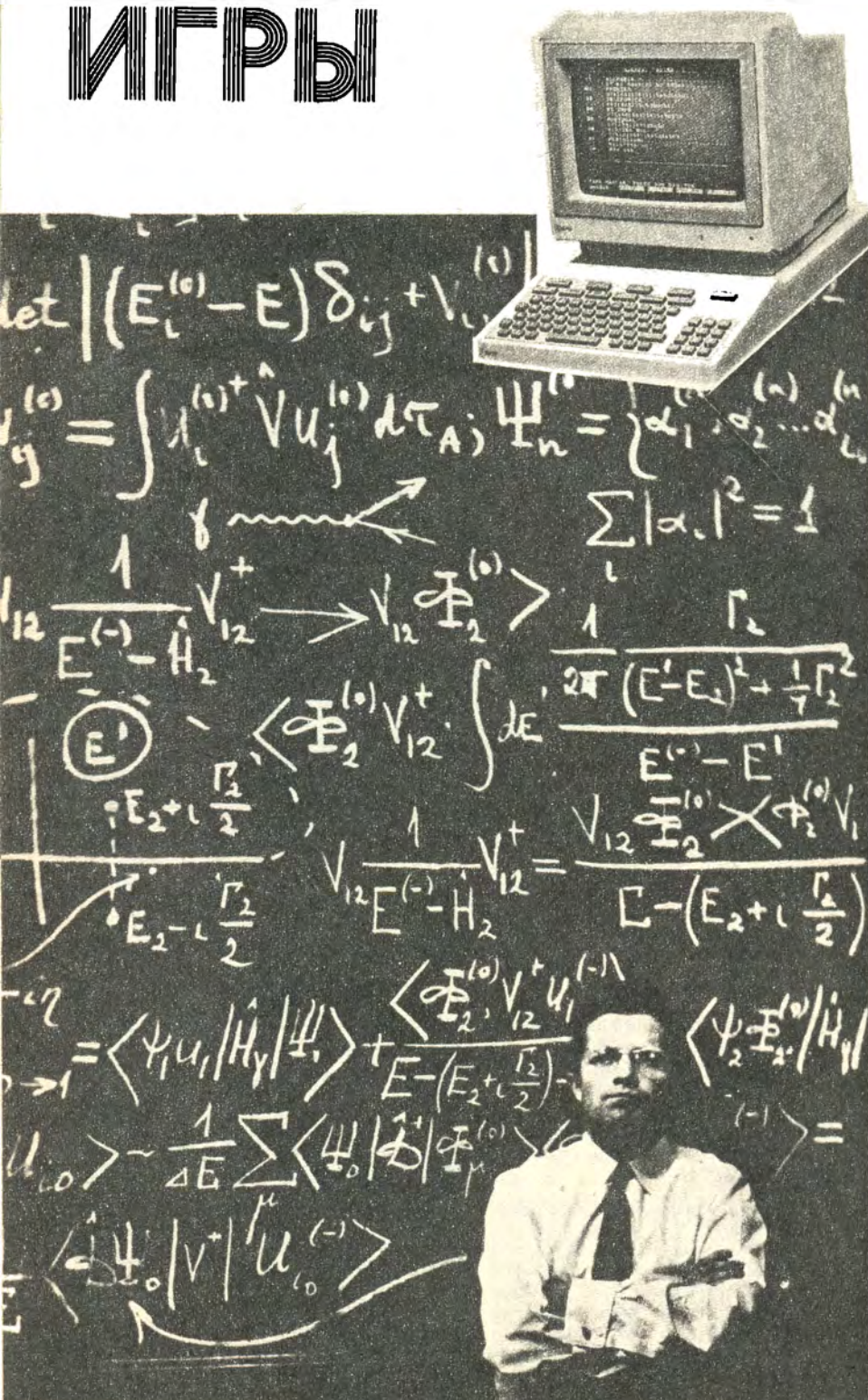
Но радость матери была недолгой. Домой ее сын вернулся лишь через долгих десять лет: из фашистских лагерей напрямую угодил в сталинские. Когда в 1954 году умирала, последние ее слова были: «Так и не дождалась с войны своих сыновей...»

«Теперь я храню фронтные письма брата,— пишет Мабура Гатаулловна.— Читала их своим двум детям и племяннику. Теперь читаю их внукам, когда приезжаем в родную деревню. Недавно там при школе создан музей, один из стендов которого решено посвятить нашей семье. Отдала в музей и фотографии, какие у меня были. Письма же отдавать пока не буду. Мне без них тяжело. Вот умру, тогда пусть дети отнесут в музей эту семейную нашу реликвию».

Публикацию подготовил
Б. ХУДОЛЕЕВ

НЕКОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ

А. АРТАМОНОВ, учитель

Закончив педагогический институт, я попал по распределению в школу и сразу вошел во владение будущим кабинетом информатики, который шефы обязались оборудовать к началу учебного года. Правда, в течение всей первой четверти вынужден был на пальцах объяснять старшеклассникам, что такое ЭВМ и предмет, который изучаем, рисовать на доске компьютерную клавиатуру и думать, что мне все-таки относительно повезло: есть школы, где все обстоит намного хуже. Нам же оставалось провести заземление и установить розетки для тридцати «Агатов». Не беда, что месяц-полтора помучимся без оборудования; во многих школах, особенно сельских, курс информатики вообще преподается в так называемом «безмашинном варианте».

Естествен вопрос: разве можно так чему-нибудь научить? Но оказывается, у нас возможно то, что в любой другой цивилизованной стране восприняли бы как абсурд. Тысячи учителей, водая указкой по доске, где мелом изображена клавиатура, спрашивают детей, что будет, если нажать ту или иную клавишу. В школах побогаче пытаются учиться на калькуляторах. И хотя, на первый взгляд, основные принципы устройства схожи, примитивная счетная машинка столь же далека от компьютера, как счеты от самого калькулятора.

...Но вот к ноябрю наконец-то была закончена установка розеток, и вместе с ребятами мы перенесли и подключили «Агаты». Начали заниматься, и тут компьютеры стали категорически отказываться считывать программы, которые предлагались в комплекте. Пришлось вызывать специалиста, который помог более или менее отрегулировать технику. Но надолго ли? Ведь качество школьных компьютеров — хуже некуда. Это факт. А нагрузка, что ложится на их хрупкую клавиатуру, монитор и дисконд, явно превосходит ту, которой подвергаются машины в каких-нибудь НИИ. За учебный день на одном «Агате» орудут восемь-десять учеников от семи до шестнадцати лет. Каждый норовит все покрутить и потрогать. И хотя нельзя сказать, что машины выходят из строя одна за другой (крупные поломки относительно редки), но барахлят они постоянно. Когда четвертая часть «Агатов» отказывается считывать программу, то обучение превращается в пытку. Кроме того, некоторые из них,

Фото В. Горбунова

несмотря на то, что они из одной партии, не воспринимают программы друг друга.

У англичан есть такое понятие для характеристики, надежности техники — «защищенность от дурака», то есть абсолютная безопасность. Это понятие, на мой взгляд, в наибольшей степени должно характеризовать и технические средства, поставляемые в школу. Министерство здравоохранения, оправдывая свое название, обязано строго контролировать «продукцию», рядом с которой оказываются дети. Конечно, теоретически существуют санитарные нормы, которые четко регулируют, сколько и как можно работать на ЭВМ. Ведь ни для кого не секрет, что электромагнитное излучение не очень-то полезно для организма, особенно для растущего.

Что же выясняется? Дешевые компьютеры, предназначенные для школы (при остаточном-то принципе можно лишь действовать согласно известной формуле: «Числом поболее, ценою подешевле»), комплектуются самими обычными трубами от бытовых телевизоров, которые рекомендуется смотреть на расстоянии не менее двух-трех метров. Но при работе на компьютере такое расстояние невозможно. Самое максимальное — 60—70 сантиметров от экрана, а то и меньше... К тому же длительное восприятие постоянно мигающего источника света плохо действует и на зрение, и на нервную систему. Иной раз как прикинешь, какими последствиями для здоровья ребенка может грозить работа на таком вот электронном агрегате, так приходишь к мысли: может, действительно, лучше учить «вприглядку» и «на пальцах»? И в конце концов почему за несовершенство техники должны расплачиваться дети?

Да, отечественная вычислительная техника для школ — «первый блин» нашей промышленности, производящей товары широкого потребления. Но существует и другая промышленность, с которой ныне связывают модное слово «конверсия». Вот на эту базу стоит обратить внимание, если общество серьезно озабочено здоровьем и образовательным уровнем подрастающего поколения. Школа — не та область, где надо экономить. Скупой платит дважды.

Вернемся, однако, к моей истории. Оборудование кабинета информатики мы, как говорится, доводили до ума почти весь год. Много хлопот нам доставила сигнализация. Оказывается, поставить кабинет на учет во вневедомственной охране не так-то просто: имущества должно быть не менее чем на сто тысяч. А у нас набралось лишь на пятьдесят. Все же сигнализацию поставили. Мощный «ревун» теперь будет оповещать жителей близлежащих домов, если кто-то не вовремя зайдет в кабинет. Что же касается кондиционеров (когда работают «Агаты»), в помещении становится нечем дышать, то они, как выяснилось, относятся к предметам неопозволительной роскоши и средней школе вообще недоступны. Конечно, можно бы открыть форточку и окна. Но делать этого нельзя из-за пыли. За один день на всем оседает приличный слой. Со стола несложно стереть, а как быть с ЭВМ? Не будешь же машину разби-

рать для регулярной чистки? Специалисты, между прочим, не рекомендуют даже пользоваться мелом там, где стоят компьютеры. Меловая пыль вредно на них действует.

Заботы с оборудованием компьютерного класса порой доходили до курьезов. Скажем, по технике безопасности полагаются двери помещения, где стоят ЭВМ, обивать листовым железом. Связался с шефами, попросил прислать жестянщика. Тот пришел, снял размеры, а вот выдержит ли дверная коробка тяжесть железа, его мало волновало — он ведь не столяр или плотник. Через месяц дверь уже ходила ходуном.

Еще проблема — шкафы для хранения принтера, дискет и прочей компьютерной мелочи. Оказывается, тридцатипятирублевое «хранилище» приобрести у нас столь же сложно, как и приличные ботинки. Существует гигантская очередь, записав аж в отделе народного образования, ожидание — не меньше года.

И все-таки, несмотря на все неурядицы, мы работали. Дети со свойственной им непосредственностью буквально с первых дней брали кабинет штурмом. Никого не отпугивало даже обязательное изучение правил техники безопасности. Все, и двоечники в том числе, прилежно учили, что нельзя делать, а что можно.

Как выяснилось, у ребят практически отсутствует боязнь техники. Если взрослые, не имея опыта общения с компьютером, входят в класс как-то боком и смотрят на «Агат» настороженно, то дети буквально сразу прилипают к нему. Машину они воспринимают как привычного партнера по играм. И играют с ней с неослабевающим интересом, даже если она вообще ничем «не загружена». Это ли не благоприятная почва для использования всякого рода обучающих программ, которые ненавязчиво, естественно приучают детей иметь дело с ЭВМ? Но стоит предложить «поработать», интерес у некоторых моих учеников резко падает. И я условно разделил ребят на три группы в зависимости от отношения к «Агатам». Выяснилось, что одни готовы хоть ночевать рядом с компьютером. Для них привлекательно само общение с машиной — даже игры отходят на второй план. У другой части учеников отношение к информатике терпимое, но без энтузиазма. А есть и такие, кто считает: они и компьютеры — вещи несовместимые и иметь дело с вычислительной техникой в будущем не собираются. Эти не до конца осознают, что скоро без ЭВМ и шагу ступить нельзя будет.

Безусловно, информатика как школьный предмет в настоящее время необходима всем, но так ли уж надо всем изучать программирование? Практика показывает: лишь очень немногие после школы занимаются созданием программ, от силы — один процент от общего числа выпускников. Остальные соприкоснутся с машиной только как пользователи. Такое соотношение естественно, поэтому, на мой взгляд, нет необходимости обучать буквально всех составлению программ. Ведь от миллионов владельцев магнитофонов и автомашин никто не требует обязательного

умения их ремонтировать. На это есть специалисты.

Еще один важный вопрос — выбор языка программирования для обучения в школе. Сейчас основной — «бейсик». Но спросите любого профессионала об этом языке, и он, пренебрежительно хмыкнув, скажет что-то вроде: «Если ты начал с «бейсика», хорошим программистом никогда не станешь». Но пока что о знакомстве с другими алгоритмическими языками хотя бы тех учащихся, которые заинтересовались программированием, речи не идет. Обычно объясняют, что основы программирования изучают в школе, в основном, для развития логического мышления, и какая разница, с «бейсиком» познакомятся ребята или с «паскалем». А мне думается, для развития мышления рациональнее было бы ввести в программу курс логики, который уже когда-то был в школе, а на уроках информатики ребят учить работать с готовыми программами (ведь куда важнее, если школьник сможет обработать данные, скажем, эксперимента, напечатать нужный текст и т. д.). Только в школах с углубленным изучением математики и физики можно начинать готовить серьезных программистов. И тогда для такого обучения необходимы специальные программы, в частности обучающие.

Журналы «Информатика и образование» и «Иностранные языки в школе» в последнее время стали печатать алгоритмы и блок-схемы подобных программ. Но этих публикаций совсем недостаточно. Да что там специальные программы! Можно пересчитать по пальцам все то, что появилось в школе по официальным каналам в помощь учителям информатики. Основную часть программ я сам да и все мои коллеги добываем самостоятельно. А закупить все, созданное для «Агатов» хотя бы за один прошлый учебный год, большинству школ не по карману. Пришлось бы выложить более двух тысяч. Теперь и не всякий шеф раскошелится, многие предприятия перешли на хозрасчет и на просьбы о материальной помощи реагируют неохотно, считая, что хватит, мол, и компьютерного класса. А что ЭВМ без программного обеспечения — глухой ящик с электронной начинкой, мало кого волнует. Вот и изобретаем велосипеды, всяк в меру своих возможностей, создаем то, что давно работает у соседа, нерационально тратим свои силы и время.

Причина всех этих неурядиц не только в нищенских средствах, отпускаемых на развитие народного образования, но и в отсутствии четко продуманной программы компьютеризации школы. Нашу бедную, многострадальную школу пытаются сейчас поставить на скоростные рельсы перестройки, что конечно жизненно необходимо. Но, наверное, чтобы обеспечить движение, недостаточно энергии и бескорыстия энтузиастов, необходимо и нечто более существенное, материальное.

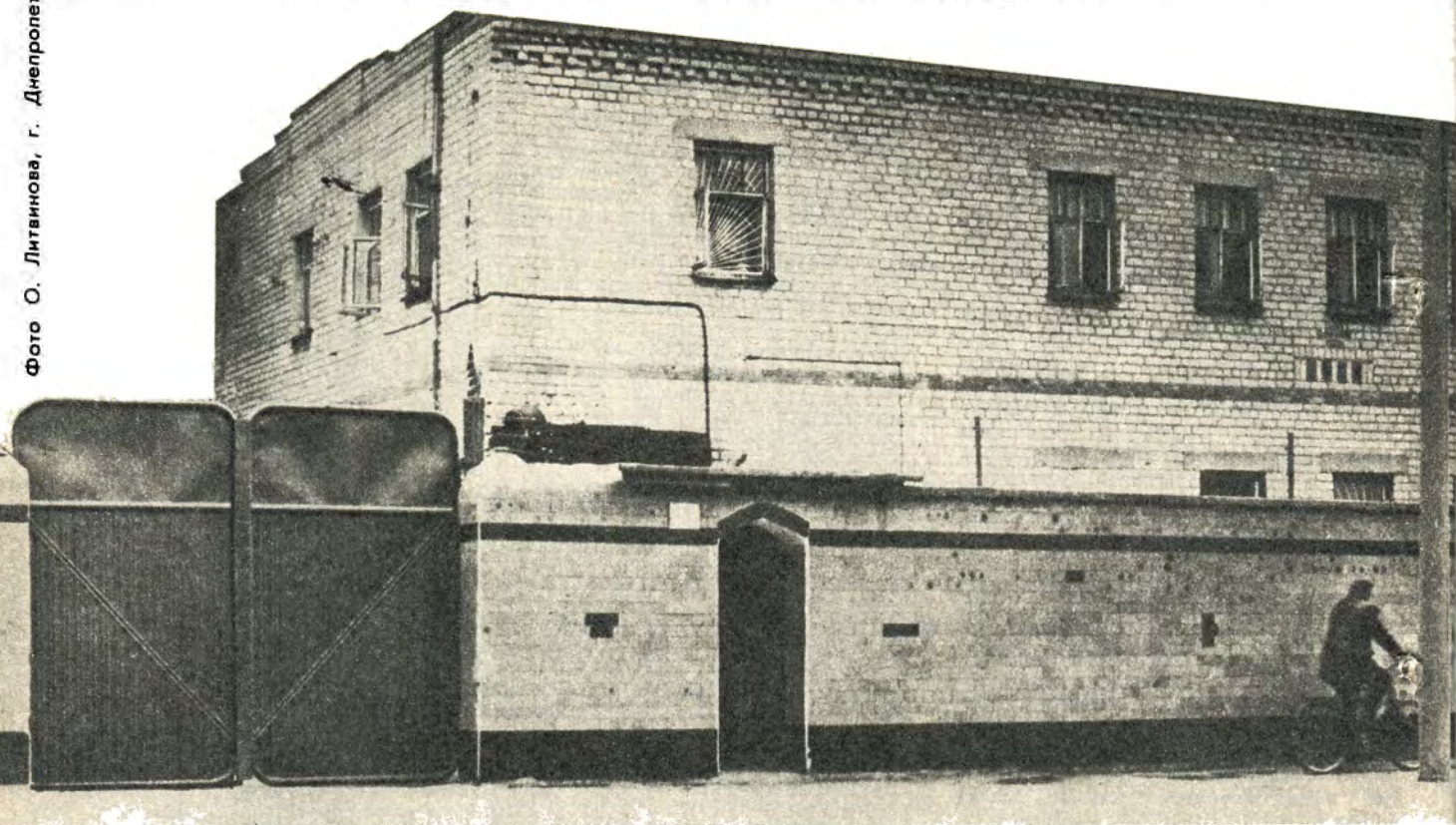
Окончание. Начало в №№ 11, 12
за 1989 год и №№ 1, 3, 4 за
1990 год

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ЗА ЗАКАТОМ—РАССВЕТ

Записки учителя из колонии для девушек

Фото О. Литвинова, г. Днепродзержинск

Как только автобус подрулил к платформе и водитель открыл дверь, я увидел Водолажскую. Она стояла возле газетного киоска и наблюдала за выходящими пассажирами. Увидев нас, обрадовалась, заулыбалась. Начала расспрашивать, как доехали. Что нового в колонии? Какая погода в Мелитополе? Нет ли неприятностей у Белки? Односложные, простенькие вопросы. Такие же и ответы — будет еще время, наговоримся.

Дверь Катиной квартиры никто не открывал. Звонили, стучали — без результата.

— Может, телеграмма не дошла? — предположила Ольга.

— Да ну! Ты же получила. — возразила Корниенко. И продолжала нажимать на кнопку звонка.

Звонок работал исправно.

— Неужели нет дома?

— Да дома она, дома! — горько вздохнула Катя, барабанила по двери кулаками.

Я пошел разыскивать дворника. Тот, поругиваясь и кряхтя, долго подбирал ключи, наконец, открыл. Катя переступила порог первой. Я когда вошел, сразу увидел ее тоненькую фигурку. Уткнувшись лицом в стену, девушка молчала, только плечи вздрагивали в рыданиях.

В квартире грязь, пустые бутылки из-под вина на полу. На столе остатки еды (хлеб, сало, селедка), окурки в тарелках. И телеграмма в жирных пятнах — среди этого болота. «Мама. Присажает дочь...» А мама, ни живая, ни мертвая, валяется на грязной кровати.

Водолажская открыла форточку, стала убирать со стола. Нас обоих остановил резкий голос Кати:

— Не надо. Поеду к отцу...

Поехать к ее отцу в Саратов мы,

разумеется, не могли. Дали ему телеграмму. Когда выходили из отделения связи, я спросил у Кати:

— Хочешь с нами к Лагутинковым?

— Нет, устала, не могу, — отвечала упавшим голосом. — Лучше к тете, отдохну, там буду ждать отца.

Я записал номер телефона и адрес Катиной родственницы. Мы с Водолажской посадили девушку в троллейбус, сами перешли на противоположную сторону улицы. Подождали минут пять.

— Проспект 200-летия Кривого Рога? Неблизко... — прикинула Ольга. — Но за час дойдем.

Посмотрел на часы — время позволяет. Понимая естественный интерес Водолажской к тому, что без нее происходило в колонии, по пути сообщил ей основное. Света Гукова, осознавая постепенно тяжесть совершенного ею преступления,

тяжело заболела и сейчас находится в специализированной психиатрической клинике... Бондарь после неудавшейся попытки повеситься вскрыла себе вены — тоже в больнице, никак не выведут из критического состояния... А так все обидно. Если не учитывать тревожные весточки от Дорошенко и Кошкарновой.

— Гукову совершенно не жалко, она не человек, — сказала хмуро Ольга. — Да и Бондарь не лучше. Совершить такое убийство... Нет, я никогда не пойду ей оправдания... Водолажская помолчала. — А вот Анечку Кошкарову по-настоящему жалко, — призналась искренне.

Пауза тягостная, и я перевел разговор на другое.

— Оля, скажи правду, уж не слишком ли «розовое» письмо ты мне прислала? У тебя после колонии так все хорошо, так гладко?

— Писать обо всем не хотела, это да, — призналась она. — А зачем? Мало у вас своих забот? Нет проблем в колонии, чтобы еще я лезла с жалобами? Да, я учусь. И нянечкой работаю по ночам, но это же не самое трудное! Другое тяжело, не это. Вот старые друзья подкатывались, поняли, что «завязала», и ушли. Наплевали в душу, конечно, но все же ушли. Появились «друзья» новые, в училище. — Ольга повернула ко мне лицо, глаза ее чуть сощурились. — Вот вы скажите, должна я складываться по пятерке на водку? Денег не жалко, могу внести. Но зачем пить заставляют, если не хочу? Раз отказалась, второй — объявили белой вороной и «стукачкой». Ну, вы представляете? Ладно, и это выдержала. Но случилось вообще что-то невероятное...

Водолажская рассказала, как ее группа большинством голосов решила прогулять занятия. И все ушли, осталась одна Ольга.

— Почему ты осталась?

— Боялась я, — призналась девушка. — Им что — поругают, забудут, снова по головке погладят. А я ведь судимая...

Ей группа объявила бойкот. Мало того, как-то посреди занятия вдруг поднялась ученица. Преподаватель Ирина Михайловна запнулась на полуслове.

— Лара, ты что-то хотела?

— Да. Хотела сказать... У меня пропал кошелек!

— Как пропал? Хорошо искала? Где он у тебя лежал? — посыпались обычные в таких случаях вопросы.

— В «дипломате». Я в столовую ходила, «дипломат» оставляла здесь.

— Все в столовую ходили, — заметил кто-то.

— А вот и не все! — выкрикнула соседка Лары.

— Кто не ходил? — начала выяснять преподаватель.

Лара громко объявила:

— Водолажская не ходила!

После занятий Ирина Михайловна отозвала Олю в сторону.

— Ты прости меня, — осторожно начала разговор учительница, — я только что все узнала. Ты была судима? Не спрашиваю и не буду спрашивать, за что. Хочу помочь тебе, если будет в этом необходимость... Я была в приемной, когда зашли девочки из твоей группы. Спрашивают у секретаря, может ли их при-

нять директор. Секретарь ответила, что тот будет завтра утром. К нему собирается целая делегация...

— Директор о моем прошлом знает? — спросила девушка.

— Скорее, нет, — ответила преподаватель. — Вас полтысячи у Павла Павловича. А в твоём аттестате и в характеристике не сказано, что эта школа — в колонии. Только, если присмотреться, по печати можно узнать...

— Значит, завтра директор узнает, — проговорила Ольга.

— Нужно, чтобы сегодня, — решила Ирина Михайловна.

Утром в кабинете директора было шумно. Двадцать девчат, перекрикивая

друг друга, рассказывали о пронаже кошелька, утверждая, что украсть мог только один человек — Ольга Водолажская, кстати, ранее судимая за воровство.

Директор, уже знавший о сути конфликта, не мешал ученицам выговориться. Снял очки.

— Не стыдно? — спросил с укором.

Уже после разговора с группой, оставшись вдвоем с Ириной Михайловной, рассуждал:

— И все же что-то до меня не доходит... Водолажская судима, была в колонии, в зоне, так? И она же подает пример нашим ученицам не пить, не прогуливать, не тянуть деньги с родителей... Почему же они так ее невзлюбили?

Люде, — проговорил отец. — Слушаем — будто не о нашей дочке, о другой... Неужели она изменилась?

Я понимал Лагутниковых. Ирину Антоновну, которая слушала из уст дочери самые пошлые в свой адрес оскорбления, знала силу дочкиных кулаков. И Петра Ивановича, перед которым пьяная дочь, обнажившись, танцевала, требуя за это тысячу рублей, оскорбляла всячески, тоже понимал. Ни в чем не мог, не имел права их обвинить. Разве что в излишнем внимании к вещам, из-за которых они, очевидно, и потеряли свою дочь.

— Что вы дарили Люде на дни рождения?

Вопрос, явно неожиданный, застал Лагутниковых врасплох.

— Платье сафари, косметику, французские духи, иногда просто деньги, — перечислил отец.

— Перстень «Маркиз», — вспомнила мать.

— Ну а книги? Или билеты в театр?

Петр Иванович посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Вы серьезно?

— Вполне.

— Да она театр ненавидит! И книги не читает...

— Скажите, вы ездили куда-нибудь вместе с дочерью?

Ответила мать:

Квартира у Лагутниковых большая и хорошо обставленная. Дорогие обои, ковры. Цветной телевизор последней модели. Много книг. Оленья шкура на полу. Я утонул в глубоком кресле возле журнального столика с «Панасоником», Ольга — рядом. А родители Людмилы, сгорбившись, наблюдали за непрошенными гостями с дивана. Я рассказал им о дочке, ее поведении в колонии. Как только подошел к планам на будущее, Ирина Антоновна, мать Люды, начала вытирать слезы:

— Не верю, что дочь будет другой, не верю...

— И мне трудно представить, что не запьет, вещи из дома не понесет продавать, — сказал хрипло отец, Петр Иванович.

Я поймал себя на мысли, что вещей в квартире Лагутниковых многовато. Впрочем, стремление жить хорошо непрелюбопытно, хуже, когда ослепленные страстью накопительства, родители забывают о воспитании разумных потребностей у подростка, а то и вообще для детей не находят времени.

— Вы так много рассказываете о

— Люду в шестом классе в Ленинград возили.

— Достопримечательности показали? Ирина Антоновна опускает глаза:

— Правду скажу — по магазинам ходили.

— С дочкой?

— С дочкой.

— Ну а летом как отдыхали?

— Люда в пионерлагере, а мы... — женщина загнулась, — в Ялте.

— Ялта — хороший город. А вот места для детей там действительно маловато. Хозяин квартиры потянулся к папиросам. Ирина Антоновна поднялась открыть форточку. И застыла, устремив взгляд за окно.

— Кто там? — спросил у жены Лагутников.

Не ответила, только плечи задрожали.

— Кто? — повторил вопрос Петр Иванович.

Сам встал и подошел к окну. И мы Ольгой подошли. Школьницы там внизу. В белых передниках.

— Такие по годам, как наша Люда, — тихо всхлинула мать.

Водолажская смотрела на меня встревоженно. Перевела взгляд на отца.

— Простите Люду, — тихо попросила. — Зовите ее домой.

— Да простил я ей все, простил! — заговорил Петр Иванович возбужденно. — Не прежнее вспоминаю, нового боюсь.

— Старое забыто, — подтвердила мать. — И сами мы виноваты — и себя виним. — Приложила к глазам платок, утерла слезы.

Я молчал. И Ольга больше не вмешивалась, затихла, сидела, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники кресла.

— Не осуждайте нас, — дымя папиросой, подвел итог глава семейства. — Мы решили: пусть дочка сама по себе, а мы сами по себе. Боюсь я ее, не верю, что после зоны люди лучше становятся. Других примеров — тысячи!

Пришло время и мне подвести итог. — Тысячи примеров? — переспросил громко и сердито. — О чем вы? — жестом полководца я указал рукой на Олю. — Вот вам пример!

Лагутниковы, очевидно, не ожидавшие подобного отпора со стороны непрощен-

ного гостя, молчали. И у меня появилась возможность рассказать им об Ольге Водолажской, ее жизни после колонии. Это произвело впечатление.

Принципиально не желая дальше обсуждать будущее их дочери, начал собираться. Уже поздно. А мне надо еще доставить домой Ольгу и позаботиться о своем ночлеге. Петр Иванович (вот пропало человека!) не отпустил.

— Ужинать будем, — сказал заискивающе. — Отвезем Оленьку на машине. А переночуете у нас...

Против такого предложения глупо было бы возражать. Попросил разрешения позвонить и набрал номер квартиры Катиней тетушки. Трубку взяла Катя. У меня от ее звонкого щебетанья улучшилось настроение.

Катя говорила много, долго и ни о чем. Лишь в конце сообщила: уже звонил отец, завтра прилетает, заберет Катю к себе.

— Здорово, представляете! Специальность есть — работать буду! С тетей Светой по киношкам ходить! На Волгу! — делилась вчерашняя колонистка новыми планами. Лишь когда вспомнила о матери, голос в трубке потускнел. — Может, я и не права, покидая ее?.. Но ведь и моя тетя, ее сестра, сказала: езжай к отцу...

В трубке тяжелое Катино дыхание.

— Почему вы молчите? — спросила.

Я знал, что девушка хочет от меня услышать.

— Середины в твоём выборе нет, — сказал ей, — или... или...

— Значит, я решила, к отцу.

Петр Иванович на собственных «жигулях» отвез Ольгу домой, мы вернулись и долго еще говорили о разном.

Успокоившись по поводу завтрашнего дня Корниенко, Водолажской и Лагутниковой, никуда не смог уйти от мыслей о Кошкарновой. Вслух прочитал Лагутниковым ее письмо. И они взволнованно переживали Анины невзгоды вместе со мной. Совершенно неожиданно Петр Иванович заявил:

— Вам надо туда лететь.

— Лететь! Именно лететь! — поддержала Ирина Антоновна.

Это было невозможно. Я не укладывался в срок командировки. Да и денег с собой не имел на такие путешествия. Петр Иванович достал из шкафа несколько десятков. Едва не силой заставил меня взять деньги.

— Не вздумайте возвращать, — предупредил, — не обидьте...

Я пообещал. В семье Лагутниковых это, видимо, были первые деньги, которые истрачены не на вещи — вложены в нечто большее...

Рано утром, так и не познакомившись с Катиным отцом-полковником, я вылетел в Сумы.

КТО СКАЧЕТ ВПЕРЕДИ?

Переломное время... Прежде всего оно «переламывает» привычные и вчера еще казавшиеся незыблемыми представления о правде-истине, об идеях и идолах, о должном и сущем. В горячке бурных событий возводятся новые кумиры, наспех слепленные из обломков «разбитого вдребезги».

В какой-то момент у нас возникает потребность в непредвзятом, широком, исторически объемном взгляде на происходящие вокруг нас и с нами перемены. Приглашением к размышлению могут послужить заметки известного нашему читателю публициста, представляющие собой журнальный вариант глав новой книги Тамары Афанасьевой «Душа и дело», готовящейся к выходу в издательстве «Молодая гвардия».

Проблема отношений лидеров и их последователей меня мучит давно. На всех уровнях человеческих отношений: лидера страны, лидера семьи, лидера коллектива. Законы-то действуют одни и те же.

Недавно довелось мне прочитать анафему власти вообще, провозглашенную известным художником Б. Жутовским: «...И что страсть к размножению — любовь — по сравнению со страстью к власти... Да, друг мой, безумная радость унизать и уничтожать выше и лучше тебя рожденных. Какая-то тайная биология стоит в тишине и тихо улыбается: печальный и уставший Волад, в чьем мире власть — это высшая ценность, и те, кто ею наделен, — поводеры, а те, кто лишен ее, — овцы».

Вот так, максималистски, пишет человек зрелых лет. И не замечает, насколько сужает сложнейшую проблему личных и общественных связей, соподчинений у поводерей и овец, которую человечество решает всю свою историю.

Б. Жутовский вспомнил М. Булгакова. Мне же на ум пришел В. Шекспир. Четверть века назад сподобилась я видеть постановку «Короля Лира» в шекспировском королевском театре и общаться с великим режиссером Питером Бруком, который сумел очистить эту заигранную до дыр трагедию от предрассудков шекспироведов всех стран и народов. Для меня спектакль с Полом Скоффилдом в заглавной роли шел под комментарий Брука (я брала у него интервью) и потому был откровением вдвойне.

Представьте себе: на сцене — деревянный помост и грубо сколоченный деревянный трон, скамьи — для придворных. Все одеты в платья и плащи из небрежно сшитых кожаных пластин. («А кто сказал, что при дворе мифического Лира была помпезность и роскошь елизаветинских времен?» — вопрошал и одновременно утверждал Питер Брук.) А Лир-то, Лир — какой непривычный! Ничем не напоминает классического среброголового мудреца, величественного старца. Скорее, напротив: сварливый, нелепый в прихотях старикашка. Властолюбивый, не терпящий возражений. Скрипучий, монотонный голос, ворчливые интонации, переходящие в резкий вскрик, много говорят о том, как правил этот владыка. «Власть — она требует повиновения», — скажет он потом, в изгнании, и тем обозначит главный свой конфликт с дочерями.

Подчинение и покорность — единствен-

ное, чего требовал король от своих подданных и от своих детей, которых не отличал от прислуги. Поэтому-то Гонерилья и Регана с такой готовностью декламируют слова любви и преданности отцу-королю, ведь это всего лишь выполнение придворного ритуала. Нежелание Корделии участвовать в этом спектакле, ее заверение, что любит она, как подобает дочери, родителя, принимаются за оскорбление королевского достоинства: какой он отец? Он — владыка!

Но вот власть вместе с имуществом перешла в руки дочерей. И уже от Лира требуют подчинения и смиренности. Теперь его черед вкусить норов и гнев властителей. Его самого не остановило чувство отцовской любви к Корделии и дружбы к верному Кенту, когда он их изгонял за «непочтительность». Потому и его дочери не ведают иных человеческих связей, кроме самовласти одних и покорности других. Гонерилья и Регана, по Бруку, — не выродки и немислимые фурии. Они — точные копии своего отца-самодура. Открытие этой преемственности и составляет истинную трагедию Лира. Самая большая его беда — не скитание без крова и помощи, не буря, едва не убившая старца. Самая большая беда — сознание, что вся жизнь ушла на служение фетишу — королевскому венцу, символу безграничной власти над другими. А настоящее счастье — вот оно, даровое: любовь, дочери, верная дружба...

Вроде бы и прав наш современник Б. Жутковский, говоря, что люди готовы заплатить всем благополучием за эту отраву — власть над себе подобными. Но тут не принимается во внимание, что любовь и дружба — есть тоже власть и, может быть, более могучая и необоримая, нежели социальная. Оттого и разделяем мы носителей власти на лидеров формальных (официальных) и неформальных (избранных каждым по воле и охоте, по любви и интересу). И все мы для кого-то поводырь, а перед кем-то овцы. И в течение одного дня можем менять свое состояние ведущих и ведомых.

В своей родной семье я до недавнего времени была невесткой, значит, в определенной степени вдовой свекровью, но уже и сама свекровь, мать и бабушка. Мне в тягость подчиняться и слушаться, но очень хочется, чтобы младшие члены семьи уважали мое мнение, хотя бы прислушивались к нему. Однако для меня «высший авторитет» — самый маленький человечек, внук Никита, кому противостоять особенно нет и сил, и воли. И он это очень чутко улавливает, начинает потихоньку меня заснушивать. Какая тут «биология»? Бог ее знает. Но механизм этот вечный: кто больше любит, тот — ведомый, «предмет любви» — властелин.

Власть любимых, родных и друзей определяет не только наше бытовое поведение, но и выбор профессий, политические интересы, культурные пристрастия, эстетические вкусы. Мы порой ею тяготимся, даже бунтуем, но все же без нее нам жизнь не в жизнь.

Выйдя из дома, мы попадаем под власть множества официальных лиц: служащих различных учреждений, куда мы вынуждены обращаться, милиционеров, регулирующих уличный порядок, продавцов, при-

емщиков ателье, врачей, которым мы доверяем свою жизнь уже не в переносном — в прямом смысле слова. Но известно, что все они тоже постоянно меняют роли. Сейчас попробуй скажи: кто кем управляет? Председатель исполкома или рядовой хирург? В одном случае — один, в другом — другой. И все те, кто так или иначе управляют нами, могут потерять имя, достоинство, а то и свободу, если против них сплоченно выступят претерпевшие от их всеволия подчиненные.

А власть деятелей искусства над нашими умами и душами? Они иной раз и ведают не ведают о масштабе своего воздействия. Вспомним признание героя «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого о том, как забирал в абсолютное рабство весь его организм искусный музыкант, как навязывал ему свои настроения, которые не имели под собой реальной причины. Как он, здоровый, счастливый, тосковал, отзываясь на тоскующие звуки скрипки. А что происходит с юнцами на концертах их кумиров, рок-королей. Это ли не апогей власти?!

Есть еще власть науки и предрассудков, власть моды и власти традиции. И все эти пути могут быть полезны человеку и обществу и смертельно им вредны.

Потому и возражаю Б. Жутовскому: власть — это не что-то внешнее по отношению к нам. Нами управляют те и тогда, кому и когда мы не хотим или не можем противиться.

Мой сын заразился интересом к типологии человека. Начитавшись философов прошлого и психологов современности, он вывел свою схему-систему отношения людей к власти. Приблизительно это выглядит так.

Первый тип. Вождь, царь, лидер — как ни назови, но это человек, чья основная ведущая сила — личностно-волевая, то есть утверждение приоритета собственного «я» во что бы то ни стало. Такому все равно, где, чем и кем управлять, но он должен быть в любой ситуации впереди, на боевом коне. Самая яркая фигура, конечно, Наполеон. Подражателям его несть числа. «Мы все глядим в Наполеоны — двуногих тварей миллионы» (О, добрый Пушкин, о, беспощадный Пушкин!). «Переменивость» Наполеона стала притчей во языцех: дескать, был офицером королевской армии, потом — командующим революционными силами, членом директории, затем — единоличным правителем республики, а там — императором. Вроде бы человек предавал свои принципы и своих властителей, соратников и подчиненных. На самом деле он — предельно последовательный и верный служака одной-единственной цели и страсти: всеохватному желанию быть предводителем людей, чем больше числа, тем лучше. А какое там знамя развевается над головами толп, устремившихся ему во след, — республиканское или монархическое, — не суть важно. Точнее: пока он еще только борется за власть и нуждается в соратниках, конечно, он — за республиканское правление. Но, взгромоздившись на вершину пирамиды, он не потерпит никого рядом с собой. Его представление о мире сводится к простейшей конструкции: я и все остальные за мной.

Человек с подобной ориентацией непременно будет стремиться устроить свое лич-

ное царство. Может, совсем маленькое и незаметное, например какое-нибудь НИИ-заготскот. Для таких понятия власть и диктатура — синонимы. Потому они ненавидят чужую волю, как бы ни была она справедлива и разумна. И бунтуют против нее. Потому они преодолевают невыносимые для других тяготы борьбы против режима чужой диктатуры. Потому неостановимы в достижении собственной и единоличной власти.

К такому заключению меня подвел, как ни странно, Борис Пастернак, в своей удивительной поэме «Спекторский» так аттестовавший двух мальчиков:

*«Он наблюдал их, трогаясь изгрой
двух крайностей, но из того же теста.
Во младшем крылся будущий герой,
А старший был мятежник, то есть деспот».*

Мятежник и деспот — в одном лице! История нашей революции просто перенаселена такими типажками. Может, революции и происходят тогда, когда в определенной стране накапливается избыток людей первого типа? Или, наоборот, смутное время открывает для них возможность самовыражения? Кто скажет, какая тут закономерность и последовательность?

Кстати, о его антипode, кого Пастернак поименовал «будущим героем». Он, пожалуй, сопрягается со вторым типом в доморощенной типологии моего сына. Это — прирожденный демократ и одновременно аристократ духа. Он не выносит насилия над собой, как и первый. У него сильно развито чувство собственного достоинства. Но у него нет жажды управлять другими, даже если очевидно его превосходство над окружением, и оно готово отдать ему бразды руководства. Нередко он становится лидером какого-то сообщества единомышленников, соратников, властителем дум. Но, как правило, его власть не обладает очевидной и абсолютной силой.

Его живо берут в кольцо люди иного типа и либо спихивают с пьедестала, упрыгивают куда подальше: в ссылку, в психушку, либо держат в качестве мудрого визиря, прорицателя, юрoдического. Примеров — тьма: Чаадаев, Циолковский, Федоров, Чехов — первые, кто приходит на ум из нашей истории.

Прирожденному демократу свойственно «дворянское чувство равенства со всем живущим» (снова Б. Пастернак — «Доктор Живаго»). Это — человек, у которого отсутствуют чувство и сознание иерархии. Этакая кошка, которая гуляет сама по себе.

Вот как евангелист Лука описывает искушение Иисуса Христа дьяволом:

«И возведя Его на высокую гору, дьявол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему дьявол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое».

Иисус сказал ему в ответ: отойди от меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (с. 1087).

Христос сострадал блуднице, мыл ноги ученикам, вместо того чтобы карать слабых и грешных людишек. А потом отдал себя на поругание и распятие, но так и не прибежал к своей божественной возможности — утвердить свою власть над теми, кого был призван спасти. Отвергнувший

царскую власть, он обрел ее над умами и душами миллионов землян, дал животворный огонь для нравственного чувства в искусстве и человеческих отношениях на тысячи лет. И потому он — явление мирового духа даже для искренних атеистов.

Но какая печальная закономерность при этом обнаруживается. Власть социальная редко осуществляется теми, кто ее более всего достоин. И прежде всего потому, что они сами ее избегают, уклоняются от золотого венца, порой предпочитая венец терновый. Но эти же демократы-аристократы первыми сетуют на то, что политика и мораль никак не стыкуются, что политика сплошь и рядом делается людьми властолюбивыми и своекорыстными.

А между тем сетования эти тщетны: роли обозначены характерами, природой. Один правит, другой его критикует, ему противостоит. Общество без Вторых протухает, как заболоченный пруд. Они и есть соль земли, совесть граждан. В авторитарной, деспотической системе, в коей мы пребывали до сих пор, они, занимаясь наукой, искусством, хозяйством, нередко обретали успех, официальное признание. Но еще чаще их обкрадывали ловкачи, многочисленные руководящие «соавторы». Кому из них вовсе неведомо была атмосфера унижения и разбоя, уходили в сторожа, в дворники, в лесники, в геологи, в бичи. Самые непримиримые оказывались в изоляции за границей. В общем, картина достаточно знакомая нашему поколению.

На таких всегда смотрели с надеждой, требуя жертвенного противостояния. Вот как писал про них А. Чехов, застенчивый и негнбасмый противник всякого насилия: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, интеллигенты они или мужики, в них сила, хотя их мало. Они играют незаметную роль в обществе, они не доминируют (подчеркнуто мной. — Т. А.), но работа их видна. Что бы там ни было... нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер — и все это делается, несмотря ни на что».

Ставить нравственные вопросы, «не смотря ни на что», мучительно стремиться к чести и истине — таков вечный крест людей этих, аристократов духа.

Вроде бы обновляющееся наше общество должно их наконец востребовать. Но и теперь никто им ковровой дорожки под ноги не постелет. Напротив, именно они нынче столкнутся с яростным сопротивлением великой рати, заполнившей все этажи и коридоры власти, а рать эта состоит в основном из представителей следующего, третьего типа.

Итак, третий тип — трусливый деспот и лукавый раб в одном лице. Он готов самозабвенно служить Первому, пока чует его сильную руку. Ослабленного льва безжалостно линяет или обирает. Он умеет раствориться в свите Лидера, довольствоваться скромным содержанием, объявляет себя истым демократом, не смущаясь, напичкивает речь цитатами и ссылками на Учителя. Но при этом будет день и ночь лелеять высшую цель, которая у него, как и у Первого, — полная власть.

Пожалуй, это самый распространенный тип диктаторов разного уровня и масштаба

в многочисленных тоталитарных государствах. Приглядишься к разным фюрерам-вождям — несхожие биографии, нации, вроде бы разная историческая основа, а поразительное сходство: выскочка на троне, парализующий все вокруг нетерпимостью и страхом. Мне думается, что страх, исходящий от них, и объясняется их сознанием незаконности своего возвышения. Это страх разоблачения того, что они из грязи — да в князи. Оттого — террор как универсальное средство утверждения собственной значимости и неприкосновенности. Оттого — приверженность к атрибутам власти: громким званиям, орденам, памятникам, пышным празднествам и ритуалам.

Трусливого тирана-выскочку сложно отличить от прирожденного Лидера. Но есть надежные, хоть и немудрящие тесты. Роль короля, как известно, в значительной степени играет его свита. Так какая же свита лучше всего годится человеку, выскочившему наверх из свиты? Если Первый охотно окружает себя демократами-соратниками, доверяя им ответственные задания и целые отрасли, то Третий ни за что не потерпит рядом с собой независимую, критически мыслящую и самостоятельно действующую личность.

Он ставит под свой неусыпный контроль все и вся. Оттого в конце концов рядом с ним остаются преимущественно те, кого не тяготит постоянный контроль и указующий перст, — ретивые исполнители. На их однообразном фоне Третий выглядит выдающейся фигурой. На любом ином он чувствует себя неудобно. Вот эта отличительная особенность и есть тест для Лидера: его отношение к другой, яркой и талантливой, критичной личности. Не выносит ее — выскочка, халиф на час. Пусть этот «час» и длится долгие годы, завоеванные интригами и террором. Разоблачение грянет на суде истории.

Представляю, что эти размышления могут показаться далекими от нашей ежедневной суеты. Увы! Я тоже так считала. А теперь, оглядываясь на собственный опыт конфронтации с начальством, корю себя: порой сражалась с Первыми, когда можно и нужно было с ними сотрудничать. Но где там — ломила без оглядки. И расчищала дорогу к руководящим креслам лукавым лакеям. Третьим, с которыми ни сотрудничать, ни воевать по-честному невозможно.

По привычке искала определение этого типа людей одним словом. Лучше не нашла — название популярного романа С. Есина «Имитатор». Имитатор вообще, всего чего угодно: демократии, нравственности, принципиальности, даже — воли, ума, своей суперзначительности.

Четвертый тип — пожалуй, самый распространенный — исполнители. Не обязательно все они роятся где-то в низу общественной пирамиды. Без их поддержки и сотрудничества не обходится ни правитель, ни демократ-аристократ. Чем больше союзников-исполнителей завербует на свою сторону Лидер, тем верней и надежней его успех.

Порой исполнители занимают высокие державные посты, вроде нашего бывшего премьера В. Молотова, которого все аттестуют как беспрекословного и точного порученца. Может, потому никто из близко

знавших этого главу великого государства ничего определенного не мог сказать про его «руководящую и направляющую деятельность».

Надо признать, что во все времена деятелей такого рода отмечали и привечали, независимо от уровня и характера их способностей. Среди них выделяются «преданные без лести» работники, имеющие множество достоинств: они более доверчивы, открыты, порядочны, без комплексов ущербности. Литературное воплощение — Савельич из «Капитанской дочки» Пушкина... Своей грубоватой прямоотой они иногда производят впечатление человека независимого в суждениях и поступках, почти демократа-аристократа, только не воспарившего в высотах духа и мысли. Вся беда их — или вина? — заключается в том же, в чем и достоинство: в верноподданности, в безоглядной нескритичности по отношению к ведущей идее и к Лидеру.

Нам трудно понять, отчего это многие люди, узнавшие о гибельных последствиях правления И. Сталина, «отца народов», никак не могут отрешиться от поклонения этому кровавому тирану. Механически твердят про славу, про порядок, про достижения, хотя уже доказано с цифрами и фактами в руках — все это мираж и сказки, им и его приближенными созданные.

Исполнителю, имеющему какое-то устойчивое мировосприятие, трудно, почти невозможно поменять свои представления и привычки. Когда у него отнимают «руководящую и направляющую силу», он делается несчастным и напуганным, словно дитя в дремучем лесу. А с перепугу порой кидается во все тяжкие за любым горлодером, кто бы ни позвал в привычном направлении. Лишь бы самому не решать вопросы ближней и дальней перспективы и ничего не менять во взглядах и обычаях.

Итак, четыре основных типа отношений между ведущими и ведомыми. Мятеежник-тиран, демократ-аристократ, тиран-лакей, вершитель-исполнитель. Мы несем в себе способность к любому способу социального поведения. И чередуемся в ролях даже в течение дня, не только жизни. Однако есть у каждого из нас отличительная, предпочтительная черта. Что для нас более свойственно, органично: командовать или подчиняться и какое общение нас меньше корбит — то и будет признаком принадлежности к тому или иному типу.

Когда сегодня говорят о детстве, то, как правило, иронизируют по поводу лозунгов «Дети — привилегированный класс!», «Все лучшее детям!» Красивые эти слова поблекли от времени на газетных страницах, выцвели на некогда ярких транспарантах. А дети оказались «задвинутыми» в дальний угол: ни игрушек вдоволь, ни детских садов по потребности, ни лекарств в достатке. Теперь мы уже не надеваем розовых очков, когда обращаем свой взор на жизнь детей. Наше негодование по поводу положения подрастающего поколения — спасибо гласности! — выплескивается смело. Мы клеймим ведомства, функционеров, аппаратчиков — всю командно-административную систему, которая довела детей до жизни такой. И все же обвинять все и вся — это неизмеримо проще, чем перейти от слов к делу, впрячься в телегу с накопившимся грузом нерешенных проблем и попытаться улучшить жизнь хотя бы многодетных семей. В прошлом году по инициативе народных депутатов СССР и ряда других заинтересованных лиц был создан благотворительный фонд «Многодетная семья». Его председатель **Фаниль Саттарович Тимербаев** стал нашим собеседником.

— Уже действует Советский детский фонд имени В. И. Ленина, чья забота — дети, общество «Милосердие», — название говорит само за себя. И вдруг фонд «Многодетная семья». Что это — альтернатива, параллель, конкуренция?

— Мы сами по себе. С одной единственной программой — помощь многодетной семье. В стране сотни тысяч многодетных семей впадают в жалкое существование. И нередко они оказываются вне поля зрения существующих благотворительных организаций. Представьте, в 24-часовом телевизионном марафоне, который проводил Детский фонд, среди представленных программ, безусловно, очень нужных и важных, не было ни одной, обращенной к проблемам многодетной семьи.

Кстати, изначально идея проведения телемарафона принадлежала именно фонду «Многодетная семья». Но тогда у нас еще не было статуса официальной организации, хотя и был открыт расчетный счет. По этой причине Центральное телевидение отказало нам в проведении акции. Однако саму идею, как видите, не заморозили. Во время телемарафона вместе со всеми мы радовались, что многие ребята получают помощь. И в то же время еще раз убедились в необходимости активно защищать интересы многодетных семей, до которых у Детского фонда не всегда доходят руки.

— В редакцию «Семьи и школы» нередко обращаются многодетные семьи, испытывающие материальные трудности. Вот что поведала многодетная мать, маляр Вера Павловна Сергачева из города Иваново: «Работаю в тресте «Ивгорстрой», получаю 200 рублей. Муж — дворник — зарабатывает 120 рублей. У нас семеро детей: Лариса — семнадцати лет (закан-

ПОМОЩЬ, ПОДДЕРЖКА, ПОНИМАНИЕ

чивает школу). Юра — пятнадцати лет (учится в СПТУ), Люба — тринадцати лет, Надя — двенадцати, Света — одиннадцати. Саша — десяти лет — школьники. Самый старший сын недавно женился. Пищу и плачу. У детей нет зимней одежды. Живем впроголодь. У нас в Иваново есть Детский фонд. Мне посоветовали туда обратиться. Оказалось, он выделяет средства семьям, которые взяли детей на воспитание. А мне что делать? Сдать детей в детский дом? Помогите мне, пожалуйста, или посоветуйте, куда еще можно обратиться. Жалко ребят». Теперь можно адресовать такие семьи в фонд «Многодетная семья»?

— Да, это — наши подопечные. Про ситуацию, сложившуюся в семье Сергачевых, можно сказать так: «Нищие дети при живых родителях». Семейные детские дома — хорошее, нужное дело. Но получается какой-то парадокс. Пособие, которое выдается семье на содержание чужих детей, намного превышает по размеру те жалкие подачки, которые выплачивает государство многодетной матери на родных детей. В обычных многодетных семьях часто одна куртка на семерых ребятишек, и они не могут выйти на улицу просто погулять. Рацион питания не радует разнообразием. Жизнь многодетных, действительно, тяжела.

— Сейчас экономика страны трещит по швам; не хватает товаров, продуктов, жилья, денег. Когда многодетные обращаются со своими нуждами в исполком или профком, им говорят: «Народжили, а теперь хотите жить за счет государства?» Что намерен противопоставить фонд такой позиции?

— Считается, что многодетные семьи получают существенную материальную поддержку от государства. На самом деле пособие эти мизерные. Судите сами: ежемесячное пособие на четвертого ребенка — 4 рубля, на пятого — 6 рублей, на шестого — 7 рублей, на седьмого и восьмого — 10 рублей, на одиннадцатого и последующих — 15 рублей. Выплачивают пособие только в течение пяти лет. Конечно, такие «льготы» не могут существенно изменить положение многодетной семьи. Многие живут за чертой бедности. Исследования, проведенные в Москве, показали, что в столице средний доход на человека в семье с пятью и более детьми — 51,4 рубля, с десятью едва равен 28 рублям, включая все пособия. Какое уж тут обогащение за счет государства? «Забора» государства о многодетных ограничивается крохами. А просьбы о помощи натапливаются на равнодушие и непонимание должностных лиц. Советский благотворительный фонд «Многодетная семья» берется разрушить стену отчуждения общества от многодетных родителей.

— Какие формы помощи многодетным семьям предусматривает фонд?

— Самые разные. Прежде всего — материальная поддержка. Мы обращаемся к предприятиям и отдельным гражданам, к самой широкой общественности с призывом проявить милосердие к многодетным семьям! Ваша помощь, ваши пожертвования могут быть самыми разными. Даже если кто-то внесет на счет фонда один рубль или передаст игрушку, книгу, одежду (с помощью нашей картотеки вещи дойдут по назначению), то уже этим он проявит благородство и окажет конкретную помощь многодетной семье.

Расчетные счета благотворительного фонда «Многодетная семья» для денежных вкладов: № 700441 ОПЕРУ Жилсоцбанка СССР МФО 29909 г. Москва и № 70000020 Внешэкономбанка СССР.

Фото С. Парсаданяна. Семейный клуб в Ярославле

Средства пойдут на помощь семьям, открытие бесплатных столовых, создание оздоровительно-лечебного комплекса. Мы намерены своими силами реконструировать несколько жилых домов, чтобы сделать их квартиры удобными для проживания больших семей. Московское отделение Фонда готово приступить к реализации этих идей уже сейчас.

— А этому что-то мешает?

— Проблема, как обычно, упирается в отсутствие свободных зданий и помещений. К примеру, для организации столовой в Моссовете нам назвали четыре адреса. Но, во-первых, это очень отдаленные точки. Представьте, каково добираться с пятью ребятишками до столовой с противоположного конца города. Мы хотим, чтобы столовая, как, впрочем, и другие заведения для многодетных, были расположены в центре. А, во-вторых, даже те помещения, что нам предлагали, оказывались по каким-либо причинам занятыми. Но мы не собираемся отступать и хотим обратиться местные власти «в свою веру».

Надеемся также, что в ближайшее время удовлетворят просьбу о передаче нашему фонду ряда домов отдыха и санаториев, принадлежащих Управлению делами ЦК КПСС, бывшему Четвертому главному управлению Минздрава СССР. Тогда многодетные семьи получат реальную возможность вывезти всех своих детей, подчеркиваю, всех, на отдых. Сейчас, если повезет и выделит путевку в пансионат «Мать и дитя», то разрешается взять с собой только одного ребенка. Мать должна ломать голову, на кого оставить остальных. И огорчаться по поводу того, что другие дети остаются в городе.

— Судя по письмам, многие многодетные семьи, вовсе не стремясь жить за чей-то счет (чем их нередко попрекают), хотят самостоятельно, собственными усилиями решать свои проблемы. Но детские школьники не принимают на работу, а взрослые не всегда могут устроиться надомниками. Будет ли фонд что-либо предпринимать в этом направлении?

— Главная наша цель — вытащить многодетных из бедности. Но создан наш фонд не только для того, чтобы давать и дарить. Мы будем помогать семьям обеспечивать самих себя: открывать производства, где смогут работать родители и дети из многодетных семей, участвовать в организации мастерских надомного труда (уже заключили соглашение с Министерством нефтяной промышленности на пошив ватников для рабочих отрасли).

Есть у нас мечта. Построить на средства фонда поселки для многодетных городских семей. Семьям, имеющим десять детей, выделить там бесплатно домики с участками земли, остальным — с частичной оплатой. А что такое для многодетных — дача? Это и отдых всей семьей летом за городом, и собственные овощи и фрукты, которые не надо покупать в магазине.

Предполагаем открыть также специальные магазины. Только многодетные семьи будут в них уже не только покупателями, а и продавцами. Станут продавать продукцию, изготовленную своими руками, сувениры, одежду и так далее. Вырученные деньги поступят в бюджет семьи.

— Как будет осуществляться связь фонда с многодетными семьями?

— Мы создаем отделения в союзных и автономных республиках, краях, областях и крупных городах, чтобы ни одна многодетная семья не выпала из поля зрения. Уже действуют отделения фонда в Москве, Грузии, Белоруссии, Крыму, Эстонии и в ряде других мест. Я обращаюсь ко всем заинтересованным лицам: чем быстрее будут созданы отделения фонда на местах, чем быстрее они начнут взаимодействовать с нами (наш адрес: 125047, Москва, ул. Горького, 36: А), тем вероятнее станет реальная помощь многодетным семьям.

Мы хотим, чтобы дети не знали горя и невзгод, а потому спешим навстречу каждой семье, попавшей в беду. Нина Яковлевна Доманова из Усть-Каменогорска одна воспитывает семерых детей. С ними она приехала в Москву, так как двум больным ребятишкам требуется серьезное лечение. И осталась здесь практически без средств к существованию. Узнав о ее затруднениях, фонд пришел многодетной матери на помощь, выделил комнату для временного проживания, поддержал материально, добился, чтобы здоровым детям разрешили посещать школу в Москве.

— Хочу процитировать строчки из письма родителей Мерзляковых, проживающих в г. Железнодорожном Московской области: «Большинство из нас (многодетных) по году и больше сидят без света — нечем расплатиться. Когда стоит вопрос, накормить своего голодного ребенка или заплатить за квартиру, все выберут первое». Что вы можете сказать по поводу таких «злостных неплательщиков?»

— Очевидно, необходимы юридические меры, которые облегчили бы жизнь и быт многодетной семьи. Инициативная группа правления нашего фонда подготовила пакет предложений и передала его в Комитет Верховного Совета СССР по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства. Могу назвать такие наши предложения: снизить плату за жилье семье с тремя — пятью детьми на 50 процентов, а если детей более пяти — вообще освободить от платы. Освободить многодетные семьи, где более пяти детей, от уплаты за патент на индивидуальную трудовую деятельность и от прогрессивного налога, установленного для кооператоров. Не взимать плату с детей из многодетных и малообеспеченных семей за занятия в различных секциях и кружках. Чтобы многодетные семьи «стали на ноги», перестали быть просителями, все это должно претворяться в жизнь. Но, увы, пока воз и ныне там...

— В нашу редакцию обратилась за помощью мать десяти детей Валентина Юрьевна Сmealова. Она пишет: «Мы живем в рабочем поселке Городище Волгоградской области. За продуктами питания и товарами первой необходимости приходится наезжать по несколько раз в неделю в Волгоград. Автобусы ходят редко, да и толкаться с большим, неподъемным грузом и с детьми нелегко. Ответственные работники на месте тянут волокиту. Выделить нашей семье транспорт вроде бы не отказываются, но и дело не делают. Прошу оказать помощь в приобретении автомоби-

ля или микроавтобуса «РАФ». Вот такое письмо... Понятно, для многодетных семей транспорт — не роскошь, а, можно сказать, предмет первой необходимости. Только где же семье взять 30 тысяч? На худой конец многие не отказались бы от мотоцикла, но опять все упирается в средства да в наш советский дефицит. Я знаю, что фонд откликнулся и на эти трудности многодетных семей. На средства фонда закуплены и переданы нескольким многодетным семьям автобусы «РАФ». Фотографии счастливых опубликовали газеты. Какого принципа придерживается фонд при выделении транспортных средств?

— Заявок у нас много. В первую очередь стараемся удовлетворить семьи, имеющие от двенадцати до девятнадцати детей. Что касается других семей, то предложение такое: дать возможность семье, где более пяти детей, купить машину в рассрочку. Причем первый взнос установить минимальный, а оставшуюся сумму разрешить выплачивать в течение 10—12 лет. Или давать машину напрокат в любое время, когда она семье необходима.

— Что повлияло на ваше решение создать и возглавить фонд «Многодетная семья»?

— Пришлось мне однажды побывать в Таджикистане в многодетной семье. Я увидел страшную картину. Пятнадцать детей спят на глиняном полу. Если кто-то из детей заболевает, то к врачу надо добираться пятнадцать километров по бездорожью. В домах с соломенными крышами таятся по три семьи — 18 человек на 30 метрах. Продукты, которые пусть с трудом, но может купить житель крупного города, здесь дети не видят годами.

Я решил: мой долг помочь этим несчастным семьям. Тем более что я могу не просто посочувствовать, а по-настоящему вникнуть в заботы и нужды многодетных, ведь сам являюсь многодетным отцом. Я знаю, многодетные нуждаются не только в финансовой поддержке, им часто не хватает человеческого тепла и понимания. Разве не обидно, когда на распродаже детских вещей, устроенной в прошлом году одной молодежной газетой, многодетным матерям предлагали какое-то тряпье, годное разве что для сдачи во «Вторсырье». А когда мы собрались на свой слет многодетных, артисты, приглашенные для участия в концертной программе, потребовали за свои выступления огромные — по нашим меркам! — деньги — 40 тысяч рублей. После того концерта у многих мам — некоторые из них первый раз приехали в Москву — остался горький осадок на душе.

И все-таки мы теперь не такие беззащитные, как раньше. У нас есть свой фонд. Надеемся, что люди нас услышат и проявят милосердие к тем, кто обездолен. Ведь все мы — одна большая многодетная семья нашей родной земли-матери.

Беседу вела Ирина БАРКОВА

Фото В. Щеголкина

У нас с мужем нет детей и, как стало нам недавно известно, никогда не будет. Мы решили взять приемного ребенка. Но и знакомые, и в самом доме ребенка нас напугали разными наследственными заболеваниями, которые могут проявиться потом. Например, об одном очень славном мальчике воспитатель сказала, что у него мать алкоголичка, за что была лишена родительских прав. Но так ли это страшно, учитывая, что ребенок будет расти в непыющей семье?

Нас напугали разными случаями, когда приемные родители со слезами и отчаянием вынуждены отказываться от подросших в их семье детей. Это действительно ужасно и для детей, и для взрослых! Хотелось бы получить взвешенный, разумный совет.

Н. КОЗЛОВА
г. Челябинск

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ АЛКОГОЛИЗМ НАСЛЕДСТВЕННЫМ?

В. МОСКАЛЕНКО,
руководитель Отделения генетики алкоголизма
Всесоюзного научного центра наркологии
Министерства здравоохранения СССР,
доктор медицинских наук

«Это алкоголизм, при чем тут наследственность?» — именно так говорят люди, пламенно верящие в одни только социальные причины алкоголизма. Вера способна отвергнуть всякие аргументы, включая строго научные. Казалось бы, ну и пусть верит каждый во что хочет... Все так, если бы только в результате генетической безграмотности не было риска сввергнуться в пучину жесточайшей житейской драмы. Некоторые люди совершенно не задумываются о том, что наследственность — это нечто важное. В результате многие приемные родители переживают настоящие трагедии с детьми, в которых по мере взросления проявляется спрятанная до поры до времени тяжелая наследственность.

Вспомнился случай из моих недавних встреч в США. Пожилой, очень уважаемый, серьезный политик доверительно рассказал специалисту-генетику в моем присутствии личную трагедию. Политик — отец одного родного ребенка и пятерых приемных детей. Все уже взрослые. Он говорил о том, как намучился с одним приемным сыном и одной приемной дочерью из-за их психических отклонений, которые вначале выглядели просто как непотребное поведение. Сын попал в тюрьму, дочь поиробовала наркотики, позже дошло до лечения в психиатрической больнице. На деликатный вопрос, не огорчает ли родная дочь, ответ был: «Нет, с ней все в порядке». Генетик спросил, что побудило его собеседника усыновить-удочерить пятерых детей. Политик ответил: «Это было 20 лет назад, когда мы все свято верили, что можем лепить воспитанием любые характеры, что вырастить приемных детей очень благородное дело: что по своему материальному положению и избытку сил мы с женой могли себе это позволить...»

Вся Америка 20 лет назад верила, что голубые глаза наследуются, а отклонения в поведении — нет. Отец шестерых детей ни о чем не просил, он все теперь и сам понимал, но он нуждался в исповеди, в понимании. Нет, от детей не отказался, он с ответственностью за их судьбу продолжает о них заботиться.

Невозможно распознать в момент усыновления все имеющиеся и будущие болезни. Но нельзя и быть абсолютно генетически безграмотным и не понимать, что приемные родители всегда рискуют столкнуться в дальнейшем с трудностями, к которым они не готовы. Лучше все знать и сделать ответственный выбор, чем подпитывать свой оптимизм невежеством.

Немало есть таких болезней, которые проявляются только по миновании детского возраста, во всяком случае в доме ребенка их не распознаешь. Это — алкоголизм, психопатия и другие. За последние 20 лет наука уточнила роль наследственных факторов в их происхождении. Скажу об алкоголизме, который я изучаю профессионально.

Во всем мире теперь общепризнанно, что алкоголизм — это биопсихосоциальное заболевание, то есть оно обусловлено комплексом биологических (наследственных), психологических и социальных факторов. И нельзя игнорировать ни одну из этих трех групп. Доказательством неотвратимости наследственности в этом случае служат факты, полученные тремя методами.

Во-первых, семейные исследования убедительнейшим образом свидетельствуют (могу привести не менее 140 научных публикаций), что алкоголизм «накапливается» в некоторых семьях, то есть встречается в ряде поколений одного и того же обширного рода.

Во-вторых, близнецовые данные показывают, что у генетически одинаковых, однояйцевых близнецов совпадение по тяжелому алкоголизму достигает 70 процентов. У генетически сходящих только наполовину, то есть двояйцевых близнецов, совпадения по алкоголизму достигают только 33 процентов. В возникновении этой болезни наследственным факторам принадлежит важная роль.

В-третьих, самые бесспорные доказательства роли наследственности при алкоголизме получены благодаря изучению приемных детей. Изучено около двух тысяч взрослых людей, рожденных одними родителями, а воспитанных с очень раннего возраста другими. Было известно, кто из биологических родителей болен алкоголизмом. Взрослых сыновей и дочерей разделили на группы в зависимости от того, был ли болен алкоголизмом только отец, только мать, оба родителя или оба они были здоровы. Посмотрите на результаты в таблице.

Частота заболеваний алкоголизмом

Биологические родители		Приемные дети	
Отец	Мать	Сыновья (в процентах)	Дочери (в процентах)
Нет	Нет	14,7	2,8
Да	Нет	22,4	3,5
Нет	Да	26,0	10,3
Да	Да	33,3	9,1

Как видим, если у биологического родителя официально установлен диагноз алкоголизма, то частота этого заболевания у сыновей поднимается с 14,7 процента до 22,4. (Сравнительно высокий процент алкоголизма у сыновей, происходящих от родителей без диагноза алкоголизма, возможно, объясняется тем, что больные алкоголизмом родители официально не были зарегистрированы в качестве таковых.) Если же оба родителя болели алко-

голизмом, то уже треть их сыновей страдала этим же заболеванием. Для дочерей оказалось самым существенным, если мать болела алкоголизмом.

Еще раз подчеркну, эти дети не видели своих биологических родителей и об их заболевании, естественно, не знали. Они были оставлены родителями сразу после рождения, а взяты в приемные семьи, в основном живущие по законам трезвости, в возрасте до трех лет.

Итак, из таблицы видно, что именно с дурной наследственностью совпадает повышение частоты заболевания алкоголизмом у сыновей и частично — у дочерей. Ясно и то, что далеко не все дети, родившиеся от больных алкоголизмом родителей, заболевают; никакой фатальной неизбежности в этом нет, если не будет встречи с алко-голем, то не будет и алкоголизма.

У меня на столе лежит книга, присланная в подарок моим коллегой из США, крупным генетиком, изучающим алкоголизм, Дональдом Гудвином. Книга называется «Является ли алкоголизм наследственным?» Иногда автор серьезные факты комментирует с юмором. Он использует шутки, в которых есть очень большая доля правды. Приведу дословно одну из таких серьезных шуток: «Наследственность — это то, во что Вы верите, если Ваш ребенок учится в школе на одни пятерки. Основываясь на имеющихся научных доказательствах, смею утверждать, что наследственность — это еще и то, во что Вы должны поверить, если у кого-либо в Вашей семье имеются неприятности, связанные с алкоголизмом».

Итак, современное состояние генетических знаний таково, что риск алкоголизма можно просчитать заранее и дать совет, как его снизить. Правда, ученые могут знать только групповой риск, но не индивидуальный. Можно, допустим, установить, что данный Петя принадлежит к группе высокого риска, где вероятность заболевания достигает 50—60 процентов, но нельзя сказать, каков риск именно у Пети. Тем не менее знание степени даже группового риска может уберечь человека от вольного обращения со спиртным. Тот же Д. Гудвин считает, что «распространение в семьях больных алкоголизмом знаний о повышенном риске, которому подвергаются родственники больного, может оказаться наиболее мощным инструментом профилактики алкоголизма, которым мы сегодня располагаем».

Я убеждена, что знания всегда рентабельны. Поэтому я хочу сказать людям, в том числе и родителям, усыновившим чужого ребенка, что с наследственностью стоит считаться, тем более при алкоголизме. Наука накопила достаточно знаний для такого вывода.

Вадим КОЗЮЛИН

ПОЧЕМУ «ОНИ»

чтобы «избежать» кабалы заграничного капитала», начал гнать водку — пьянство расцвело пышным цветом. Брежнев увеличил выпуск спиртных напитков — пьянство поразило все слои общества. Сам собой напрашивается вывод: для полной победы трезвости надо выветрить запах спиртного в пределах наших государственных границ.

Для поклонников этой точки зрения имеется и наглядный пример. Сухой закон не везде потерпел фиаско. В Ливии противники Бахуса одержали победу. Сегодня ливийские граждане не знают вкуса вина. Да что вино, даже за конфеты с ликером; обнаруженные в баре во время короткой стоянки в Триполи, иностранное пассажирское судно было оштрафовано на крупную сумму. Только за первую вышивку ливийца ждут шесть месяцев тюрьмы и 40 ударов палкой по пяткам. Далее наказание растет в геометрической прогрессии.

Привлекает ли нас царство трезвости, построенное на столь строгом наказании? И можно ли считать такую страну цивилизованной?

В других странах запретительная практика дала негативные последствия. Так, в Финляндии, где до последнего времени власти ограничивали потребление горячительных напитков и где сегодня на душу населения потребляют алкоголя чуть больше, чем в Швеции, и на треть меньше, чем в Дании, количество задержанных в нетрезвом виде в 10 раз больше, чем в Дании, и в 5 раз больше, чем в Швеции. Видимо, дело не в объемах выпитого, а в культуре винопития. Той

НЕ СПИВАЮТСЯ?

Похоже, что недавняя антиалкогольная кампания закончилась. Закончилась бесславно, как, впрочем, и некоторые другие, с той лишь разницей, что в успех этой с самого начала верилось слабо. Мы остались с тем же пьянством, хотя и по другой цене, и с тем же представлением о здоровом образе жизни понаслышке. Утешает лишь, что не мы первые подверглись подобному эксперименту: в свое время США и Финляндия вводили у себя сухой или полусухой зако-

ны. Жаль только, что крепка в нас привычка учиться на собственных ошибках. А еще жаль, что того крепче привычка просто-напросто запрещать.

Взлеты и падения кривой пьянства у нас по странной житейской логике всегда связывали с производством спиртного. Еще и сегодня нередко объясняют: при царе русский народ пил мало. Ленин вообще запретил производство крепких напитков — пьянство прекратилось. Сталин,

самой культуре, которую, думается, растеряли финские поклонники Бахуса за годы сухого закона. И вот сегодня власти обеспокоены омоложением состава любителей выпить. Наряду с этим увеличивается еще одна опасность — детская токсикомания. Не правда ли, знакомые нам явления? Такие же знакомые, как и постоянно растущие цены на спиртное.

Теперь в немусульманском мире прибегают (и успешно) к иным мерам воздействия. О том, как это делается за

рубжом, и почему «у них» не спиваются, хотя, казалось бы, есть все условия, и наоборот — почему вопреки всем запретам и препонам так отчаянно пьют у нас, и пойдет дальше речь.

Не станем считать себя круглыми сиротами, будем помнить: у России имеется и свой опыт борьбы с горькой. Христианская церковно-учительская литература хотя и не запрещала употребление вина, но всячески обличала пьянство. Еще «Изборник» 1076 года гласил: «Мед в веселие дан бысть Богом, а не на пианство сотворен бысть». Лучшие умы России, в том числе Толстой, Достоевский, осуждали спавание народа. Известны случаи, когда крестьянский люд на сходках порешал запретить спиртное на своей территории.

Ошибаются и те, кто считает, что раньше на Руси не было пьянства. «Руси есть веселие пити, не можем без того быти...» Эти слова великого князя киевского Владимира Красное Солнышко прозвучали в 986 году отповедью на предложение ему принять магометанскую веру, возбранявшую употребление алкогольных напитков. Пивали и раньше, хоть пили и меньше.

И все же, вопреки традиционным представлениям, наша страна по потреблению алкоголя на душу населения в мире никогда не входила даже в первую десятку.

За границей наш турист видит много удивительных вещей. Но всего чудней, по многим признаниям, винное изобилие и умеренность в потреблении спиртного. Отчего не поспеть с бесшабашной стремительностью население тех стран, где и цены ниже, и ассортимент пошире? Или, может быть, генетически подвержен хмельной заразе только наш советский человек?

Борьба с алкоголизмом была и остается одной из основных проблем для промышленно развитых государств.

Пьянство на Западе — бич. За его динамикой зорко следят, каждая страна по-своему ведет весьма кропотливую работу, противодействуя этой привычке, и антиалкогольная борьба менее всего походит на лихие кавалерийские атаки. Взять все да и запретить — так не делаются дела в цивилизованном мире. Ведь известно, что запрет зачастую вызывает обратную реакцию — нездоровое любопытство, стремление «вкусить запретный плод».

В нашей стране ситуация с запретом на спиртное усугубляется недостатком культуры винопития. Но если бы все ограничивалось только этим, было бы лишь полбеды. Несчастье в том, что антиалкогольный указ отражал большое желание разрушить питейный дом, но не предусматривал, чтобы на его месте выросло что-то большее, чем развалины и сорняки. Пьющий увидел, как у него вместе с бутылкой отнимают и худо-бедно организованный досуг, и круг общения, а взамен предлагают пламенный призыв вести «здоровый образ жизни». Нашим запретителям покажется странной забота некоторых европейских стран о своих алкоголиках: на курорты отправляют, пособия выдают — лечиться, болезные. Но ведь зачем-то это делается!

В Венгрии виноделие считают национальной традицией и борьбу с пьянством не путают с борьбой против винопития вообще. А между тем войну с «зеленым змием» здесь начали раньше нашего — в 1983 году, когда был создан Государственный комитет по борьбе с алкоголизмом. Венграм уже тогда было ясно, что резкое сокращение продажи и производства спиртного приведет к созданию значительных прорех в бюджете страны. При этом, как выяснилось, фактическое потребление алкоголя снижается лишь на доли процента! Было признано, что в борьбе с пьянством существует один путь — не запрет, а профилактика алкоголизма путем пропаганды и лечения алкоголиков.

В США тоже пришли к заключению, что самое эффективное средство от алкоголя — просветительская работа. Пропаганда здесь поставлена на широкую ногу: человек попадает под ее мощное влияние с первых молочных зубов. Но об этом чуть позднее. Сначала о проблеме, которую не приходится решать в развитых странах, но которая остро стоит у нас, — о досуге.

Досуг — это элементарное условие, без наличия которого бесполезно твердить пьянице, что пить нехорошо. Он знает это сам. Он пьет не с целью упасть под забором, ему хочется расслабиться, отдохнуть, пообщаться с друзьями.

Отдых советского горожанина известен: три четверти свободного времени он находится в собственной квартире и его любимое занятие — просмотр телепередач. У сельских жителей возможности и того меньше. Это и определяет основные формы досуга — бездельное времяпрепровождение, выпивка.

Задумавшись над тем, почему моряки в плавании, геологи в экспедиции сравнительно легко обходятся без спиртного. Иное дело, когда они возвращаются домой. Здесь с помощью алкоголя человек восполняет то, чего ему не хватает: хорошее настроение, умение общаться, веселиться, расслабляться после (или во время) нервного напряжения. Обществу ли винить тех, кому само оно не обеспечило другого отдыха? Психотерапевт В. Л. Леви лаконично объясняет привлекательность хмеля: «По сути дела, на какое-то время мы создаем искусственный, химический темперамент... То же могут делать, и гораздо естественнее, свежий воздух, движение, пища». Иными словами, привычку к алкоголю можно вытравить другой, более сильной привычкой. В развитых странах это поняли и создали необходимые условия. Там не приходится ломать голову над тем, как убить свободную минутку. Практически каждый англичанин имеет хобби или состоит членом клуба. Весь цивилизованный мир путешествует по всему миру, чего нам пока не понять. Кафе, бистро, баров и ресторанов — везде множество.

Все перечисленное — вещи относительно известные и доступные для нашего понимания. Однако есть факты удивительные и любопытные. Например, самыми активными поборниками здорового образа жизни на Западе выступают фирмы.

Не ограничиваясь расклеиванием плакатов о «злодейке с наклейкой», они щедро финансируют различные, порой дорогостоящие профилактические мероприятия. На японских заводах работники частенько остаются после трудового дня и просто беседуют за столом. Стол не обходится без саке, японской водки (все — за счет фирмы). Так прививается не пьянство, а культура винопития. Японцы любят отдыхать трудовым коллективом на природе с семьями. Фирма оплатит и это, зная, что внакладе не останется. Известен классический пример: Нильс Бор сделал основное открытие своей жизни — сформулировал «принцип соответствия», катаясь на лыжах в горах в Норвегии...

Американская компания «Катерпиллар» дает своим сбытовикам и инженерам бесплатную турпоездку плюс свободный день к уик-энду для катания на лыжах в горах Канады или для серфинга на Гавайях. Конечно, это не благотворительность: рост прибыли от работы отдохнувшего персонала заранее просчитан. Фирмы, производящие алкогольные напитки и сигареты, вкладывают капиталы в туристский бизнес, который во всем мире стал бизнесом номер один. Жители планеты тратят на отдых примерно 10 процентов валового продукта всех стран мира. Кстати, и на отдыхе пьют. Но активный отдых сам диктует меру. Сейчас в США купить виски можно везде и в любое время. Зато на пьющего «как следует» смотрят в обществе как на выродка.

Совершенствуют досуг и в не совсем отсталой в этом отношении Венгрии. Способов полезно и интересно провести свободное время здесь множество: молодежные и семейные праздники на природе, зрелищные мероприятия, туризм, центры молодежного досуга — всего не перечислить. Это ли не достойное поле деятельности, к примеру, для нашего комсомола или профсоюзов, которые ищут возможности доказать свою полезность?

Массовый спорт занимает не последнее место в ряду профилактических мер. Сегодня в Советском Союзе он испытывает сильную тягу к кооперативным и арендным отношениям, здоровье может стать многим не по карману. А между тем в США и Франции давно перестали удивляться личным яхтам, в Аргентине, которую принято относить к развивающимся странам, спортивные залы на каждом шагу. Заплатив два доллара, вы сможете заниматься в зале с буквально немыслимым количеством тренажеров. В США существует понятие «корекриэйшн», означающее проведение совместного спортивного досуга людьми от 3 до 80 лет. Это — установление своеобразной духовной связи поколений через совместные занятия, десятки специально продуманных спортивных игр. Думается, это именно то, что сгодится и нам: недорого и выгодно во всех отношениях.

Просчитано, что в СССР за счет развития системы активного досуга можно сэкономить до 50—70 миллиардов рублей в год — это деньги, которые сегодня расходуются на лечение, выплаты пособий по временной нетрудоспособности, покрытие стоимости непродушенной продукции.

А теперь вернемся к антиалкогольной пропаганде. Пропаганда — скучное слово. В нем есть что-то безнадежно-обязательное. Тем интереснее, что за рубежом ставки делаются в первую очередь на антиалкогольную пропаганду.

В Венгрии в антиалкогольную работу вовлечены деятели культуры, молодежные кумиры, рок-группы, выдающиеся спортсмены, то есть все, кто пользуется авторитетом в первую очередь у молодежи. Эту деятельность ведут печать, радио, телевидение, трудовые коллективы, школа, молодежные организации и профсоюзы.

В США нет единого антиалкогольного органа; там разработаны многочисленные антиалкогольные программы. Они есть у конгресса и у общественных организаций. Специальные программы созданы для школьников и даже для дошкольников. Так, кампания «Не начинай» рассчитана на восьми-двенадцатилетних. Около 10 тысяч компаний, включая 500 крупнейших, осуществляют свои собственные программы против алкоголизма. Общественные организации с помощью энтузиастов готовят для радио и телевидения свои передачи с участием знаменитостей, которые бросили пить. В них выступают Элизабет Тейлор, Ринго Старр, Оззи Осборн, жена бывшего президента Бетти Форд и другие. Американская общественность уже добилась запрета на телеэкранах рекламы крепких спиртных напитков. Под ее давлением на этикетках появились предупреждающие надписи: Заметное воздействие на людей стали оказывать результаты научных исследований. Хронических больных поддерживает морально организация «Анонимные алкоголики», объединяющая около миллиона людей, «завязавших» со спиртным. Есть и экзотические движения, например «Матери против пьянства за рулем».

Самогонование, крепко укоренившееся

в народе в период антиалкогольной кампании, трудно извести при нынешних ценах на спиртное. Многие приобрели необходимые для личного производства навыки и убедились в его финансовой прибыльности. Возможно, за опытом решения этой проблемы стоит обратиться к той же Венгрии. Хотя допускаю, что при нашей советской «специфике» винного потребления венгерский опыт покажется спорным.

В Венгрии самогонование существовало в конце 50-х — начале 60-х годов. Поскольку полностью прекратить производство самогона на селе практически невозможно, было разрешено по желанию сельчан и на собранные ими средства строить небольшие спиртзаводы прямо в селах. Владельцы садов получили возможность сдавать туда часть своего урожая. Эта система действует и по сей день. Предприятие выдает требуемое количество напитка заказчикам. Расчет производится либо деньгами, либо самим продуктом. После введения такой системы самогонщики на селе просто перестали существовать.

На какие же средства в Советском Союзе осуществлять перечисленные меры при нашем истерзанном госбюджете? — может возникнуть резонный вопрос.

Первое: такие сферы, как туризм и заведение для досуга, во всех странах окупают себя сами. Более того, приносят немалый доход.

Второе: можно навести порядок в профсоюзном и спортивном хозяйствах, чтобы стало возможным тратить деньги на то, чего хочет трудовой коллектив, а не только ВЦСПС. А площади спортивных сооружений в стране таковы, что можно в 6 раз увеличить нынешнюю пропускную способность.

Третье и самое главное: замечательный и простой выход, которым воспользо-

вались многие страны, — пустить на антиалкогольные нужды хотя бы часть средств, полученных от реализации спиртного. Предложение продавать спиртные напитки для того, чтобы бороться с пьянством, звучит как парадокс. Но еще раз напомним, что алкоголизм не там, где потребляют больше, а там, где пьют реже, но «под завязку», по-свински, где не научены оценить достоинств вина и заливают за «воротник» все, что есть под руками, где общество само вынуждает молодежь знакомиться с хмелем в лучшем случае в грязном баре, где можно оправдаться: «А что остается делать?», а многие между прочим поддержат: «Действительно, нечего».

Бюджет царской России называли «винным». За то, якобы, что львиную его часть составляли деньги, вырученные от продажи спиртного. В том числе и в немалой степени — от экспорта. Развлеклись воспоминания о тех временах. И хотя еще и сегодня в зарубежном ресторане вам подадут лучшую в мире русскую водку, это будет уже не советская, а тамошняя «русская» водка. Другие делают валюту на нашей выпущенной из рук славе. Остаются в неизвестности и наши соки, которые натуральнее многих и, вероятно, могли бы иметь успех на зарубежных рынках.

Облегченное отношение к пьянству с некоторых пор широко утвердилось в русском народе. О питательных способностях нации ходит немало анекдотов, их рассказывают не без гордости. С этими анекдотами, с веселыми фильмами о неудачливых пьяницах молодежь потихоньку свыкается с культом пьянства, он становится частью национальной культуры. Понадобится время, чтобы заменить его культом физической и нравственной красоты и понятием о цивилизованном винопитии. И здесь не нужно идти каким-то новым «своим» путем. Перед нами опыт мировой истории и культуры — что нам нравится, можем выбирать!

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА

„МОЁ МЕСТО В МОЁМ ДОМЕ“

Как вы помните, этот конкурс был объявлен в июне 1987 года родственными по содержанию журналами СССР, Польши, Чехословакии, ГДР и Болгарии. Наша редакция получила несколько сот читательских работ со всех концов страны и из-за границы. Удалось опубликовать 37 из них. По решению жюри премии получают:

I. В. Титова из г. Краснодара — «Мы» (№ 7 за 1988 год) — 100 рублей;

II. Н. Емельянов из г. Архангельска — «Жизнь как она есть» (№ 11 за 1988 год) — 75 рублей;

III. Т. Дымнова из Москвы — «С планеты не уйдешь, хлопнув дверью» (№ 1 за 1989 год) — 50 рублей.

Поощрительными премиями (книгами) награждаются:

Г. Сергеева из г. Риги — «Все зависит от женщины» (№ 2 за 1988 год);

Л. Пыллу из г. Кохтла-Ярве — «Упустила роль лидера» (№ 12 за 1988 год);

Р. Набиева из Ташкентской области — «Не сдаваться!» (№ 12 за 1988 год);

Т. А. из Киргизской ССР — «Сверчок в доме» (№ 12 за 1988 год);

М. Исаева из Алтайского края — «Своя точка отсчета» (№ 8 за 1988 год);

Л. Насреева из г. Казани — «Эмансипе, но не рада!» (№ 4 за 1988 год);

Н. Бернгарт из г. Киева — «Стать добрее и чище» (№ 5 за 1988 год);

В. И. из г. Иркутска — «И все-таки я — счастливый человек» (№ 8 за 1988 год);

А. Ботева из Болгарии — «Имеющий волю находит и путь» (№ 2 за 1989 год);

П. Томчак из Польши — «Один против всех и все против одного» (№ 6 за 1989 год).

Благодарим всех приславших нам свои работы!

Беседа первая

Б. КОЧУБЕЙ,

кандидат психологических наук

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Тоже родители...

«Отцы — это тоже родители» — так называлась книга американских педагогов Инглиша и Фостера, изданная в США в 1953 году. Такое утверждение говорит о том, что с признанием отца «полноценным» родителем дело обстоит неважно. Судя по более поздним публикациям, не намного лучше оно обстоит и сейчас. «Отец — забытый родитель», «Пора отцам вернуться в семью» — такие заголовки можно встретить на страницах зарубежных журналов. А венгерские ученые Раншбург и Потпер в своей недавно переведенной у нас и ставшей широко известной книжке «Секреты личности» пишут: «Самое большое, что может сделать отец для своих детей, — это любить их мать».

Приглядимся и, увы, придется признать: в этом отношении наше общество не особенно отличается от западного, хотя причины «вытеснения» отца из семьи у нас во многом иные, чем, скажем, в Америке. Влияние семьи на ребенка мы, как правило, тоже рассматриваем как влияние матери. На родительские собрания в школы ходят, в основном, матери. Если ребенок заболел, больничный лист по уходу получает мать; это считается естественным и никого не удивляет. При разводе суд в подавляющем большинстве случаев оставляет ребенка матери. Наконец, после развода, если мать не хочет, чтобы ребенок продолжал общаться с отцом, ей (на практике) почти всегда удается настоять на своем, хотя все это, между прочим, прямо противоречит существующему законодательству о браке и семье, согласно которому оба родителя обладают равными правами и равными обязанностями по отношению к ребенку. Те, кто помнит американский фильм «Кремль против Крэмера», понимают, что речь идет не просто о каких-то судебных несовершенствах, а о чрезвычайно широко распространенной в самых разных обществах установке: мужчина не предназначен, не приспособлен для воспитания ребенка.

Пренебрежение к роли мужчины в воспитании ребенка, которое мы наблюдаем и в науке, и в быту, и в СССР, и на

Западе, резко контрастирует с тем колоссальным вниманием, которое уделяется образу отца в художественной литературе. Множество блестящих страниц русской классики посвящено этому образу: «Подросток» и «Братья Карамазовы», «Отцы и дети» и «Первая любовь», произведения Владимира Набокова и Леонида Андреева. Образ отца волновал Диккенса («Домби и сын»), Мориака («Клубок змей»), многочисленных современных советских писателей: Ю. Нагибина, Ю. Трифонова, В. Амлинского... Проблема отца всплывает в «Короле Лире» Шекспира, а в «Гамлете» мысли об отце занимают едва ли не всех главных героев: Гамлета, Лазрта, Офелию, Фортинбраса. Не будет преувеличением сказать, что взаимоотношения сына (реже — дочери) с отцом — это, по меньшей мере, тема № 2 мировой литературы, уступающая, вероятно, только Великой Теме Любви.

Голос природы
или тревожение общества?

Мать ухаживает за ребенком, кормит и воспитывает его, отец осуществляет «общее руководство», обеспечивает семью материально, охраняет ее от врагов. Такое разделение ролей достаточно распространено, для многих оно является идеалом семейных отношений. И, как нередко считают, в его основе лежат природные качества мужчин и женщин: мягкость и нежность матери, ее привязанность к ребенку, физическая сила и энергия отца. И все же задумаемся, насколько же принятое распределение функций в действительности соответствует природе мужского и женского начал в семье?

Принято считать, скажем, что женщины более чутко реагируют на переживания детей, их плач и другие болезненные состояния. Так ли это?

Чтобы ответить на этот вопрос, психологи поставили множество экспериментов: испытуемый (мужчина или женщина) наблюдал за ребенком, попавшим в затруднительное положение, плачущим от ушиба или растерявшимся от неожиданности. Иногда это была реальная ситуация, например, во время спортивной игры; но чаще испытуемым показывали видеозапись, ки-

нофрагмент, фотографию или рисунок.

Как же узнать, что переживают он и она, как измерить и сравнить его и ее эмоции? Можно, конечно, просто попросить испытуемого описать свои чувства и оценить их, например, по пятибалльной системе... Результат в таком случае однозначен: самоотчеты женщин свидетельствуют о более интенсивных, более глубоких и насыщенных переживаниях.

Но можно ли безоговорочно верить этому результату? Мы ведь знаем, что человек не всегда отдает себе верный отчет в своих чувствах. Вдобавок иногда по тем или иным причинам люди предпочитают эти чувства сдерживать. Так, если мужчина оценивает свою эмоцию жалости на 4 балла, а женщина в той же ситуации — на 5, то можно ли утверждать, что женщина переживает сильнее? Может быть, она просто лучше умеет анализировать свои чувства? Или, возможно, мужчина стесняется своей чувствительности.

Попробовали использовать другой, более объективный метод — измерять не сами эмоции, а сопровождающие их физиологические явления: частоту пульса, задержку дыхания, дрожание рук, потоотделение, ведь все эти непроизвольные реакции тесно связаны с психическими процессами. Результат был впечатляющим: женщины сообщали о гораздо более сильных переживаниях, чем мужчины, но физиологические показатели у сильного и слабого пола выглядели совершенно одинаково.

Можно судить о сопереживании и по реальному поведению взрослого: сколько раз за время эксперимента испытуемый посмотрел на ребенка, что он (она) при этом сказал(а), пытался ли подойти, помочь, утешить (если это, конечно, была реальная ситуация)? Короче говоря, попробуем поставить вопрос так: не что чувствуют взрослые, а как они себя ведут? Результаты таких экспериментов оказались зависимы, в первую очередь, от присутствия других людей: чем больше посторонних наблюдает за опытом, тем более активно ведет себя по отношению к ребенку женщина; тогда как мужчину, наоборот, присутствие других людей сдерживает. Но если испытуемый находится с ребенком один на один, раз-

личия между поведением мужчин и женщин исчезают.

Судя по этим данным, эмоции мужчин и женщин, сопереживающих ребенку, по-видимому, мало различаются. Однако к проявлению этих эмоций общественное мнение относится по-разному: мужчине вроде бы неудобно выходить из себя из-за детского плача или испуга, тогда как у женщин подобные переживания считаются и служат признаком естественных материнских чувств. Такое отношение окружающих заставляет мужчин прятать, преуменьшать свое волнение, а женщинам позволяет свободно «выплескивать» свои чувства.

Вглядимся в даль...

Углубленные исследования семейных отношений и процесса воспитания детей в семье начались лишь в двадцатом веке. Поэтому у нас, конечно, нет прямых научных данных о том, как строили свою семейную жизнь наши предки. И если о временах не столь далеких ценнейшую информацию несут письменные источники, то о том, какую роль мог играть мужчина в далекие, доисторические эпохи, мы никак не можем знать непосредственно. К счастью, на земле еще в XX веке сохранилось немало народов и племен, находящихся на первобытном уровне развития экономических и иных общественных отношений. Изучая жизнь таких народов, мы можем понять многое из того, как жили наши далекие прадеды, как они относились друг к другу, как трудились, как растили детей.

И это очень важно: ведь только увидев все разнообразие жизни в других человеческих мирах, мы понимаем, что узкий мирок нашего поселка или микрорайона — это еще не все человечество; и то, что у нас принято, — это вовсе не обязательный для всех без исключения закон жизни; а то, что кажется нам естественным и очевидным, покажется странным и требующим доказательства, если посмотреть на это со стороны.

Первое, что бросается в глаза, когда знакомимся с описаниями взаимоотношений мужчины — ребенка у различных народов, в различных культурах — это то, что отношения эти бесконечно разнообразны: от самой тесной дружбы и постоянного ухода отца за своим сыном до полного отсутствия каких-либо контактов детей обоего пола с мужской частью племена.

Американские этнопсихологи М. Вест и М. Каннер выделили три типа обществ, различающихся по положению отца в семье, его участию в воспитании детей.

Первый тип — племена, где основным занятием является собирательство или садоводство. В таких культурах разделение труда между мужчинами и женщинами невелико: женщина участвует в добыче пищи, мужчина — в домашнем труде. Как правило, браки в таких обществах моногамны. Отцы, как и другие мужчины, очень близки к детям, систематически играют с ними, балуют их. Такие народы не отличаются воинственностью, агрессивностью, предпочитают мирные отношения с окружающими племенами.

В племенах второго типа контакты мужчины (особенно отца) с ребенком сведены к минимуму, и дети растут под исключительным женским влиянием. Основной производственной деятельностью является охота и земледелие. В первом случае добывают пищу только мужчины, тогда как женщина является полновластной хозяйкой домашнего очага. Это ведет к строгому половому разделению труда, а следовательно, и разделению общественного положения мужчины и женщины. Мужчины в таких обществах мужественны и агрессивны.

Если основное занятие такого племени — примитивное земледелие, то разделение труда менее строгое, так как женщины тоже работают в поле. В обоих случаях семья в племенах второго типа полигамная. Агрессивные и воинственные мужчины часто гибнут, что ведет к изменению соотношения полов, и многоженство, являющееся естественным выходом из такой ситуации, служит дополнительным фактором, отделяющим ребенка от отца.

Наконец, третий тип — это высокоразвитые земледельческие племена. Семьи чаще всего моногамны; многоженство если и встречается, то носит необязательный характер. Отношения отец — ребенок не так близки, как в обществах первого типа, но и не так холодны, как в обществах второго типа. Отец, как правило, играет с ребенком, но мало участвует в повседневном уходе за ним.

Пока стоит обратить внимание вот на что: как ни странно, мягкие и чувствительные мужчины воспитываются в племенах, где важную роль в воспитании играет отец. И наоборот — у народов, где сыновья растут в условиях преобладающего или даже исключительного женского воздействия, мужчины воинственны и агрессивны. Дальше мы увидим, что эта парадоксальная, на первый взгляд, закономерность сказывается отнюдь не только среди примитивных народов. Ее действие мы каждый день видим вокруг себя.

Отец, Вождь и Учитель...

На протяжении большей части письменной истории человечество жило в обществе, где основным занятием было сельское хозяйство, где ремесла еще не успели превратиться в промышленность, а жители городов составляли меньшинство. Такое общество часто называют докапиталистическим, крестьянским, феодальным или патриархальным. Последний термин употребляют наряду с другими, часто не задумываясь, что в нем содержится указание на то, сколь важную роль в сознании такого общества играет фигура Отца.

Патриарх — это глава рода, отец семейства, выполняющий по совместительству функции вождя. Слияние ролей Отца и Вождя (так же, как Отца и Учителя) — характернейшая черта патриархальной культуры. Государство, будь то монархия или тирания, делает главу семьи опорой власти, формируя в семье сколок общественных отношений. Члены семьи повинуются отцу, как подданные — монарху или диктатору. И далее как все люди — единому Богу, Отцу небесному. Триада Отец — Правитель — Бог — основа пат-

риархальной идеологии. На отца (реального, обычного отца семьи) возлагаются функции монарха в миниатюре, правителю же, а далее и Богу приписываются отцовские качества: сочетание строгости и справедливости, умение решать все конфликты «по-семейному».

До сих пор даже в такой «непатриархальной» стране, как США, дети склонны описывать обобщенный образ отца примерно в тех же словах, что и образ президента страны. В протестантской культуре, где преобладал образ сурового Бога-отца, этот образ вкладывался в головы настоящих отцов, влияя на их отношения к жене и детям. Патриархальная семья несет свойства патриархального государства и космоса; общество, семья и вселенная взаимно моделируют друг друга.

По-разному относятся отцы к своим детям в патриархальных семьях. Так, роль наказания, особенно физического, значительно выше в западных патриархальных семьях, чем в восточных. Однако во всех случаях есть одна общая черта: отец находится на недостижимой высоте для ребенка, их отношения строго вертикальны, отец — прежде всего авторитет, прообраз и олицетворение той власти, которой ребенок беспрекословно будет подчиняться, когда вырастет и сам станет отцом.

Переход к капиталистическому способу производства навсегда изменил жизнь традиционной семьи. В современной городской семье развитых стран отцы имеют достаточно времени и возможностей для разнообразных занятий с детьми — не только с сыновьями, но и с дочерьми. Но традиционная функция отца в воспитании мальчика, выражающаяся словами «делай, как я» (вспомним единство ролей Отца и Учителя в патриархальной культуре), в развитых обществах нашего времени явно утрачена. Отец уже не является наставником сына, бережно направляющим его еще не твердые шаги по пути своего ремесла. Сейчас отец (рабочий и служащий) отделен от ребенка, он целые дни проводит на работе, причем эта работа в большинстве случаев — для ребенка что-то совершенно непонятное. В школе ребенок учится совсем не тому, чем занимается его отец. Классическая преемственность «сын — наследник моего дела» ушла в прошлое; разрыв между ролями Отца и ролей Учителя стал очевиден.

Знаменитый американский психиатр Э. Фромм, автор переведенной у нас недавно замечательной книги «Быть или иметь», анализируя традиционную семью, выделил отцовский и материнский подходы к детям как два принципиально разных типа любви. Отцовская любовь требовательна, она стремится к справедливости, к тому, чтобы любить ребенка в соответствии с его заслугами, не больше, но и не меньше. Материнская любовь слепа. Мать любит ребенка только за то, что он существует, за то, что он — ее ребенок; красивый и урод, умный и бестолковый, трудолюбивый и лентяй — все в равной мере достойны материнской любви.

По мнению Фромма, любой человек для нормального развития нуждается и в отцовской, и в материнской любви. Человеку необходима честная и справедливая оценка его достоинств, его реаль-

ных успехов и заслуг. Но, с другой стороны, он нуждается и в безусловном принятии и понимании его, независимо от его заслуг — только потому, что он человек. Любой сдвиг в сторону преобладания одного из видов любви — отцовской или материнской — ведет к нарушению поведения.

Современное западное общество, считает Фромм, все в большей степени становится безотцовым. Преобладает материнский принцип абстрактного гуманизма: все люди по-своему хороши, заслуги и достоинства каждого не имеют значения. С наибольшей полнотой этот взгляд выражен в идеологии хиппи. Отсюда, по Фромму, характерная для современного Запада тяга к анархии, к утрате социальной организации, к распаду рациональной культуры и высокого искусства.

В настоящее время во многих зарубежных странах проводится активная работа, направленная на изменение «безотцового общества». Однако выход видится не на пути возврата к патриархальным отношениям, а в максимальном приближении мужчины к семье, преодолении отчуждения между отцом и детьми. Наиболее развит курс на уравнивание женщин и мужчин в быту в странах Северной Европы (Швеция, Дания), где развернуты последовательные программы «эмансипации мужчин». В школе уроки труда одинаковы для обоих полов: девочки зашивают гвозди, мальчики шьют и пеленают кукол. Во многих государственных учреждениях зарплата женщин выше, чем мужчин: семья должна быть заинтересована в том, чтобы работала женщина, а мужчина ухаживал за детьми. С середины 50-х годов постепенно на Западе стала распространяться практика присутствия мужей при родах их жен. Дальше мы расскажем о том, как это влияет на сплоченность семьи, формируя привязанность мужа к жене и ребенку.

Так обстоят дела «у них». А у нас?

Несросшийся перелом

«Сын за отца не отвечает!»

Понадобились тысячелетия развития человечества, мировые войны и революции, чтобы Отец всех трудящихся мира изрек, наконец, эту великую истину. Народом России была объявлена милость: оказывается, кара, которую навлек на себя отец семейства, не обязательно влечет за собой уничтожение всех его потомков. Непонятно только: почему отношениям отцов и детей было придано такое глубокое политическое значение?

Страшный удар, нанесенный патриархальной семье нашей страны в 20—30-е годы, имел множество причин и еще больше следствий. Для ускоренной индустриализации требовались миллионы женских рабочих рук; женщина была оторвана от детей и брошена на производство. Сиротство при живых родителях стало (а по сути, остается и до сих пор) массовым явлением. Колоссальные репрессии, затем неслыханная по числу жертв война и вновь вихрь репрессий — все обрушилось в первую очередь на мужскую часть населения. По некоторым данным, в 1950 году в местах заключения находилось около 15 миллионов мужчин (из которых 5 миллионов — только «за плен»). Женщин, ко-

нечно, тоже арестовывали, но в значительно меньших масштабах. Очевидно, что в этих условиях семья без мужчины стала нормой.

Но государство не только взломало крепость семьи, не дав, в сущности, ничего взамен — оно еще и узурпировало ее функции. Отец Народов занял место родного отца. Думается, что мгновенное уничтожение вековых семейных традиций потому и удалось с такой неожиданной легкостью, что новые отношения основывались на тех же патриархальных чувствах благоговения, преклонения, безусловного послушания, готовности в любой миг принять наказание (даже незаслуженное) — только эти чувства были перенесены с главы семьи на Государство, Общество, Партию, Вождя.

История 20—40-х годов представляет широкий спектр разнообразных преступлений против отцов. На одном конце спектра — некий Успенский, сын священника, убивший своего отца, чтобы доказать верность атеистическим принципам новой власти. По данным А. Солженицына, отцеубийца стал... заведующим культурно-воспитательной (I) частью Соловецкого концлагеря (и, по совместительству, исполнителем смертных приговоров). На другом полюсе — десятки тысяч людей, отрекшихся от отцов «кулаков», отцов «врагов народа», отцов-интеллигентов, «забывших» упомянуть о них в анкете, сменивших — во избежание неприятностей — отцовскую фамилию. Не будет преувеличением сказать, что выросло целое поколение людей, предавших своих отцов.

Раньше государственная власть опиралась на фигуру сильного отца в каждой семье. Сталинский режим, напротив, все свойства этой фигуры стремился как бы вобрать в себя, предоставив настоящим родителям ребенка в лучшем случае светиться отраженным светом. «Советские родители не лишены авторитета», — пишет Д. Линн, автор единственной в мире монографии, посвященной роли отца в семье, — но этот авторитет — лишь отражение мощи государства».

В настоящее время роль мужчины во многих семьях сведена если не к нулю, то к минимуму. С одной стороны, он утратил прежний авторитет и уважение, с другой, лишившись патриархальной выгоды и недоступности, не стал ближе к детям, не стал больше заниматься с ними. Не так уж мало семей, где отец просто чужой среди своих.

Психолог Т. Юферева решила узнать, как воспринимают московские подростки 13—14 лет положение мужчины и женщины в семье. Выяснилось, что женщины рассматривались ими (особенно девочками) как глава семьи. Мужчину же и девочки, и мальчики воспринимали в первую очередь и в лучшем случае как помощника жены по хозяйству. «Приятно видеть мужчину в очереди в магазине, в прачечной», — сказала одна из девочек. Другие были более резкими в своих отзывах: «Мужчина — это три Т: тапки, тахта, телевизор...», «Мужчина — это не то, что женщина, он гораздо меньше работает, но гораздо больше ест».

На вопрос: «На кого ты хочешь быть похожим, когда вырастешь?» мальчики 8—9 лет чаще отвечают: «На маму». Отец

не является ни примером для подражания, ни старшим другом, передающим свои знания и опыт. С детства на мальчиков оказывается давление, препятствующее развитию их мужского, отцовского начала. Общество в целом и школа как его боевой авангард поощряют пассивную дисциплину, бездумное послушание и нетерпимо относятся к таким традиционным мужским качествам, как инициатива, выдумка, активность. Девочки, особенно в начальных классах, пользуются большим авторитетом и значительно чаще становятся формальными лидерами — старостами, звеньевыми и т. п. Так уже в школьном возрасте закладываются основы будущего доминирования женщины в семье.

Таким образом, процесс отчуждения отца от детей в значительной мере представляется общим и для нашего, и для западного общества. И в том, и в другом случае в основе этого лежит распад патриархальной семьи с отцом-господином, послушной женой и беспрекословным подчинением младших старшим.

Но есть и немалая разница. В США и Европе на смену патриархальным отношениям постепенно приходят отношения равноправия мужчины и женщины в семье, равенства прав и обязанностей отца и матери. Процесс этот сложен и противоречив. В частности, многие проблемы американской семьи могут быть связаны с тем, что старая форма отношений себя изжила, а новая еще только нащупывается.

Наши проблемы в ином. Принцип равноправия мужа и жены, отца и матери мы провозгласили раньше, чем на Западе, но, как и многие другие прекрасные принципы, он не был обеспечен реальным содержанием. Государство разрушало семью, пытаясь полностью замкнуть ее собой. Поскольку при этом основной удар пришелся на доминировавшую в старой семье фигуру отца, возник уродливый тип семьи с мужем и отцом, формально присутствующим, но на самом деле отнесенным на обочину семейной жизни.

Вряд ли нужно говорить, что эта мрачная картина, конечно же, характеризует далеко не все наши семьи. Есть много прекрасных отцов и глубоко уважающих и любящих их матерей, и об этом мы еще будем говорить дальше. Здесь лишь хотелось бы подчеркнуть реальность существования у нас такого «безотцового общества», где не только сын за отца, но и отец за сына на отвечает.

для детей

«Мои первые книжки»

Обзор серии

Серии «Мои первые книжки» издательства «Детская литература» более сорока лет. Ее цель — познакомить дошкольников с лучшими, необходимыми для их духовного развития книгами современных авторов и с книгами, прошедшими проверку временем, ставшими наставниками многих поколений. Ежегодно появляется от пяти до девяти тоненьких, небольшого формата книжечек с грифом этой серии на обложке.

Детство немислимо без сказки, и естественно, среди выпусков серии много сказок. Есть здесь народные сказки и литературные. Сказки русских, советских, зарубежных писателей. Сказки о животных, волшебные сказки. Так, в разные годы появились в серии русские народные сказки «Теремок» и «Три медведя» (в обработке Л. Толстого), «Серебряное копытце» П. Бажова, «Сказка про храброго зайца Длинные уши — Косые глаза — Короткий хвост» Д. Мамина-Сибиряка, «Сказка о попе и о работнике его Балде» А. Пушкина, «Сказка о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» А. Гайдара, «Стойкий оловянный солдатик» Г.-Х. Андерсена, «Бременские музыканты» братьев Гримм, «Золушка» и «Кот в сапогах» Ш. Перро. Даже из этого небольшого перечня видно, что сказки эти очень разные, у каждой — свой

язык, свои герои, в каждой свое отражена сложность и противоречивость жизни. Но в любой сказке добро торжествует над злом. И любая сказка пробуждает фантазию маленького читателя.

Но, как ни сильна тяга малышей к сказкам и как ни велика роль сказки в развитии дошкольников, ограничивать круг их чтения только сказками было бы противоестественно. Известно, как обогащает душу настоящая поэзия. И что маленькие любят стихи — тоже известно. С какими же поэтами знакомит ребят серия? В числе ее авторов Я. Аким («Мой брат Миша», «Неумейка», «Песенка в лесу»); А. Барто («Игрушки», «Твой праздник», «Я на уроке в первый раз»); В. Берестов («Как найти дорожку»); В. Жуковский («Жаворонок»); Б. Заходер («Кит и кот»); С. Маршак («Багаж», «Почта», «Человек рассеянный»); В. Маяковский («Кем быть?»); С. Михалков («Веселый турист», «Дядя Степа», «Про мимозу»); А. Твардовский («Сын»); К. Чуковский («Муха-Цокотуха»). Эти имена говорят сами за себя. Что же касается стихов, то они различны — по ритму, рифме, интонации, эмоциональной окраске, по тематике. Есть здесь искрящиеся юмором стихи-перевертыши («Человек рассеянный», «Кит и кот»). Есть пронизанная светом радости, созвучная детскому мироощущению маленькая поэма («Песенка в лесу»). Есть стихотворение о природе («Жаворонок»). Есть о том, кем быть, каким быть, а каким не быть («Кем быть?», «Почта», «Дядя Степа», «Неумейка», «Про мимозу»). Вышел в серии и маленький сборничек — «Сегодня праздник», куда включены стихи советских поэтов, посвященные нашим праздникам.

Поэзия, с которой знакомит своих маленьких читателей серия «Мои первые книжки», приучает ребят вслушиваться в музыку стиха, вызывает в их сердцах целую гамму чувств, побуждает к размышлениям.

Рассказы — еще один жанр, достаточно широко представленный в серии. Особенно много рассказов о природе, о растениях, о животных. Так, домашним животным посвящен сборничек рас-

сказов К. Ушинского «Бишка». Эти маленькие рассказы, запечатлевшие внешний облик и повадки животных, близки по языку к народной поэзии. Вот как пишет, к примеру, Ушинский о коте:

«Коточек-коток — serene-кий лобок. Ласков Вася, да хитер, лапки бархатные, ноготок острей. У Васютки — уши чутки, усы длинные, шубка шелковая.

Ласкается кот, выгибается, хвостиком виляет, глазки закрывает, песенку поет, а попалась мышка — не прогневайся! Глазки-то большие, лапки — что стальные, зубки-то кривые, когти выпускные!»

Совсем иначе вводит ребят в мир природы Г. Снегирев: «Сажу я на камне и ем хлеб. А пингвины ко мне подходят и в рот заглядывают — никак не могут понять, что это я делаю. Очень они любопытные.

Вечером я повесил умывальник на доску. Пока я его к доске прибывал, один пингвин стоял и внимательно смотрел, даже кивал головой.

Утром вышел я умываться, а к умывальнику не подоит: целая толпа пингвинов собралась. Вода из умывальника капает, а пингвины вокруг молча стоят, головы набок и слушают, как капли разбиваются о камни. Для них это, может быть, музыка».

Приведенный отрывок взят из книжки Г. Снегирева «Про пингвинов» (рассказ «Любопытные»), которая вышла с иллюстрациями М. Митурича. Книжка эта пользуется у маленьких читателей особым спросом. Стоит, видимо, назвать и другие книжки, чтобы дать представление об уровне этой литературы. Вот эти некоторые: «Рави и Шаши» С. Баруздина, «Чей нос лучше» В. Бианки, «Про слона» Б. Житкова, «Алый» Ю. Ковалев, «Золотой луг» М. Пришвина, «Медвежата» Е. Чарушина, «Муравей Красная точка» Н. Романовой. Книжки эти помогут ребятам увидеть мир природы во всем его удивительном разнообразии и получить ответы на многочисленные «как?» и «почему?», а заодно, может быть, сумеют побудить читателя любить природу.

Рассказ о серии «Мои первые книжки» будет несколько обедненным, если не упомянуть такие выходившие в ней

книжки, как «Друг детства» В. Драгунского или «Живая шляпа» Н. Носова, если не назвать сборник рассказов С. Вангели «Шапка Гугуце» (пересказал с молдавского В. Берестов) или сборник С. Алексеева «Рассказы о Суворове и русских солдатах». Каждый, кто хоть немного знаком с детской литературой, вне всякого сомнения, знает эти имена и понимает, что книжки этих писателей обогащают представление ребенка об окружающей действительности.

Все эти книги изданы или переизданы — в 80-е годы. Но при желании и необходимости не так уж сложно найти книги, появившиеся в серии «Мои первые книжки» до этого времени — достаточно обратиться к картотеке серий, имеющейся в библиотеках.

И последнее, о чем хотелось бы сказать. Среди иллюстраций серии есть такие мастера книжной графики, как В. Лебедев, Ф. Лемкуль, В. Лосин, М. Митурич, Е. Монин, Н. Цейтлин. Это, конечно, радует. Но в целом оформление книжек серии не всегда на высоте, поэтому ощущение праздника, которое должны нести дошкольникам их первые книги, к сожалению, снижается. И все же серия «Мои первые книжки» интересна, нужна и полезна нашим детям.

Г. РУМЯНЦЕВА
главный библиотекарь
Государственной
республиканской
детской
библиотеки РСФСР

Загадка зелёной собаки

Наталья Хмелик. ЗЕЛЕНАЯ СОБАКА, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ПЕРВОКЛАССНИКАХ / Художник С. Соколов. — М.: Детская литература, 1989.

Помнится, один из советских писателей, дабы обеспечить успешное прохождение рукописи в редакции, советовал рисовать на полях собачку. Зачем? А вот зачем. Редактор, как известно, не любит засыпать рукопись в набор, ничего в ней не исправив. Заметив же на полях собачку, он скажет: «Ваш рассказ мне нравится. Но при чем

тут собачка?» — «Ну что ж, собачку можно и снять». И рукопись идет в набор безо всяких исправлений...

Эта маленькая авторская хитрость вспомнилась мне, когда я читал повесть молодой писательницы Натальи Хмелик. Внутренняя тема этой повести не связана ни с зеленой собачкой, ни с какой другой. Повесть о первоклассниках — это верно. И не просто о первоклассниках, а о первоклассниках-шестилетках. Обучение детей с шести лет — дело сравнительно новое, в художественной литературе не отраженное; молодая писательница идет тут по целине и, несмотря на это, держится весьма уверенно.

Ключ к успеху в обучении и воспитании шестилеток прежде всего, конечно, в личности педагога. И надо сказать, Лариса Александровна — учительница, изображенная в повести, — пожалуй, здесь самое обаятельное лицо. Она добра, тактична, умна, артистически владеет профессиональными навыками. Дети, относящиеся к ней, как к родной, тяжело переживают даже временное ее отсутствие, хотя заменяющая ее драконтка, студентка педвуза, тоже работает неплохо.

А писательница еще и идеализирует свою героиню, помогая ей выглядеть наиболее выигрышно:

«Валентин сразу залюбовался учительницей. Она была красивее всех в огромном школьном дворе. Распущенные по спине светлые кудри, ясные глаза, нежные щеки. Пестрый шарф, большая бабочка, сидела на ее узеньких плечах. Валентину хотелось ее защищать, Ларису Александровну, только он не знал — от кого.

Все ребята из первого класса обступили ее и стали отдавать цветы. Они немного толкались, немного кричали, но в общем все шло хорошо.

— Спасибо, спасибо, хорошие мои дети, — говорила учительница.

Валентин протянул ей свои оранжевые гладиолусы.

— Ах какие прелестные гладиолусы! Они горят, как огоньки.

— А у меня георгины! — заприщала Сонька.

— Какие милые георгины. Ну прямо как желтые солнышки.

Учительницу уже было совсем не видно из-за цветов, а ребята протягивали еще и еще букеты. И она никого не обидела, и все букеты взяла, и все цветы похвалила. А потом засмеялась и говорит:

— Как же я дойду теперь до нашего класса? Я и дороги не вижу, а вижу только цветы. Кто мне поможет?

— Я! — быстрее всех сказал Валентин и протянул руки, и она дала ему много цветов. Он прижал их к животу.

И тут все вокруг закричало:

— И я помогу!

— И я тоже».

Не правда ли — учительница держится безупречно? Доброты и внимания к детям не мешают ей действовать с хитринкой. Стандартную и немного комичную сцену, какие повсюду разыгрываются в наших школах 1-го сентября (попробуй-ка приди в этот день без цветов!), она умело переводит на воспитательные рельсы.

Столь же уверенно ведет она родительское собрание (вернее, детско-родительское: вместе с папами и мамами, бабушками и дедушками в классе присутствуют и дети), где, к удивлению и старых, и малых, не высказывает ни единой жалобы на своих воспитанников. А когда Сонина бабушка чуть ли не требует от нее этих жалоб, учительница спокойно замечает ей: «Прекрасные дети, изумительные. И потом — неужели мы с ними сами не разбираемся в своих делах?»

В общем, идеальная учительница; детям, у нее учащимся, только позавидовать можно. Идеальность эта подчеркивается (может быть, даже помимо желания автора) тем, что Лариса Александровна и ее класс работают в отрыве от школы: размещаются они в отдельном домике во дворе. За все время нашего с ней знакомства их контакты со школой происходят всего-навсего дважды: сначала заглядывает к ним директриса (и мы не успеваем даже понять, что она за человек), да еще разок — шефствующий над этим классом девятиклассник (коего приглашает сама же учительница!), — вот и все связи со школой...

Впрочем, внимание читателей привлечет в этой книге не только учительница. Хо-

рошо удалась молодой писательнице семья Яблоковых, куда входят уже знакомый нам Валентин, его мама-художница, папа — бывший моряк и младший брат Валентина Сашка. Запоминается и уже знакомая нам Сонька — в жизни не очень приятная особа: вечная выскочка, зазнайка, стремящаяся всех и во всем опередить; дети таких не любят. Но в художественном смысле Сонька, несомненно, живой, жизненный персонаж.

К сожалению, одна из самых бледных, по сути даже не развернутых фигур, — фотограф, он же владелец «зеленой собачки», которую вместе с хозяином Наталья Хмелик явно пытается выдвинуть в главные герои книги; иначе зачем бы этой собаке давать место в заглавии четырех глав повести (не говоря уже о заглавии книги), хотя сама она появляется на страницах только однажды, да и то на минутку. И даже отзыв на книгу предлагается присылать... зеленой собаке!

Чем же эта собака (на поверку даже и не зеленая, а только слегка выпачканная в краске) так привлекает писательницу, для чего она ей нужна? Неужели для того только, чтобы придать книге более заманчивый для маленького читателя, полудетективный оттенок? Но ведь Валентин не разыскивает собаку активно, он лишь мечтает ее увидеть, а к концу повести почти забывает о ней (а читатель и вовсе!), так что усилия автора оказываются, по сути, холостым выстрелом. В то же время эта фактически тупиковая ветка сюжета мешает безоговорочно порадоваться за молодую писательницу, создавшую в общем-то интересную и педагогически ценную книгу о начинающих школьниках.

С. КОНЕВ

Таня, 3 года

Мама:

— Давай выучим адрес, а то вдруг потеряешься...

Долго не может запомнить. Наконец:

— Нет, мамочка — лучше я вместе с тобой потеряюсь.

5 лет

Положили в стакан чая серебряную ложку и объяснили, что серебро убивает микробов. Возмущенно:

— Что же это — я чай с дохлыми микробами буду пить?!

Антон, 5 лет

Посмотрев по телевизору горячие споры депутатов, сделал вывод:

— Депутат — это тот, кто все путает.

Лева, 5 лет

— Дедушка, знаешь какой я сон сегодня красивый видел!

— Расскажи — тогда буду знать...

— Ну как же я тебе расскажу, когда там заглавия не было?!

Оля, 4 года

Собираются ее мыть. Мама говорит:

— Подожди, сейчас помержу температуру воды.

— А что, вода заболела?!

Алеша, 5 лет

— Мама, я хотел бы быть лисой...

— Зачем?

— Ну... У лисы хвост есть, а у людей нет...

— Небо сделали?

— Нет...

— А как же оно оказалось?

Смотрит по телевизору грузинский ансамбль:

— Мне у них нравится выречение ног...

— Мама, этот кот уже одикарил...

Записали наши читатели:
В. Крайнова (Москва), Т. Ляпунова (г. Челябинск), Л. Львов (г. Барановичи), И. Арцукевич (г. Гродно), Г. Арутюнова (г. Алма-Ата).

ПОБЕДА

Рид ГРАЧЕВ

Из цикла

«Дети без отцов»

Серая земля, голубое небо. У картофельной шелухи белые глаза.

— Ирина Петровна, зачем мы ее закапываем так глубоко? — спросил мальчик. — Ведь она не прорастет, у нее не хватит сил.

Будем надеяться, что хватит, — сказала Ирина Петровна. — А ты молодец, правильно заметил. Шелуха слишком тонкая.

— А до войны сажали целую картошку? — спросит мальчик.

До войны сажали целую...

А чей это огород? — спросил мальчик снова.

— Это огород тракториста, — ответила Ирина Петровна. — На войне он был танкистом.

«Танковый дивизион третьей дивизии прорвал оборону противника юго-западнее Перемышля и продвинулся вперед, подавляя пехоту противника огнем...»

— Что ты там бормочешь? — спросила Ирина Петровна.

Это я так, вспомнил, — ответил мальчик. — «Массированные танковые удары сыграли решающую роль в продвижении наших войск к границе Германии...» А он на чем воевал, на «КВ»?

— Не знаю. Вот он придет, и ты спросишь, — ответила Ирина Петровна.

— Значит, он вернулся? — спросил мальчик. — А почему он сам не сажает картошку?

— Он пахнет колхозные поля, — сказала Ирина Петровна. — А мы посадим ему картошку на память...

В честь победы, — сказал мальчик, — и чтобы он нас вспоминал, когда мы уедем.

Голубое небо, серая земля. У картофельной шелухи крахмальная изюминка.

Ирина Петровна, а это правда, что в городе мальчики будут учиться отдельно от девочек?

— Да, правда, — ответила Ирина Петровна.

— А почему? — спросил мальчик. — Мне будет скучно без нашей Нади, и без Оли, и без Октябрины.

— Считают, что совместное обучение плохо влияет на детей. Они слишком рано начинают целоваться...

Я кончил уже почти три класса, — сказал мальчик, — а мне еще ни с кем не хотелось целоваться. Я дружу с Надей Южаковой... Нам будет трудно дружить, если мы будем учиться в разных школах. С Надей хорошо сидеть за одной партой, она не даст мне баловаться.

— Дети разные бывают, — сказала Ирина Петровна. — Но все равно, по-моему, это глупо.

По-моему, тоже, — сказал мальчик. — И кто только эту глупость выдумал? Когда взрослые заставляют делать глупости, их очень трудно слушаться, правда?

— Правда, умища моя, — ответила Ирина Петровна. — Но, может быть, ты будешь учиться вместе с девочками...

Вместе с Надей Южаковой? — быстро спросил мальчик.

— Не знаю, — сказала Ирина Петровна. — Ты не боишься порезать руки? В земле много стекла...

— Не боюсь. Я осторожно копаю... Земля мягкая... Скажите, может быть или правда?

— Что — правда? — спросила Ирина Петровна.

— Вы знаете, что, — сказал мальчик. — Я вас очень-очень прошу, вы ничего не говорите, только скажите: может быть или правда?.. Ирина Петровна! Ирина Петровна!

Серое небо, голубая земля. У картофельной шелухи черные глаза.

— Ладно, Ирина Петровна, — сказал мальчик. — Я не буду спрашивать. Только Надя говорила, что она правда-правда уезжает.

— Надю вызывает тетя, — сказала Ирина Петровна. — По-

слушай, я боюсь за твои руки. Пойди, вытащи палку из плетня и копай палкой, как все.

— У меня тоже есть тетя, — сказал мальчик. — И даже дядя. И наш дом не разбомбили, и я помню адрес. А у Михайловых вообще никого нет, но они уезжают...

— Юре прислали вызов с завода, — сказала Ирина Петровна. — Он совершеннолетний и берет своих братишек и сестру. Когда ты подрастешь...

— Ирина Петровна, — сказал мальчик. — Я никого не буду слушаться, кроме вас. Честное слово.

Тогда послушай меня, вытащи из плетня палку...

Ладно, Ирина Петровна, — сказал мальчик и ушел далеко.

ко-далеко на край огорода, где плетень еще не был разобран на дрова.

Мальчик расшатывал стояк и смотрел, как дрожат прутья в дальнем конце плетня, где дом. Из дома вышел рыжий человек в гимнастерке, и мальчик подумал, что это танкист. Человек посмотрел на мальчика и медленно пошел к плетню. На гимнастерке качались и звенели медали.

Мальчик выдернул стояк и остался ждать, когда подойдет танкист. У танкиста было розовое лицо и сощуренные глаза, он шел медленно, и гимнастерка без ремня болталась над его длинными ногами. Танкист уже что-то говорил, но мальчик еще не мог разобрать слов.

— Мать твою так, — говорил танкист. — Растакую твою мать, голодранец!

— Что? — спросил мальчик, хотя он понял, что надо убежать.

— Растащили весь плетень, сучьи дети, — отчетливо объяснил танкист и протянул к мальчику волосатую руку.

Длинное голубое небо. Длинная серая земля. Ноги увязают в земле. Танкисту тяжело бежать. Но тихо так, что мальчику слышится хриплое дыхание совсем рядом. Тяжелые сапоги проваливаются в землю и топают-топают-топают у мальчика в голове. Мальчик оглядывается. За танкистом, как за танком, остается взрытая дымящаяся колея.

Длинная голубая земля. Длинное серое небо. На небе Ирина Петровна машет рукой, ребята собираются в кучу, как кусты.

— Только бы успеть до кустов, — думает мальчик.

Сверху на мальчика наваливается мокрая тяжесть. Волосатый кулак, как пушка, слепо ворочается вперед.

Мальчик побежал вбок, по серой земле протянулся плавный полукруг следов, звон и хрип остались сбоку. Мальчик пробежал за кусты, за ребят, стоящих, как кусты, мимо белого лица Ирины Петровны.

Танкист развернулся и остановился около ребят.

— Не трогайте ребенка! — крикнула Ирина Петровна.

— Уймите паршивца, — сказал танкист. — Он весь плетень развалил.

— Простите его, — сказала Ирина Петровна. — Он травмированный.

— Какой? — задыхаясь спросил танкист. — Я ему голову оторву!

Ирина Петровна встала между ними, потому что он хотел бежать к мальчику.

— Он ненормальный, — сказала Ирина Петровна. — Оттавьте его в покое, он больше не будет.

— Ненормальный? — спросил танкист.

— Да-да, — быстро сказала Ирина Петровна. — Идите, отдышайте, мы сегодня кончим сажать вашу картошку...

Танкист копнул сапогом землю.

— Глубоко сажаете, — сказал он. — Так не прорастет.

— Хорошо, — быстро сказала Ирина Петровна. — Будем сажать мельче. Идите, пожалуйста.

Танкист уходил, медленно ступая по земле.

Мальчик подошел к Ирине Петровне.

— Вы... — сказал он. — Вы... Я нормальный! А вы... Я нормальный... А вы...

Впереди удалялась зеленая спина танкиста.

— Я нормальный! — крикнул мальчик и побежал за ним. Мальчик заметил у себя в руках палку и взял ее наперевес.

— Эй! — крикнул мальчик.

Спина удалялась.

— Эй, танкист!

Шея разворачивалась медленно, как башня. Блеснули челочки глаз.

— Эй, танкист, слышишь! Я нормальный! — радостно крикнул мальчик. — Ура!

Танкист выставил вперед ногу. Мальчик поднял в руках палку.

— Ура! — крикнул он. — Я нормальный! А ты — гад!

Палка стукнула танкиста в грудь. Он выбросил ногу. Мальчик перевернулся в воздухе и упал. Потом он поднялся. Потом он долго рвал опухшими грязными пальцами мокрую звенящую грудь и кричал торжественно: «Я нормальный, нормальный, нормальный!..»

— Я отведу тебя к фельдшеру, — сказала Ирина Петровна. — Надо промыть царапины. Неужели ты не понимаешь? Он же пьяный.

— Все равно, — ответил мальчик. — Так нехорошо. Я нормальный. Не надо было вас слушаться. Не надо было брать палку. А теперь скажите: может быть или правда?

— Милый мальчик, — сказала Ирина Петровна. — Это правда. Правда. И я ничего не могу поделать.

— Ирина Петровна, — сказал мальчик. — Пусть вы такая. Я никого не смогу слушаться. Я буду слушаться только вас. Пусть в школе будут одни мальчики. Я буду мыть вам пол. Я буду ходить в магазин. Буду варить обед и учиться на одни пятерки. Возьмите меня домой. Возьмите, а?

— Мальчик мой, — сказала Ирина Петровна. — Ты же умный мальчик. Воспитателям не разрешают никого брать в город. Это правда.

— Ладно, Ирина Петровна, — сказал мальчик. — Это я так. Понарошку. Я же понимаю. Ладно.

Мальчик зажмурил глаза. Земля была никакая.

Небо было никакое.

Никакая была картофельная шелуха.

Л. ЧУБАРОВ

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Фото авторов

К ИСТОРИИ

Вместе с воинами на фронтах Великой Отечественной сражались песни. Шестьсот таких песен, чья дата рождения от 22 июня 1941 года до 9 мая 1945 года, в репертуаре необычного хора, в составе которого люди от четырех до шестидесяти четырех. Отцы и сыновья, бабушка с внучкой. Целые семьи: мать и две дочери, муж и жена с дочкой. Называется этот коллектив ансамбль фронтовой песни «Поиск». Участники коллектива десятилетия заняты поиском старых, давно не петьх или забытых песен периода Великой Отечественной.

Происхождение ансамбля — пионерское. Когда-то отряду второклассников московской 170-й школы было присвоено имя Николая Гастелло. Запели популярную в те годы «Стальную эскадрилью», потом создали свою песню на ту же мелодию. Когда вступали в комсомол, передали имя любимого героя отряду только что принятых в пионеры третьеклассников. Так, передавая раз в четыре года имя героя вместе с отрядным знаменем и портретом Н. Гастелло, летописью и газетами, жило не одно поколение гастелловцев. Ныне в строю отряда и ансамбля «Поиск» пионеры многих поколений. Запевали в ансамбле Борис Спитковский и Миша Ефремов. Ныне они тоже поют, только Борис — вместе с сыном Максимом, Михаил — с сыном Алешей. Поют Вильям и Любовь Лебедевы и их дочь Елена, Лев Каплин со своим сыном Володи.

Общий сбор отряда и традиционное выступление «Поиска» — ежегодно в День Победы в 10.00 на ступенях Большого театра меж четвертой и пятой колоннами. Это не просто концерт, а прежде

всего — исполнение заявок бывших фронтовиков.

— Я воевал в артиллерии, спойте «Марш артиллеристов».

— А я служил на Черноморском флоте... И звучит «Я встретил его близ Одессы родной, когда в бой пошла наша рота...»

Все больше людей присоединяются к «Поиску». Герман Климашко, уходя в армию, наказал подруге: «Приходи вместо меня...» И она поет в «Поиске». Выпускница интерната для слабоблудящих Наташа Неровнова поет уже несколько лет; приходят студенты, ребята из ПТУ. И непрерывно идет поиск потерянных песен.

Маргарита Михайловна Бочарова — из детей блокадного Ленинграда. Она привнесла в московский хор «питерскую струю»: запели «Ладогу», «Волховскую застольную». Супруги Козыревы помогли отыскать «Песенку москвичей-соседей». Долго искать поиск одной из первых песен войны, завершившейся словами: «И фашистам на могилу кол осиновый забьем». Однако точную мелодию восстановить пока не удалось. Возможно, кто-то из читателей вспомнит ее?

В «Поиске» обширный архив — десятки песенников. Устанавливается авторство фронтовых песен, многие из которых создавались самодельными поэтами и композиторами, уточняется время создания песен. Например, многие считают первой песней войны «Священную войну». Но на день раньше, уходя на фронт, Алексей Сурков оставил в редакции текст «Песни смелых» — это было 22 июня 1941 года. Вскоре ее запела страна: «Стелются черные тучи, трубы тревогу поют...»

Где же выступает ансамбль? Помимо ежегодных концертов у Большого театра — на Арбате в День города. С помоста на улице, где круговорот брейкеров и рокеров, кришнаитов и джазистов, звучит песня суровая, огненная, патриотическая. И слушателей — масса. Ансамбль выступает в домах культуры, в школах и пионерских лагерях Подмосковья.

В прошлом году 9 мая у Большого театра «Поиск» попал на телеэкран. Потом пригласили коллектив на телевидение «ответить» на письма фронтовиков с просьбой исполнить любимую, давно не слышанную песню. Выступал «Поиск» в телепередаче «Песня далекая и близкая», участвовал в конкурсе «Товарищ песня». Потом записал на радио передачу о песнях Великой Отечественной войны. Много откликов от ветеранов войны и... их внуков.

Нам всегда интересно смотреть на тех, кто впервые слышит песни войны, о которой знает не очень много. Это совсем юные люди. Мы поем, а их лица преобразуются: серьезнеют, одухотворяются. Люди в возрасте слушают нас по-своему. Начинается какая-то очень давно не петья по радио, телевидению песня, и, чувствуется, человек вспоминает: когда-то слышал, может, от отца-матери, возможно, по тогдашнему радио... Прикосновение к военной песне волнует всех как прикосновение к истории.

К 45-летию Победы «Поиск» подготовил две новые программы: «Песни Победного года» и «Вернулся я на Родину». Друзья коллектива — Лев Ошанин, Михаил Ножкин, многие ветераны, что уже слышали обе программы, их одобряют.

Мария РОМАНУШКО

НАШИ ЗИМЫ И ЛЕТА, ВЕСНЫ И ОСЕНИ

Окончание. Начало в №№ 11—12 за 1989 год и №№ 1—4 за 1990 год

Звезда с Японского моря

Дверь знакомого кабинета приоткрыта, и мы проходим в эту дверь, забыв постучать.

Наш Доктор сидит на своем месте — за столом у окна, в окружении врачей и медсестер. Видно, сошлись поболтать, не каждый вечер такая метель, и поликлиника пустует.

При нашем неожиданном появлении разговор смолк, и лицо Доктора, нашего милого Доктора, вспыхивает нам навстречу улыбкой:

— Как хорошо, что вы приехали! Здравствуйте... Здравствуй, Антон!

— Вот, Доктор, на экскурсию к вам приехали. Приворожили вы моего сына какими-то загадочными щипчиками!

— Какими щипчиками? — не понял он.

— Да теми, что палец ему вскрывали! Он просто влюбился в эти щипчики!

— Саша, — обратился Доктор к одному из ассистентов. — Проводи, пожалуйста, молодого человека в операционную. Только смотри, чтобы на стерильное кресло не влез с ногами.

И ты отправляешься в «комнатку», о которой грезил все эти дни.

— Вы даже не представляете, какую радость вы нам доставили Антошными стихами! — говорит Доктор. — Мы с женой целую неделю их читали, не торопясь, каждый вечер понемногу...

Я сижу напротив Доктора, на том самом стуле, что и прежде, но уже не посетительница, а его гостья. С этой минуты мы уже не чужие.

Блаженно, но сдержанно улыбаясь, ты выходишь из операционной.

— Ну что, все посмотрел? — спрашивает Доктор.

— Все! — отвечаешь ты. — Все щипчики, все баночки!

Доктор подхватывает тебя и сажает к себе на колени, ты смущен. Ты еще никогда не сидел на коленях у мужчины...

— Ну как палец? — спрашивает Доктор. Он берет твою руку и на мгновение становится прежним доктором, которого мы знали до этого дня. — Прекрасно! Как новенький! — говорит он, улыбаясь своей открытой, мальчишеской улыбкой. И неожиданно предлагает: — Антон, почитай нам свои стихи. Пожалуйста!

Ты не заставляешь себя долго упрашивать. До сих пор с грустной радостью вспоминаю твой маленький сольный концерт в метельный вечер в травмапункте Филатовской больницы...

— Стихи про муху!

Мухи на носу сидели,

Мухи на ухо глядели!

Мухи на носу качались,

Мухи за ухо щипались!

— Стихи про «любишь»!

Любишь, любишь, —

недолюбишь.

А полюбишь —

перелюбишь!

— Стихи про сову:

Прилетела совушка

на торшер.

Зажигает крыльями огонек...

— Стихи про маму!

Мама вьет гнездо на дереве

В этот снежный ранний час...

— Вот... — говоришь ты и замолкаешь, залившись румянцем, смущенный всеобщим вниманием, восторженными возгласами и аплодисментами.

— А я знаешь, что запомнил? — говорит Доктор. — «Жевуземчики поет этот старый бутерброд»!

Все смеются.

— Антон, откуда ты знаешь, что значит «жевуземчики»?

— А я и сам не знаю, откуда. Всегда знал. — пожимаешь ты плечами.

— Когда Антону было три года, я сдавала сессию, и мы с ним занимались французским вместе. С тех пор «жевуземчики» и остались, — говорю я.

Доктор смеется.

— Знаешь что, Антон? — говорит он. — Приезжай ко мне в гости!

— Что мы и делаем! — смеюсь я.

— Да нет, не сюда! Домой. К нам домой. Мы с женой приглашаем вас в гости, — говорит он.

— Мы приедем, — говорю я.

— Правда? — он вспыхивает улыбкой. — Правда, приедете?

— Почему же нет? С удовольствием приедем к вам в гости.

— А вы приедете вдвоем или... втроем?

— Дело в том, что нас всего двое. Не считая черепахи, которая сейчас в спячке. Так что приехать мы можем только вдвоём.

Мы смеемся...

— А у нас как раз невеста для вас! — говорит Доктор. («Так я и знала!»)

— Сколько же лет невесте?

— Восемь месяцев.

— О!.. прекрасный возраст! — говорю я, и мы смеемся...

Он записывает на бланке травмапункта свой домашний телефон и адрес. Мы договариваемся о дне нашего приезда.

— Когда выйдете из метро, позвоните, я выйду, встречу вас.

— Позвоним.

Доктор, провожая нас, выходит с нами в коридор. Здесь по-прежнему ни души.

— Удивительный сегодня вечер! — говорит он. — Никого... Пять лет работаю здесь и не помню такого. Сбегаю пока в клинику, надо взглянуть на одного мальчика. Сегодня была очень тяжелая операция...

— Вы и в клинике оперируете? — спрашиваю я.

— Не оперирую. Делаю послеоперационную анестезию. Представляете, что это такое?

— Приблизительно...

— Понимаете, самое страшное, когда ребенок просыпается после наркоза. Боль

Рисунок Л. Заболотского

после операции для него страшнее самой операции. А дети не должны испытывать боли...

— Мальчик маленький?

Десять лет. Он спит, я звонил туда. Но мне все равно на него взглянуть надо. А то я сам ночь спать не буду.

Мы выходим во двор, в неутраченную метель...

— Мне -- туда. — Доктор показывает на хирургический корпус, темнеющий в глубине двора за старыми деревьями.

Мы прощаемся.

До встречи, Антон! Жду тебя в гости, приедешь?

— Приеду!

Твоей маленькой руке тепло и уютно в большой и сильной руке Доктора.

Итак, мы едем в гости к Доктору. Уже через три дня...

Заходим с тобой в «Детский мир». Совершенно не представляю, чем играют невесты в таком возрасте... Со всех сторон тарарахают на нас лупоглазые куклы и пыльное плюшевое зверье. Нет, все не то! Наконец наше внимание привлекает симпатичный львенок абрикосового цвета. Львенок издавал радостный, приветливый визг. Пусть у нашей невесты будет такой симпатичный абрикосовый дружок. Пусть играет...

Выходим, распаренные, из игрушечного царства под мокрым, липким снегом! Опять осень!.. И какая-то уж очень тоскливая. Только сейчас, держа в руках подарок для его дочки, я наконец призналась себе: нет, не могу я туда ехать. Не могу. Стоит только представить: вот мы входим в их дом, вот Доктор берет на руки свою дочь... и забытая детская зависть обжигает мне сердце. Оказывается, до сих пор не выросла я из нее. Оказывается, во мне до сих пор живет маленькая девочка, все мечты которой начинались со сказочного: «Если бы у меня был папа...»

Но не только зависть. С ней бы я справилась...

Впервые за шесть лет нашей с тобой жизни я почувствовала, что двое, не считая черепахи, — это не трое. Никогда мне еще не было так больно за тебя. До этой осени, до этих наших поездок в Филатовскую я думала, что смогу заменить тебе всех... И ты никогда не догадывался, что бывает по-другому. По крайней мере, не так скоро... Ведь мы были счастливы с тобой до этой осени, правда, сынок? Мы и сейчас счастливы. Только не нужно нам ездить в гости к Доктору. Упаси тебя Бог от этой мучительной зависти, которая терзала меня в детстве. Которая до сих пор нет-нет да и цапает меня...

Так что же делать? Ты так ждешь этой поездки. Имею ли я право лишать тебя общения? Вот так, из боязни, что потом будет больно? Что ж... наверное, уже настала пора выходить нам из замкнутого счастливого круга: ты да я, да мы с тобой. Не сегодня, так завтра... От боли не спрячешься, все равно она настигнет нас — не сегодня, так завтра...

И вдруг я почувствовала, что Доктор, наш милый Доктор, он слышит меня. Не может не слышать. И все понимает. И он придумает. Он что-нибудь придумает... «Дети не должны испытывать боли», — слышался мне его голос.

Но прошел день, прошел вечер... Настало утро.

Мы собираемся в гости. Время близится к полудню. Через час выезжать, договорились на «после обеда». Значит, едем... Ты в нетерпении подгоняешь меня, волнуешься, ты ужасно не любишь опаздывать.

И когда до выхода остаются считанные минуты, резкий звонок ударяет по нервам... Ты бежишь к двери.

Почтальон, залепленный метелью, протягивает телеграмму с ярко-синей полосой — «Срочная!» Телеграмма адресована тебе. Нетерпеливо раскрываешь ее...

«ЗАЕДУ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ДОКТОР»

В полном недоумении ты смотришь на меня:

А откуда Доктор узнал наш адрес? Наверное, из твоей истории болезни. Все очень просто...

Он пришел, когда мы уже перестали ждать. Когда вполне уверились, что срочная телеграмма — это срочная веселая отписка, не более.

— У Доктора много работы, — говорю я. Ты же видел, какая к нему всегда очередь.

Ты вздыхаешь:

— Я понимаю...

А на дворе — опять весна! Ноябрьская весна! Она растопила сугробы, залила город апрельским половодьем...

— Может, мы и вправду живем на Меркурии?... — задумчиво усмехаешься ты. — Тогда уже не неделя прошла, а целых семь лет? Срочная телеграмма: «Заеду через семь лет. Доктор». Срочная!..

Ты хохочешь. И я не могу понять, действительно ли тебе так смешно?..

А как-то вечером раздался звонок, веселый, нетерпеливый. Ты бросился открывать.

На пороге стоял Доктор. С ослепительными гвоздиками в руках!..

— Простите, что заставил себя долго ждать.

Он улыбнулся просто, по-дружески, как старый-старый знакомый. И вошел в наш дом, внеся с собой запахи дождя и весны. Гвоздики тоже пахли весной. Я пыталась вспомнить, когда мне последний раз дарили цветы — и не могла...

— Ну здравствуй, Антон! Вот я и пришел к тебе в гости. Давай руку!

Ты протянул по привычке левую, с уже окончательно зажившим пальцем.

— Да нет, правую давай! — засмеялся Доктор.

Ты смотрел на него с любопытством: и слегка растерянно: по-моему, не совсем узнавая его. Без привычного халата и хирургической шапочки Доктор казался нам незнакомцем, и мы с трудом привыкали к его, новому для нас, образу. Веселый, синеглазый, с русым ежиком непослушных вихрастых волос над высоким лбом.

Наш гость скинул легкую куртку, забрызганную дождем, открыл портфель и подозвал тебя:

— Долго думал, Антон, что бы тебе подарить такое... Смотри! — Он осторожно вынимает и кладет тебе на ладонь огромную морскую звезду...

— Я ее сам достал, — говорит Доктор. Со дна Японского моря.

— А что ты там делал? Нырять? — живо спрашиваешь ты, и я вижу, что наконец-то ты узнал в веселом незнакомце нашего Доктора.

— Был с экспедицией. Как врач. А работал водолазом. Фотографировали морское дно. Ты был когда-нибудь на море?

— Был с мамой в Крыму. Я там камни собирал. И черепочки разные. Хочешь, покажу?

Ты берешь Доктора за руку и тянешь в комнату. И смотришь на меня виновато и умоляюще:

— Нам пообщаться нужно...

— Ладно, ладно, общайтесь, — смеюсь я.

Иду на кухню готовить ужин. Мне остается заняться своими делами и радоваться твоей радости: ты дождался своего гостя! Только сейчас, слыша, с какой жадностью набросился ты на Доктора, я понимаю, как не хватало тебе общения, как жаждет твоя душа новых встреч. Хотя ты сам и не осознаешь еще этого...

— Из твоих сочинений, Антон, мне больше всего понравилось «Про любовь без печали», — говорит Доктор. — Только

разве так бывает — любовь без печали?

— Любовь всегда без печали, — уверенно говоришь ты.

— Если бы так... Антон, а почему у тебя кактусы на шкафу? Там ведь поливать неудобно.

— А я их сейчас не поливаю. У них зимняя спячка, как у черепахи. Там стенка холодная, вот мы их туда и поставили.

— Зачем?

— Так нужно. Холодная и сухая зима — чтобы зацвели. Так в книжке написано.

— А у моей бабушки есть кактус, мы круглый год сливаем в него что попало и никакой зимовки не устраиваем — и цветет каждый год!

— Ну, уж это я не знаю...

— Антон, а кто у вас играет на скрипке?

— Мама. Только она не играет. Она мне пантомиму показывает с этой скрипкой. И с этим зонтиком. Видишь, он весь в заплатках? Это мама нашила. Они все разноцветные... Вот открой, пожалуйста. Видишь? Он огромный, как дом. Я иногда под ним живу...

— Значит, твоя мама артистка? — спрашивает Доктор.

— Почему артистка? — недоумеваешь ты. — Моя мама рецензент. Она пишет рецензии на разных поэтов. А артисткой она давно хотела быть, когда меня еще не было.

— Ты любишь цирк, Антон?

— Цирк? Не выношу! Там такой грохот, голова трещит!

— Почему же у вас афиши цирковые кругом?

— Это наш Клоун. Мы с мамой его любим.

— Ты любишь этого клоуна?.. Хм... Ты что-то путаешь, Антон. Этот клоун давно умер, тебя еще на свете не было.

— Я знаю. Мама мне рассказывала. Это потому, что он много работал и у него сердце не выдержало. Но мама говорит: если кого-то любишь, если очень сильно любишь, — он не умрет...

— Твоя мама права...

— А еще один художник недавно умер. Видишь, это его картины. Это он нам подарил. Он был старый-старый, прямо древний! Но ни капельки не старик. Он нам дыню привез, я помню... Огромную, как... как дом! Мы ее целый год ели! Шутка, конечно... Видишь, это «Коты на крыше». Эта крыша есть на самом деле, мама мне показывала... Это — «Сиреневая лошадь».

— А почему лошадь сиреневая? — спрашивает Доктор.

— А какой она должна быть? — удивляешься ты.

— Хм...

— Мама очень плакала, когда он умер. А я ей говорю: «Ты чего плачешь? Ты же сама говорила, что смерти нет». А она все равно плачет...

— Наверное, любви без печали все же не бывает, — говорит Доктор.

А ты недовольным вздохом вторишь ему. На несколько минут в комнате воцаряется молчание. И тут, спохватываясь, ты восклицаешь:

— А камушки!.. Я и забыл вовсе!

Звук выдвигаемого из-под тахты чемо-

дана. Щелкают замки...

— Видишь, какой красивый черепок? Это мы сами раскопали на раскопках!

В крепости. А это кусочек Сахарной Головки. Это такая гора в Крыму. Это вот полын... Понюхай, как пахнет!

— Здорово. Я тоже люблю пыльный запах... Антон, а почему ты в сад не ходишь?

— Так я не детсадовский. У меня при- вивок нет.

— Как же ты в школу пойдешь?

— А зачем в школу?

— Как «зачем»? Научишься читать, писать.

— Так я это все умею! Я с двух лет читаю. И пишу. И считаю скорее мамы. Она меня всегда в магазин берет, чтобы я считал.

— Наверное, скучно дома одному?

— Одному? Никогда не скучно! У меня столько дел!..

— Какие же у тебе дела?

— Много дел! Я инфузорий в банках развожу. Я их изучаю. У меня микроскоп есть. Они такие хорошенькие! Особенно сувойки. Сувоечки! — говоришь ты с нежностью. — И солнечник, и голубой труба, и аксеназия...

— А кроме инфузорий, ты что еще любишь?

— Звезды! Инфузорий и звезды. А еще на свечку смотреть... А ты?

— А я свою работу люблю. Море. Хорошие стихи люблю. Но мне, в основном, другую литературу приходится читать, по медицине. Я всегда врачом хотел быть, с детства.

— А я буду протозоологом! — говоришь ты. — Инфузорий изучать буду. А еще буду продавцом кваса! Я квас ужасно люблю. Я сразу из двух бочек продавать буду: из одной продавать, а из другой сам пить!

Доктор смеется.

— А какие у тебя еще дела? Ты говорил «много».

— Еще мы с мамой пишем рецензии.

— Но это же мама их пишет.

— Нет, мы вместе! Мы все вместе делаем. Я всегда рукописи читаю. Мама и печатать мне иногда разрешает. Когда она обед готовит, она мне диктует, а я печатаю.

— Ты сколькими пальцами печатаешь? Двумя?

— Зачем двумя? — удивляешься ты. — Одним! Второго мешать будет. Одним гораздо скорее. Тра-та, та-та, та-та, та! И готово. А еще я пишу про Самболюнию.

— Кто такая Самболюния? — удивляется Доктор.

— Эта страна такая.

— Что-то не слышал о такой стране. — Это моя страна. На планете Маль. Я там живу.

— Хм... Ты «Маленького принца» читал?

— Нет. А про что?

— Про одного мальчика. У него тоже была своя планета.

— Расскажи.

— Я плохо рассказываю, Антон. Я лучше привезу тебе в следующий раз эту книгу.

— А когда ты приедешь еще?

— Ох, Антон... Трудно сказать.

— Работы много, да?

— Очень много. Знаешь, во сколько я спать ложусь? Не раньше часу ночи.

— А моя мама иногда в четыре утра! — с гордостью говоришь ты. — Моя мама — сова!

— Значит, ты понимаешь, что значит «много работы».

— Я понимаю...

...А потом мы пили чай. И ты сказал: «Давайте зажжем свечу». И зажгем свечу. И мы смотрели на огонь, и Доктор рассказывал нам о своей работе, о том, что он изобрел новый способ обезболивания, такой, чтобы без укола. «Дети не должны испытывать боли», — опять вспомнились мне его слова, сказанные в метельный вечер, и я поняла, что это — его главная мысль и этой мысли подчинена вся его работа, вся его жизнь.

...Ты берешь ложку и окунаешь ее в пламя свечи...

— Что ты делаешь, Антон?

— Мне интересно: можно ли вычерпать огонь? Как чай из чашки.

— Действительно... — говорит Доктор. — Можно ли вычерпать огонь?..

Лицо у него становится задумчивым и грустным.

— Нет. Наверное, мне никогда не понять этого, — говорит он.

— Вы о чем, Доктор? — спрашиваю я.

— О скрипке. Об афишах на стене... Можно ли быть настолько обращенной в прошлое?

— Прошлого нет. Все наше — с нами.

— Смотрите! Смотрите! Не вычерпывается!.. Никогда не вычерпывается!..

Никогда не забыть мне твое ликующее лицо, озаренное трепещущим пламенем свечи, и твой ликующий возглас, который и был (хотя ты о том и не ведал) истинным ответом на вопрос Доктора «Огонь не вычерпывается!..»

И грустное, и виноватое лицо Доктора, который стоит у двери, уже в куртке, уже с портфелем. А ты даже не замечаешь, что он уходит, и продолжаешь рассказывать:

— В Самболюнии есть еще такой город, — говоришь ты быстро, захлебываясь, — город Мунт. Он самый старый, почти один развалины... Люди уже оттуда ушли. Там только живет птица Голофомэ. Она клюет красные ягоды фонтоса. Ты знаешь, что такое фонтос? Это такой куст...

А Доктор все грустнее и грустнее. И он говорит, не столько тебе, сколько мне:

— Я знаю: к тем, кого приручил, надо приходить вовремя, — говорит он. — Но я не могу сказать, когда я приду...

И мы, два взрослых человека, боясь взглянуть в глаза друг другу. «Дети не должны испытывать боли...»

И он уходит. Наш Доктор уходит. И мы опять остаемся одни.

Над городом осенний циклон...

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛУБ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
П. И. ЧАЙКОВСКОГО

Вера ГОРНОСТАЕВА

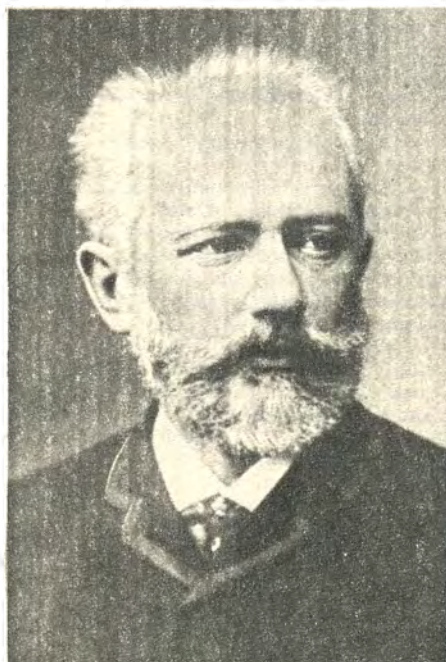
Известная пианистка, народная артистка РСФСР, профессор Московской консерватории Вера Васильевна Горностаева в последние годы получила признание как талантливый популяризатор русского искусства, музыки. Большим успехом пользуется телевизионная рубрика «Открытый рояль», которую она ведет, выступает она и в печати.

Музыка на все времена

...Это входит в детство. Как привычный для глаз Василий Блаженный (жила напротив, на набережной), как Красная площадь и зимний пейзаж Подмосковья. Это все дается даром и живет в крови. И трудно сказать, в каком именно возрасте в подсознание проникали откуда-то приплывшие вдруг «Баркарола» и «Неаполитанская песенка», Фея Драже и Танец маленьких лебедей...

В довоенном, дошкольном моем детстве — поход с мамой на «Щелкунчик». А там — «Вальс цветов», который впечатался в память вместе с темно-малиновым плюшем и позолотой старинного многоярусного театра. Балет входил в мою жизнь вместе с Чайковским, был неотделим от его музыки. Три самых лучших в мире балета: «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик». И каждый раз — праздник вместе с запахами театра, сверкающим многоцветьем сцены и какой-то неслышанно родной (словно до рождения знакомой) музыкой.

Позже уже более осознанно: «Пиковая дама», «Онегин», Первый концерт. Здесь уже было профессиональное восприятие (я училась в Центральной музыкальной школе), послевоенное «взрослое» понимание музыки, глубокое потрясение Пятой и Шестой симфониями. И, вероятно, позднее всего открылся для меня фортепианный Чайковский миннатор и циклов как нечто, вошедшее в разряд высших ценностей. А прежде именно этот Чайковский буднично звучал в доме (маминны ученики разучивали «Детский альбом») с первых же лет моей жизни.

Раннее детство, оставшееся в памяти вместе с пирожными и новогодними мандаринами (школьные каникулы), — в антракте поход в буфет как часть общего праздника — это детство навсегда отдано «Щелкунчику», первому балету Чайковского, озарившему, подарившему чувство счастья.

...Много лет спустя, впервые в Венеции, сижу за столиком в кафе на площади Святого Марка, а из репродукторов над толпами мягко и упруго летит «Вальс цветов». Кругом разноязыкий, многолюдный шум. Люди подпевают и насвистывают. Плывет в воздухе любимая с малых лет моя музыка, но её знают все. Здесь, в Италии, Чайковский как дома. Он выше барьеров, систем, отчуждений, он — всеобщий. А я опять слышу в нем свое детство, словно вижу елку, мандарины, торжественный зал Большого театра. Всё это сливается с воздухом Венеции... Сижу и вспоми-

наю, что Петр Ильич любил Италию и, вероятно, бродил по этим улицам вдоль каналов...

Кажется, первым произведением, играным мной на концерте семи лет отроду, была «Болельщик куклы» из «Детского альбома». Думаю, создавая это сочинение, автор обращался к собственному детству. И так для всех нас вечная ретроспекция: он о своих младенческих годах, мы, детьми играя маленькие пьески, потом всю жизнь несем в себе Чайковского.

Сколько разных впечатлений соединилось с ним! Прослушавшая впервые по радио «Пиковая дама» меня, четырнадцатилетнюю, заставила буквально вибрировать от каждой ноты. А потом в Большом, слушая сцену в казармах и уже всё зная наперед, как я надеялась, что Герман всё-таки успеет убежать из комнаты, в которой томят его тоска и ужас! Вот он бросается к двери, распахивает её и падает на пол, отпрянув от наваждения: там, в дверях, во вечно-ро-ст, в белом одеянии, высеченная театральными юпитерами, стоит старуха, пришедшая с того света, чтобы раскрыть ему тайну. И ровным голосом, на одной ноте: «Тройка, семёрка, туз!..»

Вероятно, уже не сосчитать, сколько раз в жизни довелось слушать симфонию Чайковского. Но вот поняла: когда едешь по России на машине и они звучат в записи, пространство русской природы словно вбирает их в себя, наполняясь до краев. Чудо, много раз испытанное: неразрывная связь российских полей, запахов, течения Оки, закатов, перелесков, церквушек, деревушек — с этой музыкой. Там, на вольном просторе, она звучит лучше, чем в концертном зале, таинственно и мистически принадлежит Земле, на которой зародилась.

В моей жизни Чайковский был всегда: с первых шагов и до сегодняшнего дня. Постоянно возвращаясь к одной из любимых моих программ в концертах, посвященных Чайковскому: к «Временам года»...

Издатель популярного петербургского журнала «Нувеллист» Николай Матвеевич Бернгард обратился к Чайковскому с просьбой написать двенадцать пьес — по числу месяцев в году — специально для ежемесячного опубликования их в

этом журнале в течение 1876 года. Чайковский дал согласие. Объявление-анонс, сделанное в двенадцатом номере журнала за 1875 год, сообщало читателям:

«Наш знаменитый композитор П. И. Чайковский обещал редакции «Нувеллиста» свое сотрудничество и намерен в будущем году поместить целую серию своих фортепианных композиций, написанных специально для нашего журнала, характер которых будет вполне соответствовать как названию пьес, так и впечатлению того месяца, в котором каждая из них появится в журнале».

Когда пьесы были уже написаны Чайковским и отосланы в журнал, Бернард, стремясь облегчить восприятие музыки, дал ей поэтическое истолкование в виде стихотворных эпиграфов. Круг поэтов выражает вкусы большинства интеллигенции того времени: Пушкин, Некрасов, Фет, Плещеев, Жуковский, Вяземский, А. К. Толстой, Майков, Кольцов. Композитор не возражал против поэтических эпиграфов, и со времени первой публикации они остаются неотъемлемой частью музыкального цикла.

Все, что связано с историей создания «Времен года», указывает: это произведение было обращено ко множеству людей, читающих популярный русский журнал, музицирующих у себя дома в часы досуга. Оно адресовалось тем, кто жил в разных городах и городишках, в далеких уголках России. Здесь были и уездные барышни, играющие на «расстроенных фортепиано», и одинокие мечтатели-провинциалы, предающиеся поэзии и музыке в сельской глуши. Вся неохватная глубинная Россия вслушивалась и узнавала себя в этом цикле Чайковского. Особый поэтический строй, которым мы проникаемся при чтении «Записок охотника», «Дворянского гнезда» Тургенева или повести Чехова «Моя жизнь» (рассказ провинциала), звучит для нас и в этих маленьких непритязательных пьесах. Они претендуют на концертные масштабы, напротив, камерны, доступны исполнению скромными любителями.

Преднамеренность ни в чем не стеснилась свободной творческой воли Чайковского: с гениальной простотой здесь утверждает себя независимость музыкального мышления. При этом автор отнюдь не пренебрегает иллюстративностью, милостиво позволяя ей кое-где и проявиться — но во взаимоотношениях с программой пьесы. Музыка всегда остается хозяйкой положения.

Каждая из этих «акварелей» живет особо. А все вместе они образуют целостную поэтическую панораму русской жизни, запечатленную в звуках. Место действия? Скорее всего, не столица с ее бурным и разнообразным круговоротом «мирской суеи». Нет... Здесь чувствуется тишина провинции. Бедная событиями жизни и богатый, необозримый мир поэтического, сокровенного... Тончайшее движение души, поведенные со всей искренностью и простосердечием... Близость природы, рождающая ощущение значительности даже самых мимолетных ее явлений — переживание, которого почти лишены жители больших городов.

Открываем «Времена года». «ЯНВАРЬ. У КАМЕЛЬКА».

*И мирной неги уголок
Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,
И свечка нагорела.*

Так Пушкиным начинается первая страница. Не в Михайловском ли написаны эти стихи? Уютно мечтать и размышлять одному в тиши перед камином, прислушиваясь к зимним шорохам и звукам. Внезапно и тревожно спрашивает о чем-то музыкальная фраза. Настойчивый вопрос, на который нет ответа. Знакомые интонации... Ленский! «Что день грядущий мне готовит?» И тональность та же. Здесь, на второй странице «Января», в самом начале цикла все тот же вопрос: «Что год грядущий нам готовит?»...

Перелистываем страницу. Из тишины и безмолвия сразу же попадаем в пестроту

самой тональности, мажорной, солнечной. В средней части «Подснежника» вдруг возникает вальс. Собственно, не совсем «вдруг»: возможность вальса изначально кроется в самом движении, в его трехдольности. И он естественно и закономерен возникает, словно родник, вышедший на поверхность из глубин земли:

Однообразный

*и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный...*

И так же, как в «Жаворонке», в фортепианной инструменталке «Подснежника» угадывается соло виолончели — любимцы Чайковского, инструмента, который пользовался в России большой популярностью. Обычный состав в люб-

Дом П. И. Чайковского в Клину.

многочудья: «ФЕВРАЛЬ. МАСЛЕНИЦА».

Радостная ярмарочная суета. Ряженье с их скоморошным озорством. Все вокруг нарядно, красочно — как у Кустодиева. Праздничные увеселения и катанье на тройке с бубенчиками. Блины, пироги и проводы масленицы — словом, весь разгул широкого пиршества, который непременно сопутствует масляной неделе... Тональность «Масленицы» — ре-мажор. Много лет спустя Стравинский тоже напишет свою «Масленицу» для балета «Петрушка» в ре-мажоре. Знаменательное совпадение!

Но вот отзвучал «февраль». Начинается «МАРТ», первый месяц весны, «ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА».

И рождается в звуках весенняя поэтическая элегия. Предвестник весны, жаворонок, конечно, не такая мистическая птица, как в «Лесных сценах» Шумана, с которой она тонально и мелодически перекликается, но все-таки по-своему тоже «вещая».

*Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны...*

«АПРЕЛЬ. ПОДСНЕЖНИК». Легкое, живое дыхание в первой же фразе, в

тельских концертах того времени — голос, фортепиано, виолончель — часто слышится нам в звучании пьес цикла.

Но вот уже весна в расцвете. «МАЙ. БЕЛЫЕ НОЧИ».

Какая ночь! На всем

Благодарю, родной

какая нег!

полночный край!

Как бы соперничая со строками Фета, мелодия здесь уступает место декламации, музыка звучит как прекрасно прочитанное стихотворение. В ней есть свои цезуры, восклицания, паузы. Она дышит в удивительном мире весенней майской новизны. И снова невольно вспоминаем Шумана «В сиянии теплых майских дней» (первая песня из цикла «Любовь поэта»). Пристрастие к Шуману в Чайковском очень глубоко и не случайно. Такая близость духу шумановской музыки раскрывает нам какую-то важную грань в художественном складе самого Чайковского. Быть может, это общая для обоих особая незащищенная эмоциональность, открытость души, которую мы слышим в музыке.

«ИЮНЬ. БАРКАРОЛА». Летний вечер

на воде. Мелодия на фоне мягкого покачивания волн. Этим сюжетом столько раз восхищались — бывает ли традиционнее? У Чайковского редчайший дар, прикасаясь к примелькавшемуся, увидеть в нем высшую неуловимость жизни. Какая неблекнущая свежесть восприятия — банальность для него не существует! Чайковский не над людьми, а среди них; и потому, наверное, красота естественности, поэзия «обычного» не увядает в его музыке.

Четыре пьесы — «Март», «Апрель», «Май», «Июнь» — объединены сходным настроением — они мечтательны, погружают нас в созерцание природы. В контраст к ним следующие три написаны совсем в ином ключе: несколько не томление — действие!

«ИЮЛЬ. ПЕСНЯ КОСАРА». Лубочно нарисованная, разукрашенная фигура молодого крестьянина. Характер лукавый, разудалый, разбитой — звучат дробно и четко плясовые ритмы. Пьеса задумана очень своеобразно. В ней есть намеренная однозначность образа, чисто жанровая, изобразительная, без внутреннего развития. Это вообще типично для Чайковского, когда он обращается к народной теме.

Следующая пьеса еще более активна, энергична. Август — время полевых работ. **«АВГУСТ. ЖАТВА».**

Эпиграф деловито описывает производственный процесс. Сама же пьеса Чайковского словно рассказывает иное, нежели стихи Кольцова. В ней звучат напряжение и тревога. Драматичное столкновение: один ритм борется с другим. Есть что-то безудержное в безостановочном движении, ведущем к взрыву — завершению. И сразу же возникает новое состояние: подчеркнутая монотонность мелодии, ритма. Все стихло...

Еще одна страница календаря и перед нами — **«СЕНТЯБРЬ. ОХОТА».**

Пора, пора! Рога трубят... Музыка воспринимается как симфоническая картина, переложенная для рояля. Фортепианная фактура очень близка оркестру. «Рога» действительно «трубят» весьма помпезно и призывно. В авторском ощущении тональность есть парадность, победоносно гремят фанфары «Охоты»... Но вот они отзвучали... Тишина.

И нечто совсем другое предстает перед нами в следующей пьесе. Словно вся жизненная энергия «Охоты» сменилась вдруг умиранием, угасанием. «Унылая пора, очей очарованье...» — написал А. Пушкин. И вот уже сколько «осенних» русских стихов возникло с тех пор, а «очей очарованье» царит в душе по-прежнему неодолимо, как некое магическое сцепление слов, которых забыть нельзя!

«ОКТАБРЬ. ОСЕННЯЯ ПОРА». Осень природы. Осень жизни. Настроению этой музыки очень близок романс Чайковского «Снова, как прежде, один» с его глубоко

личной интонацией печали и одиночества. И опять виолончель в диалоге с голосом обволакивает душу теплым и глубоким тембром. А дальше, словно из «тьмы былого», постепенно возникает вальс. Медленный, нереальный в своей вкрадчивости, проплывает он перед нами, как видение минувшей юности, как давно забытый женский образ. Поначалу улыбочный и счастливый, он звучит все безнадежнее, все печальнее. И опять резкая смена настроения (и тональности).

«НОЯБРЬ. НА ТРОЙКЕ». Как же выразить в музыке образ тройки? Образ, ставший почти что символом самой России! Тут и Гоголь продолжает свой бесконечный монолог о тройке. Тут и Некрасов подсказывает: «Не гляди же с тоской на дорогу и за тройкой во след не спеши...»

Казалось бы, это одна из наиболее иллюстративных пьес цикла. Здесь и колокольчик, и резвые лошади в упряжке, цокающие копытами, — все как на картинке. Но при всем том какое замечательное подтверждение полной независимости творческого гения Чайковского! В пределах заданной программы создан абсолютный шедевр.

Мы перелистываем еще одну страницу, и перед нами наконец последний, двенадцатый номер цикла. **«ДЕКАБРЬ. СВАТКИ».**

Здесь вальс звучит уже не тайно, сокрытый внутри пьесы, а явно, самим автором узаконенный в обозначении темпа... Один из милых сердцу с детства знакомых вальсов Чайковского. Характерная ритмическая особенность: мелодия всякий раз начинается со второй доли. На первую долю приходится пауза — вздох перед началом мелодии. Именно эти постоянные «паузы-вздохи» придают настроению всего вальса какую-то старомодную наивность, что-то вернувшееся из воспоминаний, патриархальных и идиллических.

Поэтичность вальса несколько не мешает ему быть повседневным, непритязательным, как бы будничным. Это «обыкновенный» вальс не для роскошного придворного бала, но уютный, трогательный, домашний. Заключительная часть вальса выделена Чайковским в отдельное построение: фактически это ведь уже завершение всего цикла. Последний месяц прошедшего года — предновогоднее прощание. И в последнем такте — три изящных, почти невесомых аккорда, хрупких и прозрачных, как росчерк легкого пера... Что-то вроде росписи автора при окончании задуманного произведения.

Итак, идея Бернарда была осуществлена Чайковским. Заказ выполнен. Родился на свет новый музыкальный опус — 37-бис: «Времена года», 12 характеристических пьес. Дальше все развивалось закономерно. Произведение Чайковского дошло до своих адресатов.

Повсеместная известность «Времен года» все увеличивалась и разрасталась, пока не стала в подлинном смысле слова всенародной. Сегодня это «хрестоматийная» русская музыка, звучащая везде и всюду. Возникли великие исполнительские интерпретации... Рахманинов, Игумнов, традиции, которые нам бесконечно дороги и

по сей день. Но сейчас цикл «Времен года» слышится для нас уже неуловимо другим, чем это было в эпоху Рахманинова и Игумнова. Что-то меняется, поворачивается временем, читается иначе. И процесс этот бесконечен. Очевидно, открывая цикл Чайковского, музыканты в поисках сегодняшнего прочтения преодолевают вторичность отношения к этой чересчур знакомой музыке. Хочется услышать во всей чистоте автограф.

Музыкальный язык Чайковского напоминает нам скромную, неяркую по краскам русскую природу, тоже очень «немного-словную». Но именно «немного-словные» Чайковского составляют порой для профессионального пианиста трудность почти непреодолимую. В пьесах этих нет той фортепианной плоти, за которую может легко спрятаться душевная пустота, прикрывшись виртуозной импозантностью. Поэтому духовный мир музыки здесь нужно донести не внешне, но изнутри, все чисто внешние проявления выразительности немедленно оборачиваются в ней фальшью. Есть и еще одна специфическая особенность. По своей изначальной идее этот цикл требует камерности, уюта, доверительности, «мягкого света». Мы живем в эпоху массового музыкального потребления: пластинки, радио, телевидение. Но вся музыкальная «синтетика» не может заменить собой живого голоса инструмента. Возникает ностальгия по подлинному звучанию в камерной обстановке. Чайковский возвращает нам почти утраченный мир уютного музицирования, тишины, душевной сосредоточенности... Его музыка идет навстречу нашим ретроспективным тяготениям, словно угадывая их...

«Это был стеклянный ребёнок...»

Воспоминания гувернантки
П. И. Чайковского

В детстве у Петра Ильича была гувернантка Фанни Дюрбах, уроженка Франции, хорошо знавшая и немецкий язык, специально подготовленная к педагогической деятельности, строгая протестантка. Она оказала очень большое влияние на Петра Ильича, ее любили все члены семьи Чайковских. Ее воспоминания и письма дают нам возможность представить детство композитора, особенности его характера, приблизиться к пониманию его личности, последующих драматических моментов его биографии.

Надо сказать, что когда Фанни пригласили в дом Чайковских в Воткинске для занятий со старшими детьми, Петру Ильичу было только четыре с половиной года... Но мать должна была уступить его слезным мольбам и разрешить приходиться в класс. Очень скоро он начал в учении старших детей. Шести лет он свободно читал, по-французски и по-немецки, успевал и у учителя, занимавшегося с детьми русским языком.

Как строила свои занятия Фанни?

Она пишет: «У меня образовался очень прилежный маленький класс. У нас были свои правила, и каждый из детей старался получить лучшую отметку без всякой зависти друг к другу. Оказавшийся первым был счастлив получить в воскресенье красный бант.

Кроме книги «Материнское воспитание» мадемуазель Амабль Тастю, у нас также было «Семейное воспитание» мисс Эдгеворс в нескольких томах. Для естественной истории мы имели маленький иллюстрированный экземпляр Бюффона. Для чтения — сказки Гизо, игумена Шмитта и мои классные книги, которыми я тоже пользовалась. Один том, особенно любимый нами, который мы читали и рассказывали по вечерам в субботу, был «Знаменитые дети» Мишеля Массона... Что касается учебных книг, у нас были еще география и атлас Мейсес и Мишле; тогда они служили нам, но теперь, и даже значительно раньше, их заменили в школе другими. Для немецкого языка мы следовали методу Д'Ана, также исчезнувшей теперь...»

Среди всех детей Фанни выделяла Петечку. «В классе нельзя было быть старательнее и понятливее, во время рекреации же никто не выдумывал более веселых забав, во время общих чтений для развлечения никто не слушал внимательно, а в сумерки под праздник, когда я собирала своих питомцев вокруг себя и по очереди заставляла рассказывать что-нибудь, никто не фантазировал прелестнее. Этих чудных часов нашей жизни я никогда не забуду. В будничном общении с ним его любили все, потому что чувствовал, как он любил всех. Впечатлительность его не было пределов, поэтому обходиться с ним надо было очень осторожно. Обидеть, задеть его мог каждый пустяк. Это был стеклянный ребенок. В выговорах и замечаниях (о наказаниях по отношению к нему я речи не было) то, что другие дети пропускают мимо ушей, у него глубоко западало в душу и при малейшем усилении строгости расстраивало так, что становилось страшно. Однажды я, по поводу скверно сделанной обоими братьями задачи, упрекала их и между прочим упомянула о том, что жалею их отца, который трудится, чтобы зарабатывать деньги на воспитание детей, а они так неблагодарны, что не ценят этого и небрежно относятся к своим занятиям и обязанностям. Николай (старший брат П. И.—Ред.) выслушал это и нисколько не с меньшим удовольствием бегал и играл в этот день с командой подчинявшихся ему мальчишек, а Пьер оставался весь день задумчив и вечером, ложась спать, когда я сама забыла о выговоре, вдруг разрыдался и начал говорить о своей любви к отцу, оправдываться в несправедливо возводимой неблагодарности на него. Говорю вам, что его нельзя было не любить, потому что он всех и все любил. Все слабое и несчастное не имело более горячего защитника. Однажды он услышал, что кто-то собирается утопить котенка. Разузнав, кто был изверг, замышлявший такое страшное злодеяние, он вымолил пощаду. Затем поспешил в кабинет к отцу, у которого сидели деловые люди, и, думая, что другого разгово-

ра в доме, как о котенке, и быть не может, с торжеством успокоил их, сообщив радостную весть «спасения».

Фанни заметила, что мальчик тянет к фортепиано, но его увлечение музыкой она не поощряла. «В будни, с 6 часов утра, все время было строго распределено, и программа дня исполнялась пунктуально. Так как свободные часы были очень ограничены, то я настаивала, и по этому поводу у меня всегда были пререкательства с Пьером, которого постоянно после уроков тянуло к фортепиано. Впрочем, слушался он всегда легко и с удовольствием бегал и резвился с другими. Но постоянно надо было наводить его на это. Предоставленный сам себе, он охотнее шел к музыке, принимался за чтение или за сочинение стихов».

Одна из причин, почему Фанни не поощряла музыкальные склонности ребенка, заключалась в боязни за его здоровье. Музыка действовала на него не как на других детей: после фантазирования на фортепиано он становился рассеянным, взвинченным. Однажды у Чайковских были гости, было очень шумно, звучало много музыки. Дети все время были со взрослыми. Веселый и оживленный вначале, Петя к вечеру утомился, ушел наверх, в детскую. Когда Фанни пришла его проведать, то увидела, что он не спит, лицо у него возбужденное, видно, что плакал. На вопрос, что с ним, отвечал: «О эта музыка, музыка!» Но все было тихо, никакой музыки не было слышно. «Избавьте меня от нее! Она у меня здесь, здесь, — рыдая и указывая на голову, говорил мальчик, — она не дает мне покоя!»

Поскольку в 1846 году семья Чайковских переехала в Москву, где старшие дети должны были поступить в различные учебные заведения, с Фанни Дюрбах пришлось расстаться. Покинув Россию в 50-х годах она продолжала учительствовать. До конца жизни она хранила детские тетради и письма своего любимого ученика Пьера. За год до своей смерти Петр Ильич навещал ее и, увидев бедность обстановки, умолял принять от него постоянное денежное пособие. Но Фанни отказалась, отказалась она и второй раз, когда в 1894 году ее навещал Модест Ильич Чайковский. «Мне ничего не нужно более того, что я имею», — отвечала она.

Н. КАТИНА

Песня Ротшильда

Историки культуры, обращая свой взгляд на русское искусство второй половины XIX века, как правило, сближают три имени: Чайковский, Чехов, Левитан. Действительно, есть много общего у этих художников, работавших каждый в своей области. Особенно близки первые два — Чайковский и Чехов.

Удивительно, но они были даже внешне похожи, несмотря на разницу в двадцать лет. Вот фотография П. И. Чайковского в 1860 году. В то время он уже окончил Училище правоведения и поступил

в музыкальные классы при Русском музыкальном обществе. Усы и борода, копна волос, откинутых назад... Сходство с портретами молодого Чехова бросается в глаза. Та же открытость в лице, тот же мягкий взгляд, чуть приспущенные веки... Или вот фотография 1890 года: Петр Ильич в пенсне и шляпе сидит вместе с супругами Фигнер, солистами Мариинского театра, на ступеньках своего дома в Клину. Можно и ошибиться, приняв его за Антона Павловича, позирующего вместе с гостями перед фотографом-любителем в годы, когда писался «Вишневый сад»...

Все, кто вспоминал о встречах с Чайковским, подчеркивают: он мгновенно пленял простотой и изяществом и своих манер, и всего облика. Может, он и любил свою славу, но никак не выказывал этого на людях, оставаясь скромным, без всякой капли высокомерия. И это не было чем-то внешним, напускным. По его письмам видно, что, осознавая свое призвание, он часто был неуверен в себе, а неудачи приводили его просто в отчаяние.

Можно подумать, что Чайковский и Чехов были родственными натурами. Это заметил Сергей Васильевич Рахманинов. «Он (Чайковский) был одним из самых обаятельных художников и людей, которых я когда-либо встречал», — говорил Рахманинов. — Он отличался необычайной деликатностью ума. Он был скромнее, как скромны все истинно великие люди, прост, как мало что бывает (я встречал одного человека, который на него походил, и это был Чехов)».

Интересны такие особенности: в своей компании и в хорошем настроении Чайковский был остроумен, весел, становился душой общества, среди незнакомых же людей стеснялся, не любил публичных выступлений. Известно, как он волновался, когда приходилось дирижировать. Одно время в этом проявлялось что-то болезненное. Ему казалось, что у него отвалится голова, и когда он дирижировал, левой рукой держался за бороду, придерживая голову. Дело доходило до случаев совершенно анекдотических. После концерта в одном из немецких городов Чайковский решил пройти по улице, отдохнуть в одиночестве. И вдруг его окликнула какая-то дама: «Петр Ильич, вы ли это?». «Вы ошиблись, сударыня, я не Чайковский!» — ответил композитор, ускоряя шаг.

Известно, как не любил юбилеев Чехов, как никогда не участвовал в публичных чтениях, хотя обладал незаурядным актерским талантом и в своем «домашнем театре» был всегда неотразим, заставляя всех присутствующих кататься от смеха до колик. Но, наверное, он был более выдержан, чем Чайковский, потому что стоический переносил наставление незнакомых людей в Мелихово, а потом и в ялтинский дом, по деликатности не умея найти предлога, чтобы отказать от встречи.

Два таких похожих человека не могли не понравиться друг другу, но едва ли их отношения могли перерасти в дружбу. Так было и на самом деле.

Познакомились они в декабре 1888 года в петербургском доме брата Петра Ильича Модеста, уже будучи очень расположенны

Музыкальный Клуб

друг к другу. Известно письмо Чайковского 1887 года, в котором он замечает: «Вчера меня совершенно очаровал рассказ Чехова в «Новом времени». Не правда ли, большой талант?» Это был рассказ «Письмо» (дьякон посылает сыну безбожнику строгое письмо, а в конце делает приписку, которая всю строгость снимает). Знакомого критика Чайковский спрашивает, кто такой Чехов и что он еще написал. Потом, еще до знакомства, пишет Антону Павловичу на адрес редакции. К сожалению, письмо затерялось.

О первой встрече двух художников воспоминаний никто не оставил. Но, по-видимому, она произвела сильное впечатление на Антона Павловича: готовящуюся книжку рассказов «Хмурые люди» он решил посвятить Чайковскому. Он писал композитору: «...это посвящение, во-первых, доставит мне большое удовольствие, и, во-вторых, оно хотя бы немного удовлетворит тому глубокому чувству уважения, которое заставляет меня вспоминать о Вас ежедневно». А в конце письма добавил: «Если вы вместе с разрешением пришлете мне свою фотографию, то я получу больше, чем стою...»

Вместо ответа Чайковский пришел к Чехову (в дом на Садово-Кудринской) с визитом. Вот как об этом рассказывает Мария Павловна, сестра писателя: «Брат принял его внизу в своем кабинете. Петр Ильич принес свою карточку с надписью: «А. П. Чехову от пламенного почитателя П. Чайковский. 14 окт. 89». Эта фотография всегда находилась в кабинете брата, где бы мы ни жили... Я не присутствовала во время их разговора. Но со слов Антона Павловича знаю, что Петр Ильич предложил ему написать либретто для новой, задуманной им оперы «Бэла», в основу которой должен быть лечь сюжет лермонтовской «Бэлы»...

Разве не откровенное поклонение и почти юношеская восторженность в словах Чехова из письма к Модесту Ильичу?: «Я готов стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич, до такой степени я уважаю его. Если говорить о рангах, то в русском искусстве он занимает теперь второе место после Льва Толстого, который давно уже сидит на первом».

Не в характере Чехова было объяснять свое отношение к кому бы то ни было. Заметьте — ему становится как бы неудобно от собственного восторженного тона, и он прибавляет фразу о рангах в искусстве, то есть все сводит к пониманию масштабов дарования и значения композитора в русском искусстве.

Но ведь в конце восьмидесятых годов Чайковский был всемирно знаменит, среди студентов, курсисток была масса его обожателей и поклонниц. Чехов как бы хочет внушить Модесту, что в своем отношении он ничем не выделяется из этой массы, в некотором смысле как бы

выражает это всеобщее обожание...

На самом деле, в природе, в сути чеховского отношения к композитору едва ли было много общего с обожанием курсисток. Вспомним, что Лев Толстой Чайковского не любил, в заметках, дневниках Достоевского, в воспоминаниях Анны Григорьевны Достоевской имя Чайковского не упоминается. Путь этих комет был рассчитан так, что встречи не произошло.

Кто-то хорошо сказал, что «художественный реализм определяется глубиной биографического отпечатка». Именно эта глубина становится движущей силой художника, именно она толкает его на новаторство и оригинальность. Несомненно, что-то родственное было в натуре Чехова и Чайковского; в чем-то совпадал

чеховского, упоминается в произведениях Чехова достаточно редко. В ремарке перед третьим действием пьесы «Леший» Елена Андреевна играет арию Ленского из «Евгения Онегина». Войницкий, прислушиваясь, говорит: «Моя любимая вещь». В повести «Моя жизнь» Маша исполняет романс Чайковского «Ночь»: «...Отчего я люблю тебя, светлая ночь? ... У него был хороший, сочный, сильный голос, и, пока она пела, мне казалось, что я ем спелую, сладкую, душистую дыню...» В «Рассказе неизвестного человека» Грузина играет две пьесы Чайковского (в первой редакции упоминались «Времена года»). «Лицо у него (Грузина) было такое, как всегда — не умное и не глупое, и мне казалось просто чудом, что человек, которого я привык видеть среди

А. П. Чехов. 1889 г.

П. И. Чайковский.
1863—1864 гг.

П. И. Чайковский
с супругами Фигнер.

и тот биографический отпечаток, который определял движение их творчества. И само движение развивалось по законам, имеющим много общего.

Будучи внутренне очень одинокими людьми, они обрадовались возможности вырваться, прорвать роковой круг. Но, по-видимому, это было невозможно. В следующем году Чехов уехал на Сахалин, потом путешествовал с Сувориным по Италии, Франции. Почти не жил на одном месте и Чайковский. Жизнь разводила их, а в 1893 году Чайковский неожиданно умер.

Возможно, творчество могло бы нам помочь понять то особенное, что притягивало этих двух людей. Но имя Чай-

самой низменной, нечистой обстановки, был способен на такой высокий и недостижимый для меня подъем чувств, на такую чистоту», — рассуждает герой повести.

Есть у Чехова один рассказ, принадлежащий к числу самых сильных — «Скрипка Ротшильда». Казалось бы, к теме нашего разговора он никакого отношения не имеет. Герой его по прозвищу Бронза — гробовщик. Небольшой доход приносила ему игра на скрипке, когда его приглашали в оркестр играть на свадьбах. Сначала у Якова умирает жена, потом и сам он умирает. Перед смертью он зовет бедного еврея, который по иронии судьбы носил фамилию Ротшильда и зарабатывал на свадьбах игрой на

флейте, просит послушать песню, что сочинилась в думах о пропавшей жизни, прошедший без всякой пользы, и завещает ему свою скрипку. После его смерти Ротшильда наперебой приглашали чиновники и купцы, чтобы сыграл он им эту бесконечно печальную песню, и все плакали.

Это — всего лишь схема рассказа, напоминание, фабульная основа. Смысл его не определяется фабулой. В сущности это реквием, моление о человеке, о даровании ему прощения, обращении не столько к небу, сколько к людям...

Рассказ был напечатан в газете «Русские ведомости» 6 февраля 1894 года. История создания его знаменательна. В записной книжке Чехова в январе 1893 года появляется запись, которая представляет

сцену, но если бы рассказ по этой разработке был написан, это был бы другой рассказ. Обычно проходили годы, а иногда и десятилетия, прежде чем тот или иной чеховский замысел или набросок превращался в рассказ или пьесу. Так было и на этот раз. Что помогло его рождению? Может быть, скрипка, которая висела в комнате отца (а то, что Яков Бронза был «родственен» Павлу Егоровичу — несомненно)... Но, может быть, и другое...

25 октября 1893 года умирает Чайковский. Известие застало Чехова в Москве, куда он приехал на несколько дней из Мелихова. Он посылает Модесту Ильичу телеграмму: «Известие поразило меня. Страшная тоска... Я глубоко уважал и любил Петра Ильича, многим

Петербурге, дирижировал сам Чайковский. Говорили, что на 4 декабря было назначено исполнение в Москве и Петр Ильич должен был приехать в Москву... В журнале «Артист» готовилась большая статья о творчестве композитора и о его последнем создании. Заранее было ясно, что симфония будет названа «лебединой песней». Это — высшее и несравненное произведение композитора, хотя и неожиданное по форме. Говорили, что программа симфонии, хотя и не предпослана композитором, но воспринимается довольно отчетливо: жизнь и смерть человека. В сущности, это реквием...

Ждали: отменял или не отменял исполнение Шестой симфонии в Москве. Не отменили. Четвертого декабря премьера состоялась, дирижировал В. И. Сафонов.

собой первоначальный вариант рассказа. «Гроб для Ольги». Она умрет дня через три, но он спешит с гробом, потому что завтра и в следующие за тем дни — праздник, например Пасха. На 3—4-й день она все-таки не умерла: приходят покупать гроб. Он, находясь в неизвестности, продает, она умирает. Он бранит ее, когда ее похоронят. Когда она умирает, он записывает гроб в расход. С живой жены снял мерку. Она: «Помнишь, тридцать лет назад у нас родился ребеночек с белокурыми волосиками? Мы сидели на речке». После ее смерти, он пошел на речку: за 30 лет верба значительно выросла».

Разработка сюжета достаточно закон-

ему обязан. Сочувствую всей душой. Чехов».

О смерти Чайковского было очень много разговоров в том кружке, к которому принадлежал Чехов (Лика Мизина, Варя Эберле, Таня Шепкина-Куперник, редакция журнала «Артист» во главе с обожавшим Чехова Куманиным). Многие не верили в смерть от холеры и вспоминали предчувствия Петра Ильича, то, как он говорил о том, что им законченной Шестой симфонии: «Мне кажется, я ничего не буду в состоянии написать после этой симфонии: это мое последнее произведение». Никто не слышал еще последней симфонии, потому что она была исполнена только один раз 16 октября в

Был ли на этой премьере Чехов? Точных сведений нет. Можно предположить, что он мог там быть. По письмам известно, что в этот день он был в Москве. 19 декабря 1893 года он пишет Суворину, что в январской книжке «Русской мысли» тот сможет прочитать его рассказ «Бабы царство», а в январской книжке «Артиста» — повесть «Черный монах». «Засим я хочу наградить русскую публику еще многими произведениями, но так как они не написаны или же еще только начаты, пока еще умолчу о них».

По всей видимости, умалчивает Чехов именно о «Скрипке Ротшильда». Толчком для создания рассказа могла послужить

Чайковский в кругу родных

музыка Чайковского.

Что общего между этими созданиями, между неистощимым обилием, страстной прелестью, блистательной энергией мелодических тем симфонии, изысканным богатством ее оркестровки и убого-печальной песни гробовщика, которая в игре Ротшильда звучала еще печальнее? Случалось так в истории искусства, что мысль, начатая одним художником, договаривалась другим. Неважно, какими сред-

В эпистолярном наследии П. И. Чайковского переписка с родными занимает особое место, ибо охватывает почти всю жизнь композитора.

В письмах к родным — его улыбки и слезы, радости и муки творчества.

Письма Петра Ильича полны искренности, как интимный дневник. Они как бы продолжение личной беседы с родными, прерванной разлукой. В них и трагическая история женитьбы Петра Ильича, и история создания его шедевров, и сила любви навсегда лишенного собственной семьи Чайковского, перенесенная на сестру и братьев.

ством моего сердца. В грустные минуты жизни мне только стоит вспомнить о них, — и жизнь делается для меня дорога. Я по возможности стараюсь для них заменить свою любовь ласки и заботы матери, которых они, к счастью, не могут знать и помнить, и, кажется, мне это удается». (Мать Чайковского умерла от холеры в 1854 году и он мучительно переживал ее смерть. — *Ред.*)

Спустя 15 лет, в письме к Н. Ф. фон Мекк от 23 ноября 1877 года, Чайковский так объясняет свое отношение к близнецам: «Меня соединяет с ними одна из тех привязанностей, которая и между братьями встречается редко. Конечно, я не был для них матерью, но с самой первой минуты их сиротства хотел быть для них тем, что бывает для детей мать. И с тех пор между мной и ими образова-

Семья Давыдовых. Во втором ряду Вера Львовна Давыдова, племянница Петра Ильича, Александра Ильинична, сестра Петра Ильича, Лев Васильевич Давыдов, Анна Львовна, племянница Петра Ильича.

Братья Петра Ильича Модест и Анатолий.

П. И. Чайковский с племянником В. Л. Давыдовым. 1892 г.

ствами они пользовались. Они понимали друг друга так, как это недоступно другим смертным. Нам остается только поражаться их пониманию, их близости в решении самых важных вопросов бытия — жизни и смерти, их отношению к искусству, к музыке как, может быть, к единственной возможности оправдания для человека...

Л. ОСИПОВА

А братьев у Чайковского было четверо: Николай — на два года старше Петра, Ипполит — на три года моложе, затем два брата-близнеца, Модест и Анатолий на десять лет моложе композитора. Николай — инженер-путеец по профессии, Ипполит — моряк. С Николаем и Ипполитом у Петра Ильича сохранялись дружеские, но чисто внешние отношения. Переписка с ними была эпизодичной и преимущественно «семейной».

Иной характер носит переписка с младшими братьями. О своем отношении к ним Чайковский писал, когда им было еще по двенадцать лет: «Привязанность моя к этим человечкам... с каждым днем делается больше и больше. Я внутренне ужасно горжусь и этим лучшим чув-

ствии такого рода отношения, что как я люблю их больше самого себя и готов для них на всякую жертву, так и они беспредельно мне преданы».

Отношение Петра Ильича к Модесту и его воспитателю Коле Конради, глухонемому ребенку, вызывает умиление и восхищение добротой и милосердием композитора. Чайковский, вынужденно скрывая от отца всю правду о разрыве с женой, страдающий и тоскующий, все свое внимание и любовь переносит на брата и Колю. Устраивает их поездку за границу, где уделяет им массу времени и внимания. Он радуется уму, доброте, нежности глухонемого девятилетнего ребенка, его привязанности к Модесту. Получив депешу от Модеста из Милана, что Коля заболел,

Чайковский (в Генуе) с его способностью видеть всякие невзгоды в увеличенном объеме сейчас же вообразил себе ужасную картину. Не спав всю ночь, он уже с утренним поездом помчался в Милан. И только когда убедился, что Коля легко простудился, успокоился наконец.

В письме к фон Мекк из Сан-Ремо от 13 января 1878 года Чайковский писал, что Коля до бесконечности радуется его. Несколько позже (5 марта 1878 года) Петр Ильич пишет Мекк о своем отношении к Модесту: «Сколько нужно было ума, терпения, характера, такта, любви, чтобы довести, правда, богато одаренного от природы, но глухонемого и выросшего в самой неблагоприятной среде мальчика до того состояния, в котором он находится теперь. Это просто подвиг,

был готов провести отпуск вместе с ними, мечтал и представлял, как вся семья соберется в лесу у костра. Он — в кругу родных на пригорке. На траве — скатерть с самоваром, хлебом и маслом. Вдали отдыхают лошади. Запах сена. Слышатся милые детские голоса.

Однажды, в отсутствие хозяйки дома, в семье Давыдовых остро и тяжело (круп) заболел маленький Юрий. Петр Ильич на время сделался главой дома, ведь не было не только сестры и зятя, но и старших племянников. Мальчик плакал, кричал, кашлял, и это было суровым испытанием для Петра Ильича, с которым он сумел справиться. Появившийся на следующий день доктор одобрил все принятые ночью меры. И все же вскоре в письме к фон Мекк Чайковский посетовал: «Я сделался на время главой

Находясь в поездках за границей, Чайковский использовал всевозможные способы для получения известий о здоровье всех членов семьи Давыдовых, и прежде всего сестры Александры. И члены семьи Давыдовых не упускали случая сделать приятное Чайковскому.

Давыдовы знали о страсти Петра Ильича к ландышам. По этому поводу между Петром Ильичом и Модестом, тоже любителем цветов, часто возникали споры. Модест стоял за фиалки, а Петр — за ландыши. Прогулки по лесу были для Чайковского чудными минутами, ни с чем не сравнимыми и не поддающимися никакому описанию. Зная любовь Петра Ильича к поре цветущих ландышей, его племянница Вера, о чем Чайковский пишет в письме к фон Мекк, 20 апреля 1882 года специально послала ему телеграмму из трех

перед которым я преклоняюсь».

Чайковский сохранил с детства сильную привязанность к сестре Александре. Она была единственная из семьи, с полуслова всегда его понимавшая. Ей, любимой сестре, Чайковский поведал свои сокровенные мысли: «Рано или поздно, но я променяю службу на музыку...» А сестра, вопреки мнению отца и старшего брата Николая, верила в призвание Петра как композитора.

Отношения Чайковского с сестрой не только не порвались, но и укрепились после замужества Александры и ее переезда в Каменку Киевской губернии. Каченка стала как бы родным домом Чайковского. Отвечая Саше и ее детям привязанностью и любовью, Чайковский всегда

дома, и меня тяготит ответственность за здоровье детей».

Забота о здоровье сестры Саши часто звучит в письмах Чайковского: «Почти девять десятых своей жизни она больна, а между тем, как только освободится от страданий, предается кипучей домашней деятельности и успевает сделать так много, как и многие здоровые не сумеют». Чайковский сопереживает болезни и страданиям любимой сестры, сокрушаясь, что они не живут вместе в Москве. «В трудные минуты мысль всегда инстинктивно вращается в тебе; думаешь себе «уж если очень плохо придется, пойду к ней»; или: «сделаю так, Саша непременно так посоветовала»; или: «не написать ли ей? Что она скажет?»

слов: «Ландыши расцветают. Вера». Это был сигнал для незамедлительной поездки Петра Ильича в деревню, на отдых. И Чайковский, испытывая постоянное стремление к семейному уюту, любящий детские голоса, тотчас отложил все дела и выехал в Каменку.

В последние годы жизни Петр Ильич был в переписке с племянником Владимиром Львовичем Давыдовым, посвятил ему Шестую симфонию и сделал его своим наследником. После кончины композитора Владимир Львович с Модестом Ильичем принимал участие в создании Дома-музея П. И. Чайковского в Клину.

М. ЖИЛИНСКАЯ

игрушки-самоделки

Корабль
контролёра мифов

Не удивляйтесь, оказывается, есть и такое судно — точная копия древнегреческой монеры, то есть судна с одним рядом весел, получившего свое название в честь легендарного «Арго». Так назывался корабль мифологического героя Ясона, который вместе со своими спутниками, аргонавтами, отправился из Греции в далекую Колхиду в поисках золотого руна. Новый «Арго» был построен, чтобы повторить это плавание, и замысел его принадлежал известному ирландскому исследователю Тиму Северину, который до этого уже успел пройти на арабском буме «Сохар» по следам Синдбада-морехода, а на кожаной лодке «Брендан» пересечь Атлантику. В каждом из этих плаваний он ставил перед собой задачу проверить, насколько древние мифы соответствовали реальности, за что и получил от одной французской газеты прозвище «контролёра мифов». «Арго» и его отважный шкипер были гостями нашей страны.

Судно это чрезвычайно интересно как памятник древним мастерам и древним мореходам. Поэтому мы предлагаем изготовить его несложную модель из бумаги. Построенный в 1984 году «Арго» так же, как и его древние предки, был сделан без единого гвоздя, все доски его обшивки скреплялись деревянными круглыми нагелями, у которых в старину подпиливались концы. А в такой распил греки обычно вбивали небольшие клинья из древесины акации, сливы или тёрна, крепление при этом получалось очень надежным. Но при строительстве нового «Арго» от этого способа отказались, посадив все крепления на эпоксидную смолу,

Мачта

отпоры рулевых
весел

стойки

крам воли

крепление
рулевого
веслакрепление
паруса

120 мм

парус

фигура
украшающая
парускрепление
лопастей
рулевого
веслакрепление
рей
на мачту

парус

что для проверки древнего мифа не имело принципиального значения.

Ширина судна, как и было когда-то, составляла примерно одну шестую длины, палубы не было, были только банки для гребцов, прямоугольный парус на рее, вместо руля — два кормовых весла, а в носовой части — таран в виде дельфиной головы. Обожествляя дельфина, греки придавали своим судам форму тела этих животных, а чтобы корабли могли «видеть», рисовали им «глаза».

Первоначально судно Тима Северина имело желтый корпус, черную носовую оконечность, красные бархоуты — полосы бортового усиления, а также три красные фигуры воинов на парусе. Вдоль носовой и кормовой оконечностей бортов проходила белая полоса, по которой был нанесен зубчатый орнамент черного цвета.

В мае 1985 года обновленный после своего плавания в Колхиду «Арго» отправился в новую экспедицию, на этот раз по следам Одиссея, возвращавшегося домой от стен поверженной Трои. У Гомера слово «корабль» часто сопровождается эпитетами «пурпуровый», «чернобокий», «пестрый». Корпус судна сделали черным, за исключением носовой части — в этом месте, где на ней нарисованы глаза, она была окрашена сурриком в красный цвет. Акростоль — традиционный завиток на корме — остался желтым, а на парусе появилось новое изображение — мужской чернородный профиль, типичный «древний грек».

Модель «Арго» можно сделать как из цветной бумаги, так и из бумаги рисовального альбома, окрасив модель уже после сборки. Корпус модели второго варианта можно целиком вырезать из плотной черной бумаги, из которой обычно делаются конверты для фотобумаги.

Сначала вырезается корпус модели, который нужно перегнуть пополам и склеить в районе носа и кормы, вставив в носовую часть картонную вкладку толщиной 1 мм. Затем из желтой бумаги вырезается палуба, разгибается фломастером под дощатый настил, наклеивается на картон толщиной 1 мм и вырезается вместе с ним.

Готовая палуба вставляется в качестве распорки в корпус модели и приклеивается, после чего необходимо с внутренней стороны борта наклеить упрочняющие ограждение стойки из картона, а с внешней стороны — бархоуты. Затем вклеивается кранбол, служивший для подвешивания и отдачи якоря, — рейка квадратного сечения длиной 50 мм. Несколько короче —

40 мм — опоры рулевых весел, крепление древков которых (их длина 60 мм) показано на рисунке. Они, а также мачта длиной 130 мм и рей — длиной 125 мм делаются из соломинок. Крепление паруса и лопастей рулевых весел выполняется в расщеплах соломинок, которые нужно сделать лезвием безопасной бритвы; рей к мачте вместе с парусом следует просто привязать нитками.

Паруса модели для обоих вариантов имеют одинаковые размеры и отличаются только рисунком. В первом случае на него переводятся фигуры трех воинов, которые нужно раскрасить красным фломастером, во втором — изображение головы мужчины. Остается натянуть такелаж — нити, поддерживающие мачту, рей и парус, и покрыть модель любым водостойким лаком или даже клеем БФ-2. Если же вам захочется, чтобы она еще и плавать могла, то загрузите ее балластом, положив под носовой и кормовой помосты рыболовные грузила или кусочки свинца. Закрепите клеем балласт, чтобы он не сдвинулся с места, и можете запускать свой «Арго» в его первое плавание.

В. ШПАКОВСКИЙ,
г. Пенза

календари

Сердце весны

(Что мы знаем о мае)

Май — самый бурный весенний месяц, период подлинного расцвета всего живого. Историки считают, что предлагаемая ему имя *майус*, первый римский царь Ромул отдавал дань старейшим сената, так как слова *майф*, *майор*, *майестас* в переводе с латинского означают «большой», «большой», «высокий». По этой версии месяц вершины весны посвящался мудрости долгожителей.

По другой версии древние римляне нарекли этот месяц в честь мифологической покровительницы женщин, богини обольщения, плодородия, вешнего обновления земли — древнеиталийской богини земли Майи. Недаром весна представляется нам красавицей в венке из цветов. Май — месяц цветов и любви.

Однако другое предположение отсылает нас к еще одной Майе, жрице богини земли — Доброй богине, а не к самому мифологическому божеству. Но спор на этом не заканчивается. За приоритет борется третья Майя — мифологическая нимфа гор, дочь Атланта. В мае горы в Греции покрываются налетом нежной зелени. По-гречески Майя — мать, кормилица, на Востоке — прародительница, мать мира.

В мае земля надевает свой лучший наряд. Это увековечено в древнеславянском наименовании месяца — *травень, травный месяц*. Зеленеет трава, густеет, тянутся к солнцу все растения.

Другие имена мая — *цветень* и *майник, розацвет* и *розоцвет*. Маю зовется этот месяц в Белоруссии и Молдавии, России и Эстонии, в Болгарии, Германии, Польше. Созвучное этому имя носит он в ряде союзных республик и некоторых стран: *майай* — в Азербайджане, *маиси* — в Грузии, *майс* — в Латвии, *майуш* — в Венгрии.

Нет месяца веселее мая, все поет, радуется весне, ее светлым дням. Май — светодень, месяц-праздник, птичий пересвист и переполох, самое светлое и хлопотное время в лесу, месяц птичьих песен и гнезд. Одни птицы селятся на земле (соловьи и овсянки, коньки и пеночки), другие вьют гнезда на кустах и ветвях деревьев (зяблики и клесты, иволги и дрозды), третьи — в дуплах (вертишейки, дятлы, синицы, галки, скворцы, совы, мухоловки, поползни, пищухи).

Май — соловьиная пора, свистозарник, соловьиный праздник. Начинают петь соловьи — премьеры весны. Пенье птичьего царя — соловья означает полный расцвет весны. С этого момента пошла весна на убыль, а лето — на прибыль.

Согласно так называемому календарю цветов маю посвящается лилия. В середине месяца в приокской степи цветут пахучие незабудки и первоцветы, русские рябчики и бурачки Гмелина. В садах благоухают нарциссы. Май дарит нам тюльпаны, ирисы, цикламены, амариллисы и ландыши, эти нежные, изящные колокольчики с удивительным и неповторимым ароматом. «Царь Цветов» — сказал о майском ландыше П. И. Чайковский и даже посвятил ему свои... стихи.

У многих народов сложены легенды и сказки о белоснежной жемчужине лесов. В украинских преданиях говорится, что крохотными душистыми бубенчиками обернулся счастливый смех впервые полюбившей лесной русалки Мавки. А по старинному русскому поверью трепетные цветочки ландыша — это застывшие слезы царевны Волховы, любовь которой отверг гордый Садко.

Согласно календарю грибника первая и вторая декады мая — время сбора сморчков, а в конце месяца появляются первые подберезовики и сыроежки.

По календарю рыболова в центральной части европейской территории страны самый лучший клев в мае у налима и щуки, угря и линя. Нерестятся ерш, жерех, лещ, окунь, плотва, судак и язь. Существуют приметы, по которым при одних фазах луны рыба ловится лучше, а при других — хуже.

По календарю счастливых камней маю посвящается изумруд, драгоценный камень высокого класса. Его лучшие темно-зеленые образцы красивого цвета ценятся иногда дороже алмаза. По старинным русским поверьям изумруд, смараagd (изумруд) — камень мудрости, надежды и хладнокровия.

Психологи установили, что ночной сон имеет различную продолжительность в зависимости от времени года. Оказалось, что короче всего он в мае-июне.

По именинному календарю в мае именинники по дням: 1-го — Авксентий и Иоанн, 2-го — Георгий и Трифон, 3-го — Гавриил, Григорий и Феодор, 5-го — Виталий и Всеволод, 6-го — Анатолий и Александра, 7-го — Алексей, Валентин и Елизавета, 8-го — Марк, 9-го — Василий и Глафира, 11-го — Кирилл, Максим и Симеон, 12-го — Артема, Василий и Богдан, 13-го — Иаков и Никита, 14-го — Игнатий, Макарий и Тамара, 15-го — Борис и Глеб, Давид и Роман, 16-го — Петр и Тимофей, 17-го — Кирилл и Никита, 18-го — Ирина, 20-го — Иоанн и Михаил, 21-го — Арсений и Пимен, 22-го — Иоанн и Николай, 24-го — Кирилл, 25-го — Герман, 26-го — Георгий, 27-го — Макарий и Никита, 28-го — Димитрий и Леонтий, 29-го — Ефрем, Феодор и Муза, 30-го — Евдокия, 31-го — Андрей и Кирилл, Петр и Симеон, Александра и Иулия, Клавдия и Фанна.

В. МИРОНОВ

ниточка-иглочка

Для выпускного бала

Галстук

Купить хороший галстук, равно подходящий и к вашему костюму, и к вашему характеру, всегда было и, наверное, долго еще будет проблемой. Но ведь

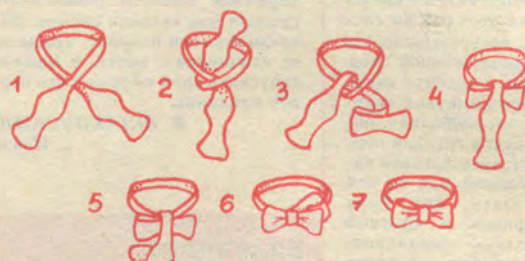
Перчатки могут быть короткими, чуть прикрывающими запястье; длинными, до самого локтя — все зависит от вашего вкуса и, конечно, фасона платья.

К строгому однотонному пиджаку можно подобрать галстук

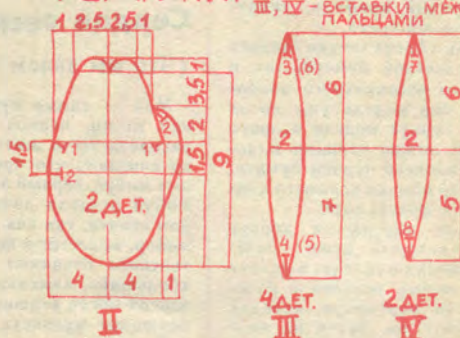
ских тканей, шерсти, старых галстуков, модных 20—30 лет тому назад и т. п. Яркие краски, птицы, слоны, обезьяны и другие животные поражают юношеское воображение своей экстравагантностью, но! Старайтесь всё-таки не переборщить: представьте, что будет с zavучем, если на выпускной вечер вы придёте, к примеру, в светлом клетчатом пиджаке с зелёным галстуком, на котором будет

СХЕМА ЗАВЯЗЫВАНИЯ
ГАЛСТУКА

СХЕМА ЗАВЯЗЫВАНИЯ
ГАЛСТУКА-БАНТА

I - ПЕРЧАТКА
II - БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ
III, IV - ВСТАВКИ МЕЖДУ
ПАЛЬЦАМИ

Раскройте детали, разложите их попарно. Следите за тем, чтобы не выкроить две перчатки на одну руку! Поскольку каждую операцию придется производить дважды, советуем делать это сразу. (Например, вшивание большого пальца на левой перчатке, затем сразу на правой.)

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

Затем последовательно втачайте все вставки между пальцами и стачайте швы между тыльной и внутренней частями перчаток.

Подогните дважды нижний срез перчатки наизнанку и пристрочите. По краю можно проложить кружевную ленту. Если перчатки очень длинные, продерните в подгибку узкую резинку — они не будут сползать.

Л. БАГМЕТ

Рисунки автора

живой уголок

Это — «че», это — «ре», это — «пах»!

...Зная, что у меня дома живет черепашка, сослуживица однажды спросила:

— Почему ты черепаху-то брала? Сашке своему подарок хочу сделать, пусть забавляется. А то мальчишками парня уже и не удивишь...

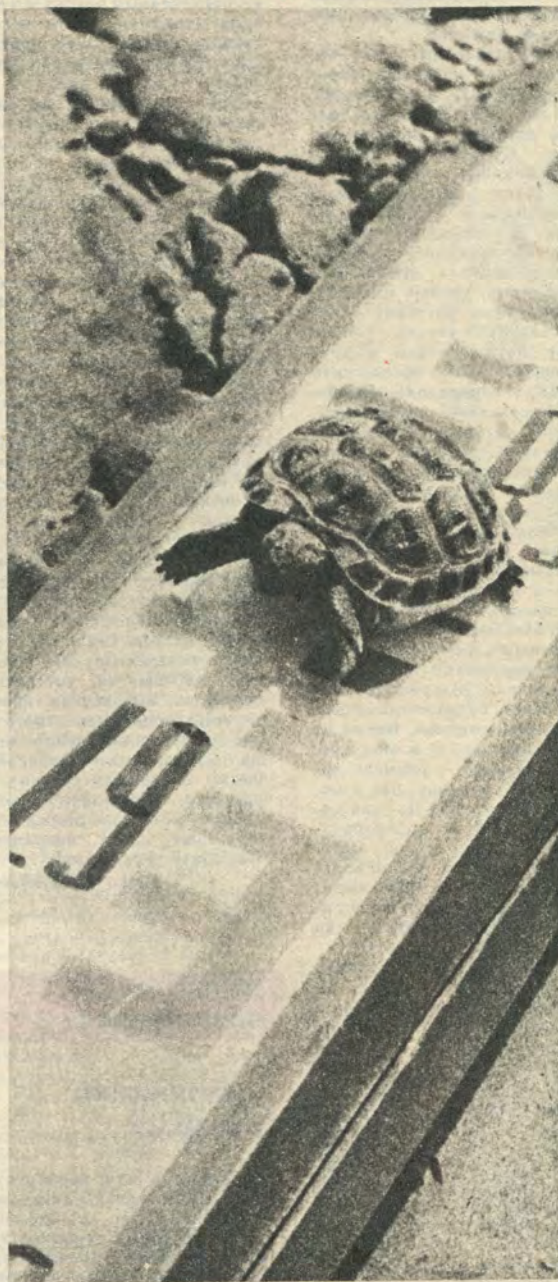
Как могла постаралась тогда отговорить женщину от покупки. Обидно стало за живое существо, которому в руках мальчика Сашки, возможно, предстояло стать очередной забавой, живой игрушкой, терпеть невзгоды из-за неготовности ребенка и его родителей к встрече с очень своеобразным животным. «К сожалению, немногие думают об этом, приобретая черепах. Людей привлекает их медлительность, безобидность. А вот о том, что черепахам, как и птицам, рыбкам, кошкам, живущим в квартирах, нужен старательный уход, мало кто подозревает. Неприхотливости черепах мнимая, и часто невнимание к ним хозяев оборачивается гибелью животных. Пожалуйста, помните об этом, приручая забавных черепашек — потомков древних обитателей Земли котилозавров.

Уникальность черепах не только в их древнем происхождении. От других пресмыкающихся (рептилий) они очень отличаются своим внешним видом — носят панцирь. Свободны от этой брони лишь голова, конечности и хвост. Но почувствует черепашка опасность, испугается шума — в миг спрячется вся в своем костяном домике, ни один

хищник не достанет. Панцирь — это особые окостенения, которые срослись с внутренним скелетом. Со спинным щитом (карапаксом) соединяются позвонки и расширенные ребра. В состав нижней части панциря (пластрона) входят кости грудины и ключицы.

Еще одна особенность, с которой вы столкнетесь, приобретя черепаху: животное это холоднокровное. Температура ее тела за-

вища на ножках... Но пусть вас это не отталкивает, а, наоборот, заставит лучше изучить природу черепахи, создать лучшие условия для ее жизни в квартире. На воле животные привыкли к определенным температурным колебаниям: в теплое время года они активны, с наступлением осени впадают в оцепенение, засыпают до весны. Поэтому, если вы хотите добра своей черепашке, прежде всего

висит от температуры среды и лишь на 1—3 градуса превышает ее. Непривычно бывает сначала, беря в руки маленькое существо, не ощущать его тепла: холодный панцирь, холодная ко-

подумайте о температурном режиме ее жизни в вашем доме. Тут на помощь придет террариум — специально оборудованное жилище с «искусственным солнцем».

Чаще всего в домашних живых уголках живут сухопутные черепахи — кавказская или степная. Различить их можно по количеству когтей на передних ногах: у кавказской черепахи их пять, у степной — четыре. Сами названия черепах подсказывают, какова их родная стихия — пустыня, степь. Вот и попробуйте в террариуме создать для своих воспитанников кусочек привычной им природы. Легче всего воспользоваться старым аквариумом. На его дно неровным слоем насыпьте сухой песок, положите несколько камешков, сухую коряжку. Устройте маленький водоем для питья (чуть вкопанная в песок мисочка или блюдце). Черепахи пьют мало, но все-таки не лишайте их возможности иногда делать это.

Теперь надо, чтобы заработало «солнышко», обогревающее песок. Для небольшого террариума подойдет низко подвешенная лампа накаливания в 40 ватт. Воздух в террариуме должен быть сухим и теплым (28—30 градусов под лампой, на 3—4 градуса ниже в противоположном углу). Исследуя свое новое жилище, черепашка сама выберет наиболее удобное для себя тепленькое местечко. Найдет и затененный уголок, где с удовольствием отдохнет от тепла. Постоянный верхний свет спасет черепашек от авитаминоза, сделает их более активными круглый год. Однако на ночь свет выключайте, ведь и суточные колебания температуры влияют на нормальную жизнедеятельность обитателей террариума.

Однако так уж получается, что настоящий, оборудованный по всем правилам террариум в квартире, где живет черепаха, все-таки редкость. Чаще домом для нее становится деревянный ящик или просторная коробка из-под обуви. Жилище это, действительно, проще «постро-

ить», но постарайтесь и в нем все продумать, чтобы не повредить воспитаннице. Коробку или ящик поставьте в такое место, где черепашке не грозит сквозняк. На дно «дома» насыпьте чистый песок, положите пучок сухой травы, в котором животное может укрыться.

Как правило, жильцы таких «домов» — звери вольные. Только на ночь их можно сажать и одоучивать, а днем спокойно пускайте гулять черепашку по квартире. Шумным и чем-то мешающим вам такое путешествие не будет. Что за скорость у черепахи? Черепаха! Поднимется она на своих когтистых лапках и тут же опустится, слегка ударит бронированным животом об пол. Вот так, шаг за шагом и исследует квартиру. А устанет — приткнется к ножке стула или к стене и замрет. Вам же стоит быть осторожнее и не забывать, что где-то под ногами ходит живое существо. Костяная рубашка моей черепахи Коки была такого защитного цвета, что приходилось специально надевать очки, чтобы найти ее в орнаментах паласа и случайно не наступить на нее.

Осенью многие хозяева черепах с испугом замечают, что их питомцы становятся малоактивными, плохо едят, часто дремлют в укромных уголках. Бояться всего этого не надо. Просто жизненный цикл рептилии неминуемо тянет ее в зимнюю спячку. Не тревожьте специально животное лишь потому, что хочется пообщаться с ним, показать друзьям, не заставляя насильно есть. Уступите в данной ситуации ей, умерив свой эгоизм и нетерпение. Ящик, где живет черепаха, до краев наполните сухим сеном, стружками или скопанными обрывками газет и поставьте в прохладное место (температура 3—5 градусов). Конечно, в квартире найти такое место непросто. Если в помещении будет тепло, черепаха скорее всего не заснет, а это плохо скажется на ее здоровье.

Но вот черепашка затихла, заснула. Ждать ее полного пробуждения теперь можно только весной.

В теплое время года черепаху надо изредка купать в теплой воде. Летом ей будет приятно погулять на улице — понежиться под солнышком, поесть свежих зеленых листочков на газоне или лужайке.

При старательном уходе черепахи хорошо переносят неволю и могут жить даже больше десяти лет. Обеспечить это долголетие поможет и правильное питание. Сухопутные черепахи — травоядные животные. Весной и летом у вас не должно быть проблем с выбором еды для них. Без труда вы найдете листья одуванчика — любимое лакомство черепах. Любят они и подорожник, клевер, цикорий. Из культурных растений — листья салата, капуста (более тонкие), ботву свеклы и других овощей. Можно предложить черепахе и корнеплоды (помытые и нарезанные ломтиками), помидоры, огурцы. Побалуйте черепашку и фруктами — яблоками, мякотью арбуза и дыни, виноградом. В меню рептилии должны входить и различные каши, белый хлеб, размоченный в молоке, вареный картофель. Некоторые черепахи не отказываются и от творога. Ближе к осени подкормите животное мелко порубленным мясом (сырым или вареным), дождевым червяком или личинками насекомых. Такие добавки, содержащие животные белки, будут очень кстати перед зимней спячкой. Время от времени добавляйте в пищу черепахи кальций — размельченную яичную скорлупу, раз в месяц давайте витамин Д. Если меню черепашки будет разнообразным, она сама своим выбором подскажет вам, что ей больше по вкусу. Но не балуйте любимое животное кусочком колбасы, салом. Любый животный жир черепахам противопоказан!

Возьмите за правило кормить черепаху всегда в одно и то же время, класть пищу всегда в определенное место. Не сразу, но черепашка привыкнет к этому и как по часам будет приходить к обеду. Попробуйте провести и такой эксперимент. Каждое кормление животного сопровождайте негромким постукиванием по стенке террариума (ящика) или звонком маленького колокольчика. Постепенно у животного выработается рефлекс на эти звуки, и ими можно будет приглашать его к кормушке.

Приручаются черепахи довольно хорошо, привыкают к тем, кто за ними ухаживает. В нашей семье Кока особенно выделяла папу. Когда другие домашние отсутствовали, он ее кормил, разговаривал с ней, ласково отчитывал на нечаянную лужицу на полу. Когда папа садился на диван, Кока часто заползала на его ногу в тапочке,

закреплялась там с помощью коготков и блаженствовала несколько минут. А папа сидел в неподвижности, боясь потревожить малышку.

Часто у людей, которые плохо знают черепах, они вызывают испуг, неприятные ощущения. Можно услышать такие определения, брошенные в адрес этих животных: «глупые», «бесчувственные», «противные». Удивляясь моей симпатии к Коке, бесконечным рассказам о ней, одна знакомая, почти негодуя, сказала как-то: «Не понимаю, как можно любить ее. Кошка, собака — другое дело. А ведь этой-то все равно даже, что ее кормят...» Вы уже знаете, что не все равно. И о глупости черепахи тоже можно поспорить, вспомнив элементы дрессировки, которые легко усваиваются животными. Дело тут не в черепахах, а в нашей ограниченности. Брезгливость по отношению к земноводным и пресмыкающимся многими, к сожалению, усваивается с детства. Но почему? Давайте вспомним, сколько сказок, стихов, фильмов и песенок посвящено черепахам. Первой, конечно, приходит на память мудрая и добрая Тортилла из «Приключений Буратино» А. Толстого. В сказке Р. Киплинга «Откуда взялись броненосцы» любому юному читателю запомнится остроумие и оптимизм черепахи Неспешной. А музыкальная черепаха из мультфильма «Как львенок и черепаха пели песенку»? Вспомните и другие мультфильмы, стихи К. Чуковского о черепахе. Вы увидите, что где бы ни упоминалась черепаха, это всегда положительный герой, милое, трогательное существо, наделенное многими прекрасными качествами: умом, спокойным ровным характером, обаянием, добрым нравом. Зачем же обижать этих животных своей неприязнью? Полюбите черепашку!

Елена МИХАЙЛОВА

рецепты прабабушек

«Парижский повар...»

Глядя на эту коричневую с золотым тиснением книгу, легко представить ее в библиотеке богатого дома тридцатых годов прошлого века. Впрочем, с таким же успехом книга эта могла быть не только в библиотеке хозяйки или хозяйки, но и ... на кухне.

Ничего удивительного, ведь речь идет о популярном издании по кулинарии.

Альберт Б. Парижский повар, или Поваренная книга... И далее, восемь строк убогистого текста на титульном листе извещали будущего читателя о том,

какие рецепты он найдет здесь, и заодно кратко представляли и рекламировали автора: «Много лет прослужил в Париже, приготавливал кушанья для французского кардинала...»

Но прежде чем перейти к рецептам старопарижских кушаний, одна интересная, на наш взгляд, деталь. Вслед за титулом в книге Б. Альберта помещена гравюра. Под ней подпись: «Благоустроенная кухня». А на гравюре — кухня, где расположение шкафов и жарочной плиты, судя по всему, весьма удобное и вполне современное. У плиты стоит (и что-то жарит) упитанный молодой мужчина, а рядом сидит и что-то вяжет женщина. Похоже, типичный семейный вечер во французском доме. Может быть, современные мужья вспомнят эту несколько забытую традицию?

Ну а теперь рецепты из книги, изданной более 160 лет тому назад.

Щи по-французски с сыром

Возьми кожаный капусты и положи на полчаса в холодную воду, чтобы взмокла; потом, вынув, дай стечь воде.

Положи на дно кастрюли несколько ломтиков, шпиги и смочи все жиром с какого-либо мясного бульона. Вари на малом огне. Свари так несколько кожаных капусты, положи на дно низкой, но широкой кастрюли кусок коровьего масла, потом уложи слой нарезанного ломтиками белого хлеба, посыпь его истертым сыром; потом устели слоем капусты, далее слой белого хлеба, пересыпанный сыром. Смочи достаточным количеством мясного бульона, чтобы пропиталась, и поставь кастрюлю на легкий огонь на полчаса. Вылив в суповую чашку похлебку, добавь для уменьшения густоты оной, бульону и подай на стол.

Жареный хлеб со свиным салом

Разрежь у двух белых хлебов верхушки, нашингуй тонкими ломтиками свиного сала; после чего нарежь хлеб в тонкие куски, обваляй во взбитых яйцах и жарь на легком огне.

Картофель в блане

Изрежь картофель в ломтики. Распусти в кастрюле хороший кусок замешенного с пшеничной мукой коровьего масла, присоветуй молока, рубленых петрушки, лукавиц, соли, перца. Вскипяти этот соус и положи в него картофель. Подержи на огне. Перед тем как подать на стол, полей яичным желтком.

Бланшированные плоды

Обмочи во взбитом яичном белке вишни, смородину, клубнику, виноград; потом обваляй их в мелкотолченном сахаре и засуши в печи, в вольном духу.

Старинную книгу читала Г. МУМРИКОВА

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

Итоги конкурса шахматных семей

Определились победители конкурса шахматных семей 1989 года. Участвовало более 3,5 тысяч команд, но некоторые участники не выдержали длительного марафона и сошли с дистанции, не решив всех 24 позиций.

Команды-победительницы награждаются грамотами и им будут высланы справки о выполнении ими норматива 3-го спортивного разряда по шахматам. Эти справки подлежат обмену в районном спорткомитете на квалификационный билет. Публикуем правильные ответы победителей.

- Задание 1. 1...Lg1
Задание 2. 1. c7 Kb7
Задание 3. 1. Cg5 hg
2. Fh5X
Задание 4. 1. Ce4+K:e4
2. Lg8 L:f2+ 3. C:f2 F:d4
4. C:d4
Задание 5. 1. c4
Задание 6. С этим заданием не справились многие участники конкурса. 1...La1. 2. Lb1 (2. Fe2 Fd2! 3. Fc4 Kh4! 4. Lg3 Ff2 с выигрышем) 2...Kg3+ 3. Fg3 (если 3. hg La8 с дальнейшим 3...Lh8x) 3...Lb1 4. Ff3e4 5. Fe2 Fd2! 6. Fc4 Kph6 7. Ff2.
Задание 7. 1. Cb7
Задание 8. 1. Fe8 Fh5
2. Ke7 Ke7 3. Ff8 Kf8 4. Ld8x
Задание 9. 1. La4!
Задание 10. 1. Lf1
Задание 11. 1. Fe4
Задание 12. 1. gf1
Задание 13. 1. Kpd4
Задание 14. 1. Le8
Задание 15. 1. F:a6+Kpb8
2. F:b7X
Задание 16. 1. Kd2 d6
2. Ke4 de 3. Kf6X
Задание 17. 1. Ca1 Kpa1
2. Kp c2 b5 3. cb b4 4. c7 b3
5. Kp b3 Kp b1 6. c8 F a1F
7. Fc7X
Задание 18. 1. La4 h5
2. Lh4 Kp:a2 3. La4X
Задание 19. 1. La6
Задание 20. 1. c7 Ld6+
2. Kpb5 Ld5 3. Kpb4 Ld4 4. Kpb3 Ld3 5. Kpc2 Ld4 6. c8L! La4
7. Kpb3
Задание 21. Эта позиция тоже вызвала затруднения в решении у некоторых команд.
1. Lc8+ L:c8 2. Fa7!! Kp:a7
3. bxc4+!

- Задание 22. 1. Ld6
Задание 23. 1. L:b8+Kp:b8
2. F:c5+ fe 3. Lf8+ Fe8
4. Le8
Задание 24. 1. h3 Lbb3
2. Lc8+ Kpg7 3. Lg8+ Kp:g8.

Убедительная просьба к участникам конкурса-90 присылать все ответы только на открытках, не вкладывая их в конверты. Иначе работа по подведению итогов затруднена и замедляется.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА ШАХМАТНЫХ СЕМЕЙ 1989 ГОДА

Семья **Альбинских**, г. Курск; **Лена Андреева**, г. Томск; семья **Балуевых**, г. Ярославль; семья **Белаш**, г. Гатчина Ленинградской области; семья **Бизер**, г. Красноярск; семья **Булгаковых**, Москва; семья **Букных**, пос. Б. Пикино Горьковской области; семья **Бут**, г. Запорожье; семья **Вагиных**, г. Архангельск; семья **Вдовенко**, г. Керчь; семья **Владимировых**, Москва; семья **Евстигнеевых**, г. Мариуполь Донецкой области; семья **Егоровых**, г. Новый Узень Казахской ССР; семья **Жмаевых**, г. Керчь; семья **Зайцевых**, г. Харьков; семья **Запаринных**, г. Минск; семья **Зубовых**, г. Николаев; семья **Калгиных**, г. Воронеж; семья **Капитоновых**, г. Новокузнецк Кемеровской области; семья **Карпенко**, г. Таганрог; семья **Карпчук**, г. Херсон; **Дмитрий Каторин**, г. Новокузнецк Кемеровской области; семья **Кириловых**, г. Барнаул; **Максим Ковалев**, г. Саратов; семья **Коваленко**, г. Мелитополь Запорожской области; семья **Козак**, г. Полтава; семья **Коззело**, г. Калуга; семья **Козловых**, г. Ахтубинск Астраханской области; семья **Конаковых**, дер. Михеевни Сернурского района Марийской АССР; семья **Константиновых**, дер. Логовушка Кетовского района Курганской области; семья **Копасовых**, Волгоград; **Оля Корзина**, г. Иваново; семья **Коровяных**, Белгород; семья **Коршуновых**, г. Лахденпохья Карельской АССР; семья **Кривенко**, пос. Комсомольский Готвальдовского района Харьковской области; семья **Крыловых**, г. Владимир; семья **Кузнецовых**, г. Омск; семья **Кузнецовых**, г. Свердловск; семья **Куликовых**, Волгоград; семья **Курашко**, Москва; семья **Кучумовых**, пос. Джалиль Сармановского района Татарской АССР; семья **Литвиновых**, г. Щекино Тульской области; семья **Литвяковых**, г. Кентау Чимкентской области; семья **Лысовских**, г. Добруш Гомельской области; семья **Пахомовых**, г. Междуреченск Кемеровской области; семья **Поляковых**, пос. Тазовский Тюменской области; семья **Резабек**, г. Ростов-на-Дону; семья **Реклизон**, пос. Первомайск Слободзейского района Молдавской ССР; семья **Саплиных**, г. Новогородка Донецкой области; семья **Сафоновых**, Москва; семья **Сокальских**, Калининград Московской области; семья **Солон-**

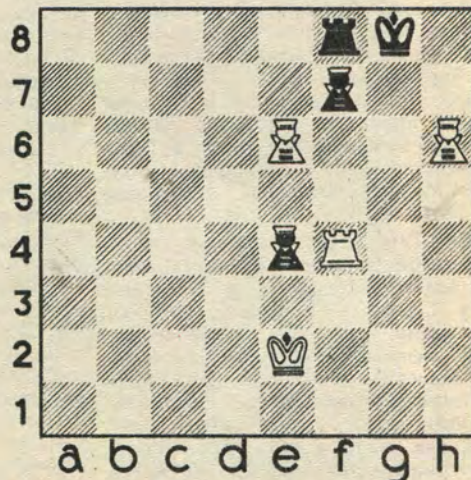
ковых, г. Нижний Тагил Свердловской области; **Геннадий Сорокин**, г. Сыктывкар; семья **Сорокиных**, г. Тирасполь Молдавской ССР; семья **Суррогатных**, г. Витебск; семья **Топорных**, г. Новгород; семья **Устиновых**, г. Нижний Тагил Свердловской области; **А. А. Федичев**, пос. Белый Яр Сургутского района Тюменской области; семья **Федотовых**, г. Петрозаводск; семья **Филатовых**, г. Красноярск; семья **Филимоновых**, г. Тюмень; **Виктор Цивинский**, г. Житомир;

семья **Шматко**, г. Каменск-Уральский Свердловской области; семья **Шукиных**, г. Горький; семья **Ясинецких**, Волгоград.
Поздравляем всех победителей конкурса и желаем им новых творческих успехов!

Жюри конкурса

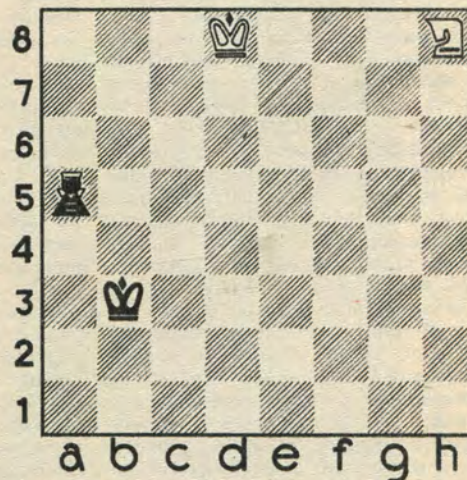
Конкурс шахматных семей

Задание 9

Позиция белых: Kpe2, Lf4, e6, h6.
Позиция черных: Kg8, Lf8, e4, f7.
Белые начинают и выигрывают.

Задание 10

Позиция белых: Kpd8, Kh8.
Позиция черных: Kpb3, a5.

Ход белых. Сможет ли конь остановить пешку?

Н. ЮНЕЕВА

Михаил Ларионов Цирковая танцовщица

Кто-то из исследователей русского кубофутуризма заметил, что почти все родоначальники этого направления в поэзии и живописи авангарда были выходцами из низших, точнее — непривиденных слоев общества. Крученых и Филонов — из крестьян, Маяковский — из мелкого чиновного дворянства, братья Давид и Владимир Бурлюки, Каменский, Малевич — из мещан. Только Хлебников и Наталья Гончарова принадлежали к родовитому дворянству. В мещанской семье в Тирасполе родился и муж Гончаровой — художник Михаил Федорович Ларионов (1881—1964).

В 1898—1910 годах Ларионов учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества сначала у Левитана, затем у Серова и Коровина, которым, судя по всему, доставлял немало хлопот, если не неприятностей. Как у Филонова и Малевича, в отличие, скажем, от Кандинского (называя крупнейших художников авангарда), у Ларионова отсутствовал, так сказать, ген «ученичества». Это был настоящий выходец из низов, упрямый, недоверчивый, дерзкий и самостоятельный, пуще всего, наверно, боявшийся быть обманутым и поэтому веривший только себе.

Правда, позднее, рецензируя выставку художников-футуристов «Ослиный хвост», лидером которых был Ларионов, поэт и критик Максимилиан Волошин подчеркнул, что какая-никакая, а школьная выучка у этих ниспровергателей все-таки была. «Это выставка «рапенов», — писал Волошин. — Рапин — это художник-ученик, уже прошедший положительную науку о живописи и находящийся в периоде отрицательного изучения ее, сказывающегося в критике и насмешках над теми учителями, у которых он все же продолжает учиться, в грубоватых, но веселых пародиях, карикатурах, в красочном цинизме, в вызывающем ультрареализме. Рапен уже обладает всеми знаниями, которые ему может дать мастерская, и уже презирает эти знания. Но он еще не художник, потому что еще не вышел из мастерской и не прошел через шуточное, путовское отношение к жизни. Рапенство — это известный, психологически необходимый момент в жизни почти каждого талантливого художника».

Однако не сразу и не вдруг Ларионов сделался ниспровергателем. В юности он много работал как пейзажист импрессионистического толка, был замкнут и самоуглублен. Он словно пренебрегал бесконечным разнообразием впечатлений, открытых художнику-импрессионисту, и с исключительным упорством разрабатывал только один мотив: писал цветущие де-

ревья в палисадниках при разном, чаще всего — вечернем освещении. На этом примере «раннего Ларионова» можно почувствовать тот пафос самоограничения, который был свойствен многим русским авангардистам, несмотря на рекламную скандальность их публичных выступлений. Зыбкую неуловимость реальности старался закрепить Ларионов в ранних пейзажах, о ней же писал в стихах:

Когда солнце падает
и высокий загибается рог — на крышах
домов
абрикосовые деревья сквозят листьями
в небе и яркие плоды как звезды.

Вечерняя пыль сметает след горизонта. Проходящие женщины с ведрами воды кажутся кусками то только туловища, то только ног. Дрожащая вода в реке точно бесконечная газета и... ряд событий до того стремителен, что ничего нельзя разобрать...

Посылая эти стихи итальянской приятельнице в 1916-м или 1917-м году, Ларионов сопроводил их припиской: «Это ощущения ранней молодости, когда я был импрессионистом и любил безумно Верлену».

Зрелость Ларионова наступила стремительно. В тишине его одинокой юности выросли неожиданные и щедрые плоды. Он (как и Гончарова) стал генератором идей русского художественного авангарда. В этом, что называется, его историческая роль. «Все мы прошли через школу Ларионова», — говорил Маяковский, имея в виду поколение футуристов. Сам Ларионов придумывал больше, чем осуществлял. Как бы не поспевал за полетом собственной мысли. На первый взгляд, он отказался от рафинированной живописной утонченности своих ранних вещей. Его опорой, лозунгом и манифестом стал так называемый «изобразительный фольклор» — искусство народного лубка и городских, особенно провинциальных вывесок с их наивной и часто нелепой выразительностью. Лапидарные формы, кричащие цвета, комизм утрированных жестов, своего рода простодушная поэма о жизни и в то же время пародия на нее. «Соединяя любование с гротеском», — писал Д. Сарабьянов, — Ларионов демонстрирует все приметы провинциального быта, разворачивает перед зрителем уличную жизнь; останавливает внимание на франтах, поджидающих в условленном месте своих партнеров; кельнерах, продавщицах прохладительных напитков».

Будучи какое-то время на солдатской службе, Ларионов написал блестящие и

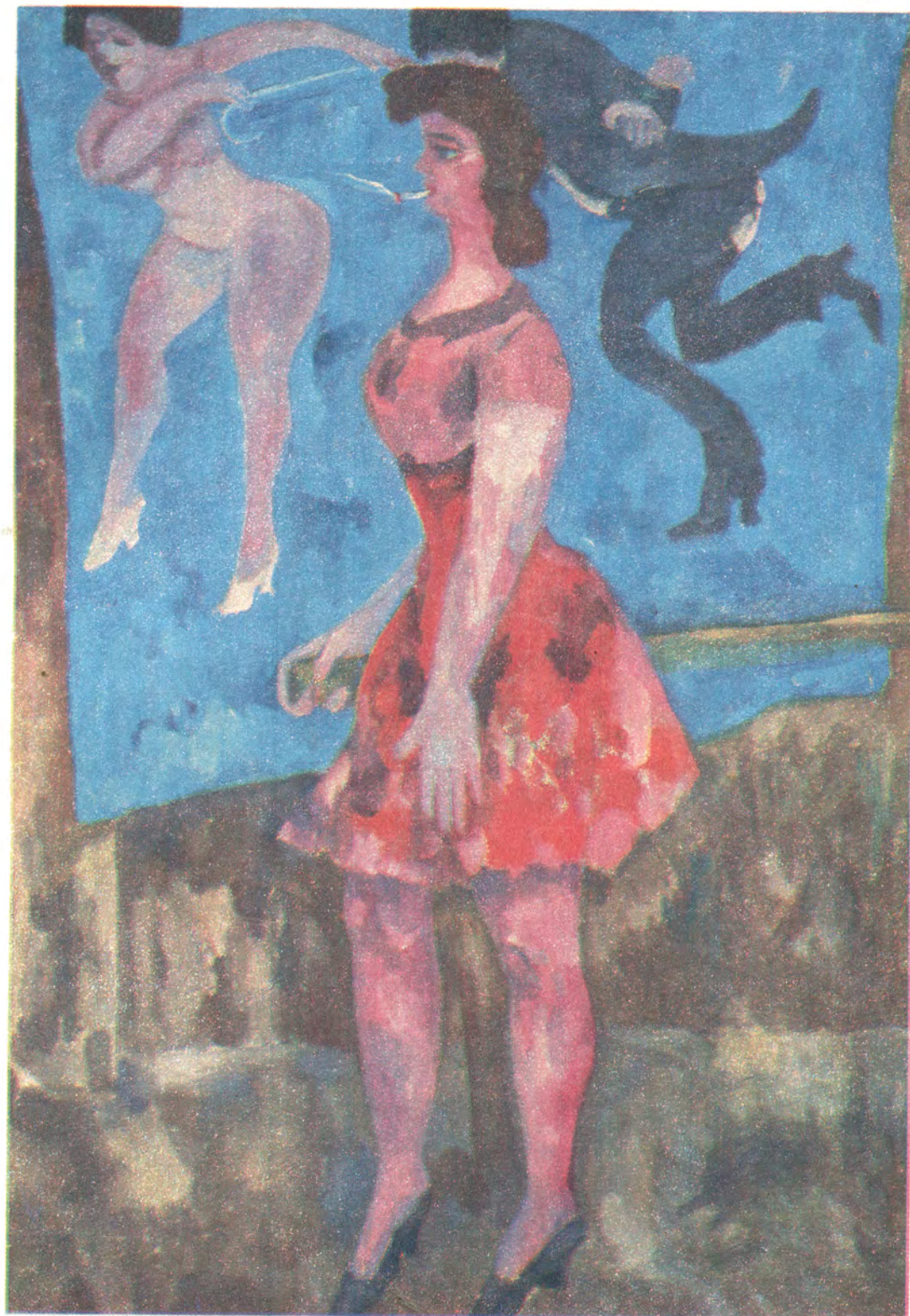
смешные картины из быта казармы: солдата с гармоникой, солдат, играющих в карты, пьющих и просто отдыхающих. Потом пришло время «парикмахерского» цикла (парикмахер и его клиент). В картине «Офицерский парикмахер», едва ли не самой знаменитой у него, Ларионов написал офицера с дурацкой физиономией, сидящего в парикмахерском кресле перед зеркалом, и сладкого куафера в смокинге и с пошлыми усами, уже заносащего над головою клиента непомерно большие ножницы. И все это — на фоне роскошной голубизны и кроваво-красного штофа обивки и портьер.

Едва ли многие из современников этих поразительно талантливых картин (которых было не очень много; «Цирковая танцовщица» — та, что на нашей репродукции, — из их числа) сумели распознать за нарочитой и пародийной аляповатостью письма твердую руку, строгий вкус и острый ум написавшего их художника. Эти картины, естественно, вызвали скандал, в котором, впрочем, не ощущалось злобы. Вообще русский футуризм начинался довольно весело. Ларионову же скоро сделалось тесно (я может быть, и скучно) в рамках придуманного им стиля, названного «неопримитивизмом». Он шел к дальнейшему упрощению художественного языка, на этот раз сосредоточив внимание на заборных рисунках с пояснительными надписями. Вулгарное развлечение городских мальчишек и хулиганья Ларионов возвел на высоты эстетики своего времени. В этом самом «заборном» ключе, в начале 10-х годов он создал несколько шедевров, удивительных прежде всего нежностью и целомудрием отношения к женщине — таких, как «Маня» или «Весна». Этот лирик и ерник, чувственник и концептуалист, насмешник, бунтарь и ниспровергатель обладал огромным запасом художнической чистоты и честности. И она — эта чистота, эта неустанная взыскательность к себе, порождающая неудовлетворенность собою, наверно, и понуждала его идти все дальше вперед, считая уже достигнутое только вехой и эпизодом.

Логика развития художественной мысли Ларионова неизбежно подводила его к порогу абстрактной живописи, который он и переступил в 1913 году. На выставке «Мишень» он выступил с обоснованием новой живописи — «лучизма». «Присем этот, — писал приятель Ларионова художник Ледантор, — очень своеобразен, обоснован чисто живописными законами и находится в полном соответствии с требованиями мастерства. Главное достоинство лучизма в освобождении живописной формы от обычной трактовки предметности в пользу наибольшего развития линейной цветовой фактуры».

Таков, вкратце, путь, проделанный Ларионовым в русском искусстве с 1907-го по 1914 год. С началом войны он был взят на фронт, демобилизован после ранения и в 1915 году уехал с Гончаровой за границу. Жил главным образом в Париже. Ничего, подобного шедеврам «русского периода», в Европе он не написал.

В. АЛЕКСЕЕВ

БУКВА „ТЫ“

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года и пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и «папа», и «мама», и «Саша», и «Маша», и оставалась у нас невыученной одна только самая последняя буква — «я».

Рисунки И. Харкевича

И тут вот, на этой последней буквке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал ей букву, дал ей как следует её рассмотреть и сказал:

— А это вот, Иринушка, буква «я».

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

— Ты?

— Почему «ты»? Что за «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я».

— Буква «ты»?

— Да не «ты», а «я».

Она еще больше удивилась и говорит:

— Я и говорю: ты.

— Да не я, а буква «я».

— Не ты, а буква «ты»?

— Ох, Иринушка, Иринушка. Наверно, мы, голубушка, с то-

бой немного переучились. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это не я, а это буква так называется — «я»?

— Нет, — говорит, — почему не понимаю? Я понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Это не ты, а это буква так называется — «ты».

Фу! Ну в самом деле, что ты с ней поделаешь? Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я — это не я, ты — не ты, она — не она и что вообще «я» — это только буква?

— Ну, вот что, — сказал я наконец, — ну, давай скажи как будто про себя: я. Понимаешь? Про себя. Как ты про себя говоришь.

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

— Говорить?

— Ну-ну... конечно.

Вижу — молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

— Ну, что же ты?

— Я сказала.

— А я не слышал, что ты сказала.

— Ты же мне велел про себя говорить. Вот я потихоньку и говорю.

— Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шёпотом на ухо мне:

— Ты!..

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забегал по комнате.

Внутри у меня всё кипело как вода в чайнике. А бедная Иринушка сидела, склонившись над букварём, искоса посматривала на меня и жалобно сопела. Ей, наверно, было стыдно, что она такая бестолковая.

Но и мне тоже было стыдно, что я — большой человек — не могу научить маленького человека правильно читать такую простую букву, как буква «я».

Наконец я придумал всё-таки. Я быстро подошёл к девочке, ткнул её пальцем в нос и спрашиваю:

— Это кто?

Она говорит.

— Это я.

— Ну вот... Понимаешь? А это буква «я».

Она говорит:

— Понимаю...

А у самой уж, вижу, и губы дрожат, и носик сморщился — вот-вот заплачет.

— Что же ты, — я спрашиваю, — понимаешь?

— Понимаю, — говорит, — что это я.

— Правильно. Молодец. А это вот буква «я». Ясно?

— Ясно, — говорит. — Это буква «ты».

— Да не ты, а «я»!

— Не я, а ты.

— Не я, а буква «я»!

— Не ты, а буква «ты».

— Не буква «ты», господи бо-

же мой, а буква «я»!

— Не буква «я», господи боже мой, а буква «ты».

Я опять вскочил и опять забегал по комнате.

— Нет такой буквы! — закричал я. — Пойми ты, бестолковая девчонка! Нет и не может быть такой буквы! Есть буква «я». Понимаешь? Я! Буква «я»! Изволь повторять за мной: я, я, я!..

— Ты, ты, ты, — пролепетала она, едва разжимая губы.

Потом уронила голову на стол и заплакала. Да так громко и так жалобно, что весь мой гнев сразу остыл. Мне стало жалко её.

— Хорошо, — сказал я. — Как видно, мы с тобой и в самом деле немного заработались. Возьми свои книги и тетрадки и можешь идти гулять. На сегодня — хватит.

Она кое-как запихала в сумочку своё барахлишко и, ни слова мне не сказав, спотыкаясь и всхлипывая, вышла из комнаты.

А я, оставшись один, задумался: что же делать? Как же мы в конце концов перешагнём через эту проклятую букву «я»?

«Ладно, — решил я. — Забудем о ней. Ну её. Начнём следующий урок прямо с чтения.

Для малышей

Может быть, так лучше будет».

И на другой день, когда Иринушка, весёлая и раскрасневшаяся после игры, пришла на урок, я не стал ей напоминать о вчерашнем, а просто посадил её за букварь, открыл первую попавшуюся страницу и сказал:

— А ну, сударыня, давайте-ка почитайте мне что-нибудь.

Она, как всегда перед чтением, поёрзала на стуле, вздохнула, уткнулась и пальцем и носиком в страницу и, пошевелив губами, бегло, не переводя дыхания, прочла:

— Тыкову дали тыблоко.

От удивления я даже на стуле подскочил:

— Что такое?! Какому тыкову? К кое тыблоко? Что ещё за тыблоко?

Посмотрел в букварь, а там чёрным по белому написано: «Якову дали яблоко».

Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

— Яблоко, Иринушка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

— Яблоко? Так, значит, это буква «я»?

Я уже хотел сказать: «Ну, конечно, «я»! А потом спохватился и думаю: «Нет, голубушка. Знаем мы вас. Если скажу «я», значит, опять пошло-поехало! Нет уж, сейчас мы на эту удочку не попадёмся».

И я сказал:

— Да, правильно. Это буква «ты».

Конечно, не очень-то хорошо говорить неправду. Даже очень нехорошо говорить неправду. Но что же поделаешь? Если бы я сказал «я», а не «ты», кто знает, чем бы всё это кончилось. И, может быть, бедная Иринушка так всю жизнь и говорила бы: вместо «яблоко» — «тыблоко», вместо «ярмарка» — «тырмарка», вместо «якорь» — «тыкорь» и вместо «язык» — «тызык». А Иринушка, слава богу, выросла уже большая, выговаривает все буквы правильно, как полагается, и пишет мне письма без одной ошибки.

30 коп. Индекс 70909
 ISSN 0131-7377
 «Семья и школа», 1990, № 5, 1-64